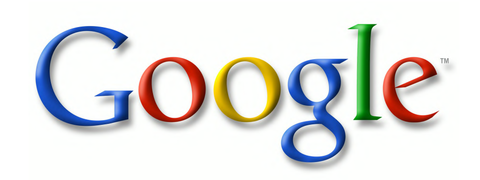
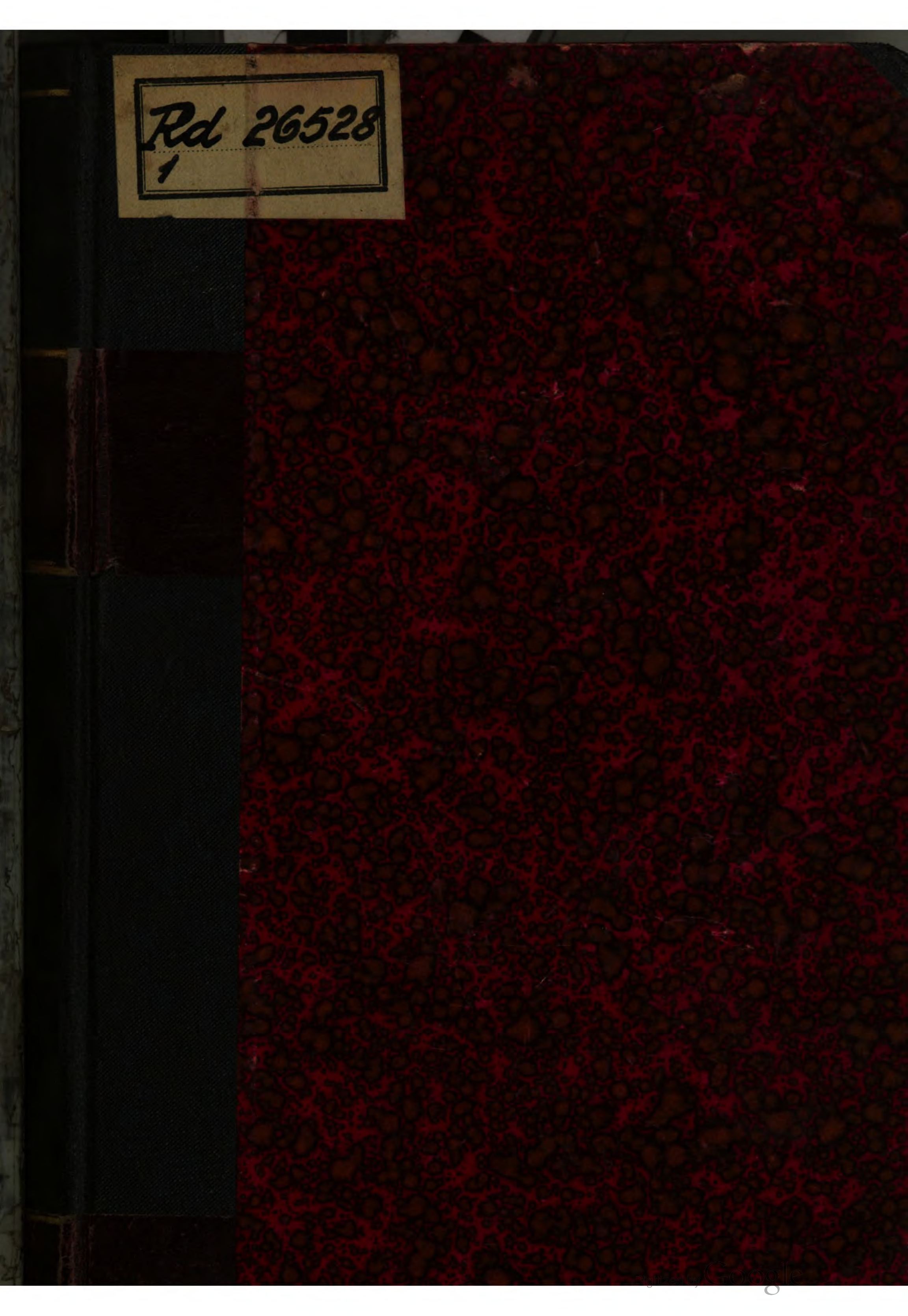

Rd 26528
1

ЛѢТОПИСЬ

КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСѢЯ КРОНЕБЕРГА.

ЧАСТЬ 1.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна за 2 части 1 р. 50 к. сер.

МОСКВА.

—

1858.

ЛѢТОПИСЬ

КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

ЛѢТОПИСЬ

КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

ПЕРЕВОДЪ

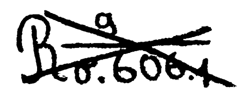
АЛЕКСѢЯ КРОНЕБЕРГА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна за 2 части 1 р. 80 к.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 15 дня, 1857 года.

Ценсоръ Н. Гиляровъ Платоновъ.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

ТЮТЧЕВУ.

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ УВАЖЕНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

ПЕРЕВОДЧИКЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Разбирая бумаги покойнаго брата моего Андрея Кронеберга, я нашелъ между прочимъ начало перевода Тацитовой лѣтописи. Такъ какъ рукопись была еще не совсѣмъ исправлена, то я хотѣлъ ее пересмотрѣть и напечатать въ какомъ нибудь журналѣ. Но работа увлекла меня. Я рѣшился продолжать переводъ брата. Издавая теперь мой трудъ, я считаю долгомъ сказать, что *переводъ первой книги* и *первыхъ главъ второй* принадлежитъ не мнѣ, а брату.

Алексѣй Кронебергъ.

СОСТОЯНІЕ РИМА ПРИ АВГУСТѢ.

Республика оканчивала свое существованіе въ кровопролитныхъ распряхъ. Характеръ междоусобій совершенно измѣнился и явно доказывалъ упадокъ народнаго духа. Въ народѣ погибло стремленіе къ независимости. Прежде сражался онъ за общія права, теперь проливаетъ кровь за личные интересы немногихъ людей. Борьба между консервативною партіею (оптиматами) и партіею народа сохранила только имя, но на дѣлѣ превратилась въ борьбу между партіями Силлы и Марія, Помпея и Цезаря и т. п. Теперь уже не отдѣльныя лица служатъ массѣ, а масса служитъ отдѣльнымъ лицамъ. Народъ сражается уже не за начала, исповѣдуемыя Помпеемъ или Цезаремъ, но за самого Помпея, за самого Цезаря. Ему нуженъ властелинъ, онъ разучился жить самобытною жизнью. Любовь къ отечеству, къ независимости исчезла, превратилась въ любовь къ деньгамъ, зрѣлищамъ и тунеядству. Къ тому же весь міръ завоеванъ, внѣшнихъ враговъ нѣтъ, и ничто не мѣшаетъ необузданнымъ партіямъ предаваться ожесточенію.

Внѣшнихъ враговъ нѣтъ, сказалъ я: надо было прибавить опасныхъ. Внутреннія смуты не могли не отразиться на провинціяхъ, населенныхъ разными племенами, такъ какъ власть Рима основана была единственно на завоеваніи. И въ самомъ дѣлѣ, то тамъ, то сямъ вспыхивало возстаніе; море было покрыто пиратами; сѣверныя границы республики надо было постоянно охранять отъ нападенія безпокойныхъ германскихъ племенъ; на Востокѣ образовалось сильное царство Парѳянское, но оно еще не достигло до сознанія собственной силы и было отдѣлено отъ Римлянъ мелкими владѣніями восточной части Малой Азіи. Царьки Арменіи, Каппадокіи и пр. не смѣли и подумать помѣряться силами съ западнымъ гигантомъ и съ покорностію ѣздили въ Римъ принимать корону. Римъ выдержалъ эту борьбу, но вышелъ изъ нея уже не прежнимъ Римомъ, съ своими героями республиканскаго безкорыстія, а новымъ, котораго жалкую картину такъ ярко очертилъ Тацитъ. Семьдесятъ лѣтъ сряду продолжались междоусобія и кончились правленіемъ Августа.

Постараемся показать въ краткихъ чертахъ причины этого жалкаго упадка духа, этого чудовищнаго превращенія Фабриціевъ въ Нероновъ.

Начало римской республики представляетъ борьбу между *патриціями*, потомками первыхъ сенаторовъ и *плебеями*, простымъ народомъ. Патриціи, родовые аристократы, свергнувъ съ престола послѣдняго царя, Тарквинія, учредили аристократическую республику и прибрали къ рукамъ своимъ всю власть. Правда, народъ утверждалъ законы, но патриціи

нисколько не страшились этой мнимой оппозиціи. Способъ отбиранія голосовъ служилъ имъ вѣрнымъ ручательствомъ въ успѣхѣ. Голоса почти во всѣхъ случаяхъ подавались по центуріямъ, центуріи были организованы такимъ образомъ, что капиталисты имѣли болѣе голосовъ, нежели весь остальной народъ,—а капиталъ былъ въ рукахъ патриціевъ. Они имѣли исключительное право засѣдать въ сенатѣ, который составлялъ законы, рѣшалъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, вѣдалъ религіозныя дѣла, словомъ, сосредоточивалъ въ себѣ верховную власть. Всѣ высшія должности могли замѣщаться только патриціями. Но важнѣе всѣхъ этихъ привиллегій было исключительное обладаніе поземельною собственностью и капиталами. Отсюда вѣчныя распри за проценты, вѣчная борьба за полевые законы. Каждая война доставляла Риму новый клочекъ земли. Обыкновенно Римляне отдѣляли часть ея въ общественное владѣніе и, разумѣется, отдавали въ руки патриціямъ. Со временемъ это поссессіонное право обратилось въ право собственности. Какой нибудь патрицій такъ давно уже владѣлъ своимъ участкомъ, что передавалъ его сыну безъ всякаго сопротивленія со стороны властей, такихъ же патриціевъ. А народъ бѣднѣлъ и обращался къ нимъ же, прося денегъ. Патриціи не отказывали. Законы о долгахъ и должникахъ были слишкомъ выгодны для заимодавцевъ. Неоплатный должникъ становился собственностію богача заимодавца.

Наконецъ народъ возсталъ. Возстаніе произошло съ удивительнымъ политическимъ тактомъ; безъ буйства, безъ кровопролитія, всею массою вышелъ народъ изъ Рима на Свя-

щенную гору и не захотѣлъ идти на войну проливать кровь свою въ пользу привиллегированнаго меньшинства.

Отшествіе народа на Священную гору имѣло важныя послѣдствія. Онъ получилъ право избирать изъ среды своей *трибуновъ*, защитниковъ его свободы, правъ и интересовъ. Лицо трибуна было священно и неприкосновенно; власть его сначала была только пассивна, но неограниченна. Онъ имѣлъ право уничтожить всякое постановленіе сената, которое казалось ему противно пользамъ народа.

Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности хода борьбы между патриціями и плебеями и по необходимости ограничимся замѣчаніемъ, что мало по малу власть трибуновъ и плебса увеличивалась, и наконецъ плебеи получили право занимать всѣ должности республики, право вступать въ бракъ съ патриціями и т. д., то есть, совершенно сравнялись въ правахъ съ аристократіей.

«Патрицій, замѣчаетъ Шампаньи, только тѣмъ отличался отъ плебея, что не могъ быть народнымъ трибуномъ».

Родовая аристократія пала: но на мѣсто нея явилась новая. Сравнявшись въ правахъ своихъ съ патриціями, нѣкоторые изъ плебеевъ разбогатѣли, часть поземельной собственности перешла въ ихъ руки, и какъ рожденіе уже не давало никакихъ преимуществъ, то на первое мѣсто выступилъ капиталъ. Эти плебеи-аристократы, *нобили*, стали еще страшнѣе прежнихъ патриціевъ. По ихъ примѣру, прибрали они къ рукамъ деньги, земли, почести, должности —

и не встрѣчали оппозиціи, потому что сами вышли изъ среды народа.

Обладаніе опредѣленнымъ капиталомъ давало римскому гражданину права и титулъ *всадника*. Прежде, въ эпоху царей, всадники составляли ядро римской конницы и обязаны были отправлять военную службу. Въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, римскую конницу составляли союзники, а всадники получили совершенно другое значеніе. Стоя ниже патриціевъ и нобилей, они не были такъ горды и занимали должности, недоступныя для сенаторовъ или презираемыя ими, должности второстепенныя, но доходныя. Управленіе финансами, сборъ податей и т. п. обогатили римскихъ всадниковъ и пріучили ихъ къ денежнымъ оборотамъ. Составляя тѣсно связанное общество, они наполняютъ всю имперію и, какъ вампиры, высасываютъ кровь изъ несчастныхъ провинцій. Разумѣется, и у нихъ проявилось наконецъ самолюбіе и честолюбіе, имъ дали въ театрахъ особенныя четырнадцать скамей, всѣ лучшія должности при Августѣ были ими заняты, они сдѣлались страшными соперниками нобилей.

Это соперничество проявлялось всего рѣзче въ провинціяхъ, на свободѣ, гдѣ проконсулъ или пропреторъ былъ неограниченный повелитель по закону, а всадники, *publicani*, сборщики податей, распоряжались также самовластно, имѣя въ рукахъ всѣ матеріальныя средства и esprit de corps.

Не завидна была доля римскихъ провинцій. Власть Рима была основана на завоеваніи и поддерживалась сильнѣйшею

централизаціею. Римъ былъ господинъ, — провинціи были его покорныя рабыни, дойныя коровы, которымъ даже не давали пойла, а тянули изъ нихъ молоко до истощенія силъ. Провинція была завоеванная страна. Проконсулы, окруженные толпою промотавшихся негодяевъ, раззоряли ее безъ всякой пощады. По мѣрѣ увеличенія богатства и расточительности, корысть римскихъ вельможъ, нобилей и публикановъ становилась ненасытнѣе и провинціи должны были за все платить. Проконсулъ имѣлъ право надъ жизнію и смертію и часто употреблялъ его во зло. Его когорта, свита, пользуясь его личнымъ покровительствомъ и правами римскаго гражданства, производила страшныя безпутства. Его легіонъ поступалъ съ жителями провинціи, какъ съ покоренными врагами. Города платили огромныя суммы, чтобы только откупиться отъ постоя римскаго гарнизона.

Съ другой стороны всадники брали съ несчастныхъ двойныя и тройныя подати. Замѣчательно, что до Нерона величина подати держалась въ тайнѣ отъ тѣхъ, кто ее платилъ. Публиканы назначали, что хотѣли, и жители провинціи обязаны были повиноваться. Награбивъ огромные капиталы, всадники пускали ихъ въ оборотъ, отдавая взаймы на непомѣрные проценты, закупая земли, и овладѣвали всѣмъ, не исключая даже личной свободы жителей. Впрочемъ свобода эта не ставилась ни во что. Проконсулъ иногда прямо арестовалъ этихъ свободныхъ людей и отправлялъ ихъ въ Римъ забавлять въ циркѣ праздную толпу.

Римлянинъ, не имѣя гроша въ карманѣ, пользовался неограниченнымъ кредитомъ, могъ на занятыя деньги давать

народныя игры, если знали, что ему дадутъ въ управленіе какую-нибудь провинцію. Награбивъ тамъ огромные капиталы, римскій гражданинъ, — всадникъ или нобиль, — возвращался въ Римъ. Цѣль его была достигнута. Онъ богатъ. Но куда употребитъ онъ свои богатства? Онъ не пуститъ ихъ въ полезный торговый оборотъ, онъ не станетъ унижаться до коммерческихъ предпріятій, онъ заживетъ бариномъ. На то создана Италія. Италія была совершенно на другихъ правахъ, какъ остальныя провинціи. Территорія ея разбилась на большіе участки, принадлежавшіе нобилямъ и всадникамъ. Владѣльцы ихъ тратили страшныя суммы, чтобы превратить свои помѣстья въ роскошныя виллы. Основа ихъ богатства была не въ Италіи, а въ провинціяхъ; Италія была мѣстомъ отдыха и наслажденія. Почва ея, которая когда-то, говоритъ Тацитъ, доставляла хлѣбъ даже въ чужія земли, покрылась садами и парками, а хлѣбъ доставляли также провинціи.

Все это произвело страшный наплывъ капиталовъ въ Римъ и породило ту роскошь, которая повела Римлянъ къ погибели. Нужно вникнуть въ духъ древняго міра, чтобы понять, почему это множество денегъ не развило торговли и промышленности, не возбудило духа предпріятій. Не надо забывать, что у Римлянъ были рабы. Рабъ считался вещью, господинъ имѣлъ право надъ его жизнью и имуществомъ; лучше сказать, у раба не было имущества, не могло быть ни какой собственности; все, что имѣлъ рабъ принадлежало господину. Свободный Римлянинъ считалъ для себя унизительнымъ заниматься какимъ-нибудь ремесломъ: отъ того у

него между рабами были и портные, и сапожники, и архитекторы, и медики, и даже поэты и ученые. Но рабъ не можетъ охотно заниматься дѣломъ; страхъ, какъ единственная побудительная причина, не можетъ усилить дѣятельность человѣка. Рабъ трудился только по приказанію господина, и труды его ограничивались потребностію господина. Зачѣмъ бы сталъ онъ дѣлать лишнее, когда у него не было права собственности, а слѣдовательно и права получить вознагражденіе за трудъ, когда самый результатъ труда принадлежитъ не ему, а его господину?

Оставался еще одинъ классъ народа, значеніе котораго мы еще не разсматривали подробно: это были свободные, но бѣдные люди, чернь, плебеи собственно. Она раздѣлялась на двѣ совершенно различныя части, городскую и деревенскую. Деревенская состояла изъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, затертыхъ огромными владѣніями нобилей. Это были люди скромные, жившіе своими незначительными доходами съ помѣстій, — но участь ихъ была незавидна. Мало по малу они становились въ зависимость отъ своихъ богатыхъ сосѣдей и теряли собственность и свободу. Иногда ихъ неожиданно требовали на войну, нужно было покинуть все семейство: они по необходимости поручали это семейство покровительству богача сосѣда; иногда неурожай заставлялъ ихъ прибѣгать къ денежной помощи того же богача, — и *plebs rustica* стиралась незамѣтно съ лица Италіи. Впрочемъ, на ея права и неприкосновенность не очень-то обращали вниманіе сильные господа. Случалось бѣднымъ свободнымъ плебеямъ испытывать и па-

лочные удары и быть просто прогнанными съ собственной земли.

Совершенно другую картину представляла plebs городская. То была толпа тунеядцевъ, совершенно потерявшая прежнія возвышенныя чувства, но сохранившая право римскаго гражданства, право подавать голосъ на выборахъ и пр. Неспособная къ работѣ, непривычная къ трудамъ, алчная къ деньгамъ, какъ и остальныя сословія Римлянъ, она превратилась теперь въ страшное орудіе партій и личностей. Знатные люди ухаживали за нею, огромными суммами покупали голоса, сыпали ей деньги и хлѣбъ, тѣшили ее театральными представленіями. Побѣда была въ рукахъ того, кто умѣлъ привлечь на свою сторону эту чернь.

А число ея быстро увеличивалось. Жители провинцій съ завистью смотрѣли на эту своевольную толпу и всѣми силами старались пробраться въ Римъ, или дать средство попасть туда своимъ дѣтямъ. Они даже продавали себя и дѣтей въ рабство, надѣясь, что въ Римѣ ихъ отпустятъ на волю, и цѣль будетъ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, увеличивалось число рабовъ, увеличивалось и число отпущенниковъ. При императорахъ отпущенники пріобрѣли страшную власть: мы это увидимъ изъ Тацита.

Итакъ въ Римѣ раздоръ партій, корыстолюбивыхъ оптиматовъ и буйной черни, въ Италіи роскошныя, но безплодныя владѣнія богачей, наполненныя несчастными рабами, въ провинціяхъ неограниченная власть алчныхъ проконсуловъ и всадниковъ, повсюду нищета и раззореніе, а въ Римѣ безмѣрная роскошь и развратъ:—таковъ былъ древній міръ.

Очевидно, что онъ ожидалъ только геніальнаго человѣка, чтобы отдаться въ его власть. Не долго пришлось ему ждать. Скоро изъ толпы спорящихъ отдѣлилась личность Цезаря, — и судьба Рима совершилась. Цезарь дѣйствовалъ нагло и смѣло. Опираясь на плебеевъ, онъ даже и наружно не щадилъ противную партію. Военный геній далъ ему въ руки армію, народъ стоялъ за него, и онъ не церемонился съ сенаторами и нобилями. Онъ производилъ плебеевъ въ патриціи, увеличилъ число сенаторовъ до 900 человѣкъ, принявъ въ него даже простыхъ центуріоновъ, съ презрѣніемъ обращался съ всадниками, одного изъ нихъ, Лаберія, заставилъ появиться на театрѣ, что до Нерона считалось величайшимъ оскорбленіемъ для Римлянина.

Наконецъ, надѣясь на свои силы, онъ захотѣлъ совершенно сбросить маску и провозгласить себя царемъ. Кому неизвѣстенъ заговоръ Брута и Кассія? Цезарь былъ убитъ. Оказалось, что это было безполезное убійство. Народъ былъ недоволенъ, военная власть была въ рукахъ Лепида, адъютанта (magister equitum) Цезаря, М. Антоній явился мстителемъ за своего родственника, Октавій пришелъ получать наслѣдство своего дѣда и исполнить его завѣщаніе, — и верховная власть перешла въ руки новаго тріумвирата. Республика отжила свое время.

Октавій представлялъ совершенную противуположность съ своимъ дѣдомъ. Осторожный до трусливости, разчетливый и хитрый политикъ, довольно плохой полководецъ, онъ предпочиталъ существенную власть наружному блеску. Человѣкъ безъ сердца, онъ является то жестокимъ тираномъ,

то милостивымъ и великодушнымъ монархомъ, смотря потому, что было выгоднѣе. Онъ самъ очертилъ свой характеръ, спрашивая на смертномъ одрѣ у окружающихъ:

— Не правда ли, я хорошо сыгралъ свою роль?

Онъ не могъ не одолѣть своихъ соперниковъ. Лепидъ былъ человѣкъ ничтожный, Антоній старый развратникъ, безъ зазрѣнія совѣсти дарившій Клеопатрѣ и ея дѣтямъ римскія провинціи, оскорблявшій часто жену свою, сестру Октавія. Притомъ же онъ предавался наслажденіямъ, живя въ Египтѣ у Клеопатры, — пока Августъ оставался въ Римѣ и дѣятельно вербовалъ на свою сторону, кого могъ. Опираясь на армію Цезаря, на деньги Цезаря, на имя Цезаря, онъ рѣшился наконецъ вступить въ явную борьбу, и Акціумская битва довершила участь Рима.

Августъ остался одинъ. Не боясь болѣе враговъ, онъ прикинулся скромникомъ, разыгрывалъ роль простаго гражданина, ограничилъ всю свою власть трибуническимъ правомъ, то есть, правомъ неприкосновенности и вмѣшательства во всѣ распоряженія. Онъ презиралъ внѣшній аппаратъ власти и довольствовался существеннымъ. Къ тому же примѣръ Цезаря показалъ, что Римляне еще не были достаточно приготовлены къ формальному перевороту. Права трибуна и право иниціативы составляли сущность верховной власти.

Августъ обладалъ большимъ политическимъ геніемъ; его учрежденія и перемѣны были прочны, и нѣсколько столѣтій еще шла эта испорченная машина, послѣ починки великаго механика.

Вся власть во время республики заключалась въ сенатѣ. Тутъ было зерно консервативной партіи оптиматовъ, и Цезарь, въ свое третье диктаторство, желая ослабить его постоянную оппозицію, увеличилъ, какъ я выше сказалъ, число сенаторовъ до 900 человѣкъ, допустивъ въ него людей всякаго званія. Старые сенаторы были обижены: но Цезарь былъ увѣренъ въ своемъ всемогуществѣ и не боялся ихъ безплоднаго гнѣва. Армія и народъ были на его сторонѣ.

Августъ понялъ, что не должно оставлять сенатъ въ такомъ униженіи. Нельзя было довольствоваться одною опорою безпутной черни, не сдѣлавшись наконецъ ея игралищемъ; надо было найти другую точку опоры, которая позволила бы, въ случаѣ надобности, обуздывать плебсъ. Эта точка опоры была подъ рукою. Стоило только возвысить значеніе сената, превратить его въ собраніе, покорное волѣ властелина, но не униженное, которое бы уважали и въ Римѣ и въ особенности въ провинціяхъ. Чрезъ сенатъ можно было издавать указы, не слишкомъ пріятные для народа, сваливая всю вину на него; сенатъ, однимъ словомъ, долженъ превратиться въ удобное орудіе, которымъ бы можно дѣйствовать по произволу, не оскорбляя республиканскихъ формъ.

И вотъ Августъ обратился къ сенаторамъ, предоставляя каждому размыслить по совѣсти, достоинъ ли онъ сидѣть въ этомъ почтенномъ собраніи, и если совѣсть отвѣтитъ ему отрицательно, просилъ его добровольно удалиться изъ сената. Кто боялся Августа, кто въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ, поспѣшилъ послѣдовать

дружелюбному совѣту, и много сенаторовъ вышло въ отставку. Тогда Августъ ограничилъ число сенаторовъ шестью стами и постановилъ сенаторскій цензъ 1,200,000 сестерцій. Нашлись люди знатнаго происхожденія, не имѣвшіе столько денегъ: Августъ помогъ имъ изъ собственной шкатулки. Были богачи, сильные люди изъ простаго класса; Августъ возвелъ ихъ въ санъ патриціевъ. А первобытныхъ, коренныхъ патриціевъ оставалось не болѣе 50. Старые сенаторы были благодарны Августу за возстановленіе ихъ значенія, новые еще больше; Августъ имѣлъ право созывать сенатъ, дѣлать ему предложенія, а сенаторы считали долгомъ тутъ же ихъ утверждать.

Но Августъ дѣйствовалъ разсчетливо; онъ не опредѣлилъ точныхъ предѣловъ власти и вѣдѣнія сената, и важные вопросы рѣшалъ самъ съ своимъ личнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ довѣренныхъ лицъ разныхъ сословій. Часть провинцій предоставилъ онъ сенату, другую часть оставилъ себѣ. Съ видомъ безкорыстія уступалъ онъ сенату богатыя внутреннія земли, а себѣ приберегъ пограничныя, бѣдныя, вѣчно раззоряемыя войнами съ сосѣдними народами. Эти послѣднія требовали постояннаго присутствія войскъ, для отраженія непріязненныхъ племенъ, между тѣмъ какъ въ сенатскихъ провинціяхъ нужны были только полицейскіе гарнизоны. Такимъ образомъ вся армія была подъ непосредственнымъ его присмотромъ и начальствомъ. Сенатскія провинціи управлялись по прежнему проконсулами, то есть, бывшими консулами. Обыкновенно провинціи распредѣлялись по жребію на одинъ годъ. Въ свои же провинціи Августъ

посылалъ людей довѣренныхъ, часто даже простыхъ всадниковъ. Онъ и тутъ исправилъ ошибку Цезаря, слишкомъ презиравшаго это сильное сословіе. Августъ былъ цензоромъ. Должность цензора состояла въ ревизіи всѣхъ сословій и чиновниковъ; цензоръ имѣлъ право исключать изъ списка всадниковъ недостойныхъ людей. Августъ воспользовался этимъ правомъ, выключилъ сверхъ негодяевъ всѣхъ тѣхъ, у кого не было 400,000 сестерцій, и, чтобы еще болѣе поднять упавшее значеніе этого сословія, позволилъ обѣднѣвшимъ всадникамъ сидѣть на привиллегированныхъ четырнадцати скамьяхъ въ театрѣ, сталъ поручать имъ важныя должности, посылалъ ихъ въ званіи *прокураторовъ* управлять собственными имѣніями и капиталами и т. д.

Римлянинъ начиналъ свою должность съ *квесторства* потомъ проходилъ через степени *эдиля*, *претора* до *консула*.

Квесторы были казначеи и начальники комиссаріатской части при войскѣ; въ ихъ вѣдѣніи находилась также чеканка монетъ и т. п. Эдили составляли родъ полицмейстеровъ, давали народу общественныя игры на свой счетъ (то есть, на счетъ будущаго грабежа провинцій), наблюдали за порядкомъ въ городѣ, за общественнымъ продовольствіемъ и пр. Но Августъ возложилъ общественныя игры на квесторовъ, такъ что квесторство сдѣлалось шагомъ къ сенаторству: кто былъ достаточно богатъ, чтобы забавлять народъ, тотъ навѣрное имѣлъ сенаторскій цензъ. Общественное продовольствіе, именно хлѣбъ, доставлялся въ Римъ изъ провинцій, моремъ: это была одна изъ важнѣйшихъ частей

администраціи; Августъ поставилъ надъ нею особеннаго чиновника, *префекта хлѣбной продажи* (*pr. annonae*), котораго обыкновенно выбиралъ изъ всадниковъ. Наконецъ главный надзоръ надъ общественнымъ порядкомъ и благоустройствомъ города поручилъ *префекту города*. Эту должность занималъ при немъ знаменитый Меценатъ, — простой всадникъ.

Преторы сохранили свое значеніе судей. Консулы стали просто исполнителями приказаній сената и императора, и также имѣли судебную власть.

Ветеранамъ Цезаря Августъ обязанъ былъ своимъ престоломъ, въ нихъ видѣлъ онъ важнѣйшую опору. Одна изъ важнѣйшихъ реформъ его была реформа войска, отдѣленіе фиска отъ общественной казны для жалованья солдатамъ и учрежденіе *преторіанскихъ когортъ*.

Прежде всякій Римлянинъ долженъ былъ отправлять военную службу и считалъ это за честь, за необходимость; Римлянинъ и воинъ было почти синониномъ. Но съ окончаніемъ второй Пунической войны всѣ отношенія начинаютъ измѣняться. Границы государства отодвигаются все далѣе и далѣе. Римъ богатѣетъ, и вслѣдствіе этого Римлянину не хочется оставить ясное небо Италіи, разстаться съ роскошью и комфортомъ, чтобы ѣхать куда нибудь въ Германскіе лѣса, переносить холодъ и голодъ, рисковать жизнію... зачѣмъ? Мало ли бѣдняковъ, пусть ихъ подставляютъ лобъ. И дѣйствительно, армія стала наполняться бѣдными плебеями; часть ея состояла изъ иностранцевъ, и значеніе ея

упало, а вмѣстѣ съ значеніемъ и храбрость; дисциплина ослабѣла; то тамъ, то сямъ происходили военныя возстанія— впрочемъ это уже во время императоровъ.

Римская армія раздѣлялась на двѣ главныя части, *римскіе легіоны* и *вспомогательныя войска*, состоявшія изъ иностранцевъ и составлявшія конницу и легковооруженныя отряды.

Во время Августа легіонъ состоялъ изъ 6,000 человѣкъ съ небольшимъ. Онъ раздѣлялся на 10 *когортъ*, когорта на 5 *центурій*. Прежде легіонъ дѣлился на *манипулы* и это названіе сохранилось; оно означало 2 центуріи. Императоръ назначалъ главнаго начальника надъ дѣйствующею арміей, который въ свою очередь выбиралъ себѣ *легатовъ*; власть ихъ не была опредѣлена. Имъ давали команду надъ отдѣльными корпусами, возлагали на нихъ различныя порученія и т. п. Провіантская и денежная часть была въ рукахъ *квесторовъ*. Въ каждомъ легіонѣ было шесть *трибуновъ*, но трибуны не начальствовали надъ шестою частью легіона, а по очереди командовали всѣмъ легіономъ. Сначала два трибуна командуютъ легіономъ, смѣняя другъ друга ежедневно, и это продолжается два мѣсяца. Тогда ихъ очередь кончена и новая пара трибуновъ точно также въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ командуетъ, ежедневно смѣняясь. Трибуны получали отъ легата или полководца пароль, разставляли караулы, наблюдали за исправностію службы и вооруженія и пр. Трибуны избирали изъ храбрѣйшихъ солдатъ *центуріоновъ*. При каждой манипулѣ было два центуріона. Манипулы пользовались не одинаковымъ по

четомъ, по этому для центуріона переходъ изъ одной манипулы въ другую считался повышеніемъ, такъ что центуріонъ первой манипулы, *примипиларій*, имѣлъ равныя права съ трибуномъ, былъ членъ военнаго совѣта и на его отвѣтственности находился орелъ легіона. Остальные значки (у каждой манипулы былъ значекъ) находились у центуріоновъ.

Не довольствуясь тѣмъ, что былъ неограниченный повелитель арміи, Августъ оставилъ нѣсколько когортъ въ Римѣ, назвалъ ихъ *преторіанскими* и на нихъ главнымъ образомъ утвердилъ свою власть. Преторіанцы составляли почетную гвардію, были на двойномъ жалованьѣ, обязаны были служить 16 лѣтъ, а не 20, какъ легіонаріи, и какъ служить? Не выходя изъ Рима, не зная никакихъ трудовъ, никогда не видя непріятеля. Августъ не хотѣлъ быть въ зависимости у плебса, и возвысилъ сенатъ: но, учредивъ преторіанскія когорты, онъ посѣялъ сѣмена военнаго деспотизма, и уже ближайшіе его наслѣдники, желая неправдою достигнуть престола, начинали съ того, чтобы склонить на свою сторону преторіанцевъ въ лицѣ ихъ главнаго начальника, *префекта преторіанскихъ когортъ;* огромными суммами осыпали они преторіанцевъ за услуги, и сами падали жертвою ихъ возмущенія и корыстолюбія.

Какіе же плоды принесла реформа Августа? Онъ уничтожилъ борьбу политическихъ партій — она превратилась въ борьбу за актеровъ, за гаеровъ; онъ утвердилъ на прочныхъ нача-

лахъ новую форму правленія,—но не въ его власти было воскресить умирающій міръ! Онъ не могъ вселить благородныхъ стремленій въ душу людей, привыкшихъ служить орудіемъ для личныхъ цѣлей другихъ и брать за мѣрило дѣлъ своихъ матеріальную выгоду. Да врядъ ли онъ и желалъ поднять падшій духъ Римлянъ. Воскреснувъ, онъ сразилъ бы его самого прежде всѣхъ. Теперь для Римлянъ какъ будто изчезло понятіе о чести, они готовы на самыя черныя дѣла, если эти дѣла могутъ имъ доставить барышъ; примѣровъ приводить нечего: ихъ слишкомъ много въ Тацитѣ.

Алексѣй Кронебергъ.

ЛѢТОПИСЬ
КАЯ КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

От̃ъ осн. Рима 767, 768 года. По Р. Х. 14, 15 года.

767,14.

1.

Городомъ Римомъ владѣли сначала цари. Свободу и консульство установилъ Луцій Брутъ. Диктаторы назначались только на время, въ случаѣ надобности; власть децемвировъ длилась не болѣе двухъ лѣтъ, и консульская власть военныхъ трибуновъ была кратковременна. Ни Цинна, ни Сулла не господствовали долго; могущество Помпея и Красса скоро перешло къ Цезарю, военная власть Лепида и Антонія къ Августу, который, принявъ имя *главы, principis,* началъ управлять всѣми частями республики, ослабѣвшей отъ гражданскихъ раздоровъ. Но счастіе и несчастіе стараго народа римскаго уже описано славными историками; о временахъ Августа также повѣствовали люди даровитые, пока не заставила ихъ молчать укоренившаяся лесть. При жизни Тиберія, Кая, Клавдія и Нерона лгали изъ страха, по смерти ихъ—изъ свѣжей ненависти. Вотъ что побудило меня разсказать немногое о концѣ правленія Августова, потомъ о Тиберіи и

другихъ, безъ злобы и безъ пристрастія, къ чему и не имѣю я никакихъ причинъ.

2.

Со смертью Брута и Кассія не осталось войскъ у республики· Помпей былъ разбитъ близь Сициліи (1), Лепидъ обезоруженъ, Антоній убитъ, и вождемъ Юліанской партіи оставался только Цезарь. Тогда, сложивъ названіе тріумвира, онъ объявилъ себя консуломъ и притворился, будто доволенъ властью трибуна на защиту народа. Плѣнивъ солдатъ подарками, народъ раздачею хлѣба, всѣхъ сладкимъ сознаніемъ мира, началъ онъ по-немногу возвышаться, присвоивать себѣ права сената, сановниковъ, силу законовъ. Никто ему не противорѣчилъ: крѣпкіе духомъ пали на поляхъ битвъ или были изгнаны, остальные вельможи чѣмъ болѣе готовы были услуживать, тѣмъ болѣе сыпались на нихъ богатства и почести, и, вознесенные переворотомъ, они предпочитали настоящее вѣрное старому и невѣрному. Въ провинціяхъ тоже не отвергали новаго порядка дѣлъ; тамъ не довѣряли ни власти сената, ни власти народа; распри сильныхъ, жадность правителей, немощь законовъ, нарушаемыхъ насиліемъ, честолюбіемъ, наконецъ, деньгами, — уничтожили это довѣріе.

3.

Въ подпору своему господству Августъ возвелъ Клавдія Марцелла, сына сестры своей, еще несовершеннолѣтняго, въ санъ понтифекса и курульскаго эдиля; Марку Агрип-

(1) Агриппа разбилъ Секста Помпея, который бѣжалъ въ Азію и былъ убитъ Тиціемъ, легатомъ Антонія.

нѣ (2), незнатному родомъ, но хорошему солдату и соучастнику своей побѣды, два раза сряду доставилъ онъ консульство и вскорѣ послѣ смерти Марцелла сдѣлалъ его своимъ зятемъ; пасынковъ своихъ, Тиберія Нерона и Клавдія Друза (3) украсилъ титуломъ императоровъ, не смотря на то, что фамилія его была и безъ того въ цвѣтущемъ состояніи, ибо къ ней причислилъ онъ и сыновей Агриппы, Кая и Луція, и, притворяясь несогласнымъ, пламенно желалъ, чтобы ихъ назвали главами юношества (principes juventutis) и назначили въ консулы, когда они не сняли еще юношеской тоги. Но умеръ Агриппа; умеръ и Луцій Цезарь на дорогѣ къ испанскимъ войскамъ; умеръ и Кай, возвращаясь раненый изъ Арменіи; и, богъ вѣсть, смерть ли проворная или козни мачихи Ливіи сразили ихъ; умеръ и Друзъ еще прежде. Изъ пасынковъ остался одинъ Неронъ. Тогда все досталось ему: онъ былъ усыновленъ, сдѣланъ товарищемъ въ управленіи, участникомъ въ трибунической власти, представленъ всѣмъ войскамъ, и все это не по тайнымъ проискамъ матери, какъ бывало прежде, но вслѣдствіе открытой ея просьбы. Она до того овладѣла старикомъ Августомъ, что онъ изгналъ единственнаго внука своего, Агриппу Постума (4), на островъ Планазію. Агриппа былъ, правда, необразованъ, грубъ, глупо гордъ тѣлесною силою, но не уличенъ ни въ какомъ преступленіи. Германика, однако же,

(2) Онъ былъ Випсаній Агриппа, но, стыдясь имени отца, называлъ себя просто Маркъ Агриппа. Августъ женилъ его на дочери своей Юліи, бывшей за Марцелломъ, сыномъ Октавіи, сестры Августа.

(3) Это были дѣти Тиберія Друза и Ливіи Друзиллы, которую Августъ отнялъ у мужа, когда она была беременна Друзомъ.

(4) Сына Агриппы и Юліи, которая еще разъ вышла за-мужъ за Тиберія. Островъ Планазія—теперь Піаноза близь Эльбы.

сына Друзова, поставилъ онъ начальникомъ восьми легіоновъ на Рейнѣ и велѣлъ Тиберію усыновить его, чтобы больше опоръ имѣлъ его домъ, хотя у Тиберія былъ еще сынъ молодыхъ лѣтъ. Войны въ то время не было, только съ Германцами, и то больше, чтобы загладить стыдъ потерянныхъ Квинтиліемъ Варомъ легіоновъ, нежели для распространенія границъ или изъ-за добычи. Дома все было спокойно. Имена должностей оставались прежнія, молодое поколѣніе появилось на свѣтъ послѣ Акціумской побѣды, да и старики, большею частью, родились во время гражданскихъ войнъ: кто же видѣлъ и помнилъ республику?

4.

И такъ, дѣла измѣнились. Ничего не осталось отъ прежнихъ добрыхъ обычаевъ, уничтожилось равенство, все внимало велѣніямъ главы. Пока Августъ былъ свѣжъ и здоровъ, нечего было бояться: онъ поддерживалъ и себя, и домъ свой, и миръ. Но когда пришла старость, когда тѣло посѣтили болѣзни и близокъ былъ конецъ, родились новыя надежды: немногіе безполезно разсуждали о благѣ свободы; одни боялись войны, другіе желали ее, но большая часть злословила на счетъ будущихъ владыкъ.

— Агриппа жестокъ, говорили въ народѣ, раздраженъ безчестіемъ, молодъ, неопытенъ, — и ему не совладать съ такою громадой. Тиберій Неронъ зрѣлъ лѣтами и знакомъ съ войною, но зараженъ старою, коренною гордостью фамиліи Клавдіевъ; онъ не разъ выказывалъ свою жестокость при всемъ стараніи скрывать ее. Съ раннихъ лѣтъ воспитывался онъ въ господствующемъ домѣ; смолоду сыпались на него консульства и тріумфы, и даже когда подъ видомъ добровольнаго уединенія онъ былъ сосланъ на Родосъ, у него на

душѣ только и были, что гнѣвъ, притворство да тайныя страсти. А тутъ еще мать съ женскими слабостями! Придется служить бабѣ, да сверхъ того двумъ молодцамъ, которые будутъ республику давить, пока совсѣмъ раздавятъ.

5.

Такъ говорила молва народная, а между тѣмъ Августу становилось все хуже. Кое-кто подозрѣвалъ тутъ и преступленіе жены. Пронесся слухъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ Августъ, предувѣдомивши кое-кого, но, взявъ съ собою только одного Фабія Максима, поѣхалъ на Планазію повидаться съ Агриппою; что много съ обѣихъ сторонъ было тамъ пролито слезъ, много изъявлено знаковъ нѣжности, и что можно было надѣяться на возвращеніе внука къ пенатамъ своего дѣда. Максимъ разсказалъ это женѣ Марціи, а она Ливіи. Донесли объ этомъ Цезарю, и немного спустя, когда умеръ Максимъ (неизвѣстно, самъ ли онъ лишилъ себя жизни), во время похоронъ его слышанъ былъ плачъ Марціи, обвинявшей себя, что она причиною смерти мужа.—Какъ бы то ни было, но едва Тиберій вступилъ въ Иллирію, какъ былъ отозванъ назадъ поспѣшнымъ письмомъ матери, и неизвѣстно, засталъ ли онъ въ Нолѣ Августа еще въ живыхъ, или нѣтъ; потому что Ливія окружила домъ и дороги крѣпкою стражей, а между тѣмъ разсылала добрыя вѣсти, пока не настала минута объявить разомъ о смерти Августа и новомъ владычествѣ Нерона.

6.

Первымъ злодѣяніемъ новаго правленія было убійство Постума Агриппы. Центуріонъ (5), человѣкъ рѣшитель-

(5) Светоній говоритъ, что это былъ трибунъ. Впрочемъ и Та-

ный, съ трудомъ могъ убить его, хотя Постумъ не былъ предваренъ и былъ безоруженъ. Тиберій ни слова не сказалъ объ этомъ въ сенатѣ; онъ ссылался на мнимый приказъ отца, будто бы повелѣвшаго трибуну, который надзиралъ за Постумомъ, убить его немедленно, когда скончается самъ Августъ. Много и горько, безъ сомнѣнія, жаловался Августъ на поведеніе юноши, если достигъ что сенатъ утвердилъ его изгнаніе: но онъ никогда не былъ такъ жестокъ, чтобы обречь на смерть кого нибудь изъ своихъ, и невѣроятно, чтобы онъ велѣлъ лишить жизни внука ради безопасности пасынка. Ближе къ истинѣ, что Тиберій и Ливія ускорили смерть подозрительнаго и ненавистнаго юноши, — онъ изъ страха, она изъ злобы мачихи. Когда центуріонъ доложилъ ему, по военному обычаю, что приказъ его исполненъ, онъ отвѣчалъ,

— Что ничего не приказывалъ, и что отчетъ въ поступкѣ должно отдать сенату.

Саллустій Криспъ (6), участникъ тайны, отославшій приказъ къ трибуну, опасался, узнавши это, чтобы не обвинили его самого, и тогда равно было опасно, что бы онъ ни отвѣчалъ: истину или вымыселъ. Поэтому онъ увѣщевалъ Ливію,

— Чтобы не дѣлали гласными семейныя тайны, совѣты друзей и военные приказы,—чтобы Тиберій не нарушалъ силы своего владычества, отдавая все на судъ сената, потому что повелѣвать можно только съ условіемъ, чтобы отчетъ отдавали одному.

цитъ черезъ нѣсколько строкъ упоминаетъ о трибунѣ, надзиравшемъ за Постумомъ.

(6) Племянникъ историка Саллустія, имъ усыновленный. См. Кн. 3, гл. 30.

7.

Въ Римѣ все бросилось раболѣпствовать: консулы, патриціи, всадники—чѣмъ знатнѣе кто былъ, тѣмъ тороплпвѣе и крѣпче надѣвалъ маску. Будь веселъ—бѣда, потому что умеръ Августъ; будь печаленъ — другая, потому что есть новый императоръ. Слезы мѣшали съ восторгомъ, сожалѣнія съ лестью. Консулы Секстъ Помпей и Секстъ Апулей первые присягнули Тиберію Цезарю; съ ними и Сей Страбонъ (7), префектъ преторіанскихъ когортъ (praefectus pr. coh.), и Кай Турраній, префектъ хлѣбной продажи (praef. annonae); за ними сенатъ, войско и народъ. Тиберій все начиналъ съ консуловъ, какъ бывало въ старые годы республики; онъ все еще не рѣшался повелѣвать; даже эдиктъ, которымъ сенаторы приглашались въ курію, издалъ онъ за своею подписью не иначе, какъ въ силу трибунической власти, полученной имъ еще при Августѣ. Эдиктъ заключался въ немногихъ словахъ и содержаніе его было самое скромное:

— Я хочу, писалъ онъ, посовѣтоваться о погребеніи отца. Не отойду отъ тѣла. Присвоиваю себѣ только эту изъ публичныхъ обязанностей.

Но послѣ смерти Августа онъ отдалъ пароль преторіанскимъ когортамъ, назначилъ караулы, распорядился во дворцѣ, какъ императоръ. На форумъ ли, въ сенатъ ли шелъ онъ, всюду сопровождали его солдаты. Войскамъ разослалъ онъ приказы, какъ вступившій въ права командованія. Нигдѣ не оставался онъ долго, исключая, когда говорилъ въ сенатѣ. Главнѣйшею причиною этого былъ страхъ: что, если Германикъ, предводитель столькихъ легіоновъ, сильный помощью

(7) Отецъ Сеяна.

союзниковъ, дивный любимецъ народа, вздумаетъ не дожидаться власти, а взять ее? Кое-что дѣлалъ онъ и изъ славы: ему хотѣлось казаться больше избраннымъ республикой, чѣмъ ворвавшимся происками матери и усыновленіемъ старика. Послѣ стало извѣстно, что, притворяясь нерѣшительнымъ, онъ хотѣлъ проникнуть намѣренія вельможъ; въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи лица видѣлъ онъ преступленія,—и затаивалъ ихъ въ душѣ своей.

8.

Въ первое засѣданіе сената, онъ допустилъ только разсужденіе о похоронахъ Августа. Въ завѣщаніи усопшаго, внесенномъ весталками (8), были назначены наслѣдниками Тиберій и Ливія, которая сверхъ того причислена къ фамиліи Юліевъ и наречена Августою. Наслѣдниками во второй степени сдѣланы внуки и правнуки, въ третьей знатнѣйшіе изъ гражданъ. Большая часть изъ нихъ были враги Августа, но жажда славы въ потомствѣ пересилила вражду. Отдѣльныя статьи завѣщанія (legata) не превышали завѣщаній простыхъ гражданъ; только народу и плебеямъ отказано 43,500,000 сестерцій, солдатамъ преторіанскихъ когортъ по тысячѣ, да легіонаріямъ и когортамъ римскихъ гражданъ по 300 сестерцій на человѣка.—Затѣмъ разсуждали, какія почести воздать праху Августа и придумывали самыя торжественныя. Галлъ Азиній предложилъ:

— Чтобы погребальная процессія шла чрезъ тріумфальные ворота.

Луцій Аррунцій:

---

(8) У нихъ сохранялись всѣ завѣщанія, договоры, условія и проч.

— Чтобы впереди несли заглавія данныхъ Августомъ законовъ и имена народовъ, имъ побѣжденныхъ.

Мессала Валерій прибавилъ,

— Что должно каждый годъ повторять присягу Тиберію,

И когда Тиберій спросилъ его:

— Не я ли поручилъ тебѣ высказать такое мнѣніе?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; оно мое, и въ дѣлахъ республики я не держусь чужаго, хотя бы и оскорбилъ этимъ кого бы то ни было.

Оставался только этотъ видъ лести.—Сенатъ воскликнулъ, что на своихъ плечахъ понесетъ тѣло къ костру. Цезарь, съ возмутительною скромностью, ограничилъ почести, а народу все-таки погрозилъ эдиктомъ:

— Когда-то неумѣстное усердіе нарушило порядокъ похоронъ божественнаго Юлія; не вздумайте же и теперь сожигать прахъ Августа на форумѣ, вмѣсто Марсова поля, которое къ тому назначено.

Въ день похоронъ солдаты стояли, какъ будто на стражѣ, и не одна улыбка или насмѣшка сорвалась съ устъ тѣхъ, которые видѣли, или знали, по преданію отъ отцовъ своихъ, событія того дня, когда къ рабству еще не привыкли, попытка возобновить свободу неудалась и въ убіеніи диктатора Цезаря одни видѣли благороднѣйшій подвигъ, другіе— постыдное злодѣяніе.

— Теперь хоронимъ государя стараго; къ власти его привыкли, для наслѣдниковъ его обезпечено обладаніе республикой,—а все таки стоятъ солдаты и оберегаютъ порядокъ похоронъ.

9.

Много толковъ пошло и о самомъ Августѣ. Большею частью дивились пустому:

— Что одинъ и тотъ же день былъ днемъ его вступленія въ управленіе государствомъ и днемъ его смерти; что онъ умеръ въ Нолѣ, въ томъ самомъ домѣ и покоѣ, въ которомъ умеръ отецъ его Октавій; что онъ столько же разъ былъ консуломъ, сколько Валерій Корвъ и Кай Марій (9) вмѣстѣ; что въ продолженіи тридцати семи лѣтъ онъ былъ облеченъ трибуническою властью; что двадцать одинъ разъ получалъ титулъ императора: такъ умножали для него старыя и создавали новыя почести.

Но люди мыслящіе разбирали жизнь его иначе. Одни хвалили, другіе порицали. Одни говорили:

— Начать гражданскую войну побудила его любовь къ отцу и растлѣніе республики, не знавшей никакихъ законовъ; а такой войны нельзя ни завязать, ни вести честными средствами. Многое прощалъ онъ Антонію и Лепиду, лишь бы отомстить убійцамъ отца своего. Но, когда Лепидъ одряхлѣлъ отъ лѣности, а Антоній погрязъ въ сладострастіи, только единовластіе могло изцѣлить растерзанное отечество. И при всемъ томъ онъ привелъ въ порядокъ республику, принявши титулъ главы, а не царя или диктатора. Онъ оградилъ государство моремъ и отдаленными рѣками; легіоны, провинціи, флоты, все связалъ во едино; гражданамъ далъ законы, кротко управлялъ союзниками, великолѣпно украсилъ Римъ; рѣдко употреблялъ силу, и то, чтобы прочимъ доставить покой.

10.

На это возражали:

— Любовь къ отцу и положеніе республики были только

(9) Корвъ былъ шесть разъ консуломъ, Марій семь.

предлогомъ; а въ самомъ дѣлѣ, подстрекаемый жаждою власти, онъ деньгами возмутилъ ветерановъ; будучи еще частнымъ молодымъ человѣкомъ, собралъ войско и подкупилъ легіоны консула; а мировая его съ партіею Помпея была притворство. Потомъ, захвативши, вслѣдствіе сенатскаго декрета, власть судьи и претора, онъ привлекъ къ себѣ войска Гирція и Пансы, убитыхъ — не все ли равно кѣмъ: врагами ли, или ядомъ, излитымъ въ рану Пансы и собственными солдатами Гирція, по наущенію Цезаря? Онъ противъ воли вынудилъ у сената консульство, и оружіе, поднятое противъ Антонія, обратилъ на республику. Проскрипцій гражданъ и раздѣла полей не одобряли даже и тѣ, которые сами въ нихъ участвовали. Конечно, Кассій и Бруты принесены въ жертву мщенію за отца его, хотя личную вражду и слѣдовало бы забыть ради общественной пользы; но Помпей былъ обманутъ тѣнью мира, Лепидъ личиною дружбы. Антоній, обольщенный союзомъ, заключеннымъ съ нимъ въ Тарентѣ и Брундузіумѣ, и бракомъ съ его сестрой, заплатилъ за лукавое родство смертью. За тѣмъ, правда, водворился миръ, но миръ кровавый: разбиты Моллій и Варъ (10); въ Римѣ казнены Варронъ, Эгнацій, Іулъ (11).

Не оставили въ покоѣ и домашней жизни его:

— Онъ отнялъ жену у Нерона и еще на-смѣхъ спрашивалъ жрецовъ, можетъ ли, не оскорляя обрядовъ, жениться на беременной? Какъ роскошествовали Квинтъ Тедій и Ведій

(10) Первый Сикамбрами, вторый Арминіемъ.

(11) Варронъ Мурена, обвиненный въ заговорѣ противъ Августа, приговоренъ заочно, пойманъ и казненъ. Эгнацій Руфъ за тоже преступленіе погибъ въ тюрьмѣ. Іулъ Антоній, сынъ Марка Антонія, казненъ какъ сообщникъ безпутства Юліи.

Полліонъ (12)! Наконецъ Ливія, злая мать республики, и еще болѣе злая мачиха фамиліи Цезарей! Самимъ богамъ не оставилъ онъ никакихъ почестей, потому что зналъ, что жрецы хотятъ ему воздвигнуть храмъ и установить богослуженіе. Да и Тиберія избралъ онъ наслѣдникомъ не изъ любви или желанія блага республикѣ: онъ понялъ его жестокость и высокомѣріе и искалъ славы въ гнусномъ контрастѣ.

Дѣйствительно, Августъ за нѣсколько лѣтъ, вновь требуя у сената трибунической власти для Тиберія, коснулся въ рѣчи его наружности, костюма и образа жизни и кольнулъ его подъ видомъ извиненія.

11.

Послѣ обычныхъ похоронъ воздвигли ему храмъ и установили богослуженіе. Потомъ обратились съ просьбами къ Тиберію. Онъ много разглагольствовалъ объ обширности имперіи и о своемъ безсиліи.

— Только генію божественнаго Августа, говорилъ онъ, была по силамъ такая громада, и я, призванный отцомъ раздѣлять его заботы, узналъ на опытѣ, какъ тяжко и какъ превратно бремя правленія. Да притомъ въ государствѣ, опирающемся на столь многихъ великихъ мужей, не слѣдуетъ обременять одного всею ношею многимъ, соединенными трудами, легче исполнять государственныя обязанности.

Но въ его словахъ было болѣе краснорѣчія, нежели искренности. Тиберій, даже когда и не думалъ скрываться, выражался, отъ природы или по привычкѣ, темно и не—

(12) Это мѣсто испорчено. Имя Телія неизвѣстно. Ведій бросилъ въ воду раба, разбившаго вазу за обѣдомъ, даннымъ въ честь Августа.

опредѣленно; теперь, желая совершенно скрыть свои мысли, онъ еще болѣе облекалъ слова двусмысленностью. Сенаторы боялись одного: какъ бы онъ не замѣтилъ, что они его поняли? Они начали разсыпаться въ сожалѣніяхъ, обѣтахъ, проливать слезы; воздымали руки къ богамъ, къ статуѣ Августа, къ колѣнамъ Тиберія. Тогда онъ велѣлъ принести и прочитать памятную записку. Это былъ перечень государственнаго состава: сколько на лице вооруженныхъ гражданъ и союзниковъ, сколько флотовъ, царствъ, провинцій, налоговъ на имѣнія и товары, сколько издержекъ, необходимыхъ и добровольныхъ. Все это собственноручно составилъ самъ Августъ и, неизвѣстно съ мудрою ли цѣлью, или изъ зависти, прибавилъ совѣтъ: не распространять границъ государства

12.

Между тѣмъ, когда сенатъ низошелъ до униженнѣйшихъ, неотступныхъ моленій, Тиберій проронилъ словечко:

— Мнѣ не по силамъ вся республика, и я буду управлять частью, которую мнѣ поручатъ.

Азиній Галлъ подхватилъ:

— Я спрашиваю тебя, Цезарь, какую часть хочешь ты, чтобы тебѣ поручили?

Озадаченный неожиданнымъ вопросомъ, онъ сначала не нашелся; потомъ, одумавшись, отвѣчалъ:

— Не пристало моей скромности избирать или отказываться отъ части, когда я желалъ бы избавиться отъ цѣлаго.

Галлъ, замѣтивши по выраженію лица его, что онъ оскорбился, продолжалъ:

— Я сдѣлалъ вопросъ не за тѣмъ, чтобы раздѣлить нераздѣлимое, но чтобы ты собственнымъ признаніемъ убѣдился, что республика одно тѣло и должна быть управляема однимъ.

Онъ прибавилъ къ этому похвалы Августу и напомнилъ Тиберію собственныя его побѣды и прекрасныя дѣла во время мира, въ продолженіи столь многихъ лѣтъ. Но онъ не смягчилъ этимъ гнѣва Тиберія, которому уже давно былъ ненавистенъ; женившись на Випсаніи, дочери Марка Агриппы, бывшей женѣ Тиберія, онъ, казалось, замышлялъ возвыситься надъ уровнемъ простаго гражданина и сверхъ того былъ необузданъ, какъ отецъ его, Азиній Полліонъ.

13.

Луцій Аррунцій, говорившій въ духѣ Галла, оскорбилъ его не меньше. Тиберій хотя и не питалъ противъ него никакой старой вражды, но Аррунцій былъ для него подозрителенъ, какъ человѣкъ богатый, рѣшительный, съ познаніями, что̀ признавали въ немъ всѣ. Августъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ разговоровъ, разсуждая о томъ, кто могъ бы, но не захотѣлъ занять мѣсто правителя, или кто согласился бы, не имѣя на то способности, и кто былъ бы достоинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ согласенъ, сказалъ:

— Маркъ Лепидъ способенъ, но не захочетъ; Галлъ Азиній и хотѣлъ бы, да это ему не по силамъ; Луцій Аррунцій достоинъ, и если представится случай, онъ его не упуститъ.

На счетъ первыхъ двухъ всѣ согласны; вмѣсто Аррунція нѣкоторые называютъ Кнея Пизона, — и всѣ они, кромѣ Лепида, были, по наущенію Тиберія, обвинены въ разныхъ

проступкахъ. Квинтъ Гатерій и Мамеркъ Скавръ также задѣли его подозрительность, первый вопросомъ:

— Долго ли будешь ты терпѣть, Цезарь, чтобы республика оставалась безъ главы?

Второй словами:

— Можно надѣяться, что не тщетны будутъ мольбы сената, потому что Тиберій не уничтожилъ предложенія консуловъ правомъ своей трибунической власти.

Надъ Гатеріемъ онъ разразился тутъ же; Скавра, на котораго злился непримиримѣе, пропустилъ въ молчаніи. Утомленный наконецъ общими возгласами и отдѣльными мольбами, онъ началъ по-немногу уступать. Не то, чтобы онъ сказалъ прямо: «я принимаю власть», а только пересталъ отказываться и заставлять себя просить. Извѣстно, что Гатерій, явившись во дворецъ просить прощенія, бросился къ ногамъ шедшаго Тиберія и едва не былъ убитъ солдатами, потому что Тиберій, случайно, или запутавшись въ его рукахъ, упалъ. Его не тронула даже и опасность, которой едва избѣжалъ этотъ человѣкъ и, лишь когда Гатерій обратился къ Августѣ, только ея неотступныя просьбы могли защитить его.

14.

Не поскупились отцы и на лесть Августѣ. Одни предлагали назвать ее ***Родительницею*** (parentem), другіе ***Матерью отечества*** (matrem patriae); большая часть предлагала прибавить къ имени Цезаря слова: ***сынъ Юліи***. Но Тиберій отвѣчалъ,

— Что надо знать мѣру, воздавая почести женщинѣ; что онъ будетъ соблюдать туже умѣренность и въ почестяхъ, которыя воздадутъ ему.

Впрочемъ, тревожимый завистью, и возвышеніе женщины считая личнымъ для себя униженіемъ, онъ не позволилъ даже назначить ей ликтора, запретилъ воздвигнуть алтарь усыновленію, и тому подобное.—Но для Германика Цезаря потребовалъ онъ проконсульской власти (13) и отправилъ къ нему пословъ, поздравить его съ этимъ саномъ и утѣшить скорбящаго о смерти Августа. Онъ не требовалъ того же для Друза, потому что Друзъ былъ самъ въ Римѣ и назначенъ въ консулы.—Онъ избралъ двѣнадцать кандидатовъ на преторство—число указанное Августомъ, и когда сенатъ убѣждалъ его избрать больше, онъ обязался клятвою никогда не увеличивать этого числа.

15.

Тутъ въ первый разъ перенесли Комиціи съ Марсова поля въ сенатъ. До тѣхъ поръ, хотя важнѣйшее и рѣшалось по произволу правителя, но кое-что выпадало и на долю трибъ. Народъ отвѣчалъ на отнятіе этого права только безплоднымъ ропотомъ, а сенатъ, освобожденный отъ необходимости дарить и унижаться до просьбъ, былъ этому радъ, тѣмъ болѣе, что Тиберій скромно присвоилъ себѣ право предлагать только четырехъ кандидатовъ, которыхъ и утверждали безъ дальнѣйшихъ разсужденій. — Между тѣмъ народные трибуны просили позволенія дать на свой счетъ игры, внести ихъ въ календарь и назвать по имени Августа Августальскими (14). Но опредѣлено взять на это деньги изъ казны; трибунамъ позволено явиться въ циркѣ въ тріумфальной

---

(13) Непрерывной, какъ принадлежность императорской фамиліи.

(14) Еще при жизни Августа были въ честь его игры; но по смерти онѣ освящены и внесены въ фасты.

одеждѣ, но ѣхать въ колесницѣ запрещено. Потомъ ежегодное празднованіе этихъ игръ поручено тому изъ преторовъ, на долю котораго выпадетъ обязанность рѣшать спорныя дѣла между гражданами и иностранцами.

16.

Таково было положеніе дѣлъ въ Римѣ, когда вспыхнуло возмущеніе въ Паннонскихъ легіонахъ. Особенныхъ причинъ къ этому не было, а просто перемѣна правителя позволяла надѣяться на безнаказанность возстанія и на добычу въ гражданской войнѣ. Въ лѣтнемъ лагерѣ стояли три легіона, подъ начальствомъ Юнія Блеза. Онъ, получивши извѣстіе о кончинѣ Августа и началѣ правленія Тиберія, прекратилъ, ради траура или торжества, обычное ученіе. Солдаты разлѣнились, затѣяли ссоры, начали вслушиваться въ рѣчи всякаго негодяя; наконецъ полюбили праздность и довольство, забыли дисциплину и трудъ. Въ лагерѣ былъ нѣкто Перценній, бывшій предводитель театральныхъ клакеровъ (dux theatralium operarum), потомъ рядовой солдатъ, дерзкій на слова, способный возмущать толпу съ сценическою ловкостью. Онъ-то, въ ночныхъ сходкахъ, началъ понемногу разжигать неопытныхъ людей, которыхъ занималъ вопросъ объ участи солдатъ послѣ смерти Августа; по вечерамъ, когда благомыслящіе удалялись, онъ собиралъ вокругъ себя самыхъ буйныхъ. Наконецъ, когда они готовы были принять участіе въ возмущеніи, онъ началъ предлагать вопросы, какъ ораторъ:

17.

— За что мы, какъ рабы, повинуемся немногимъ центуріонамъ и еще меньшему числу трибуновъ? Когда же мы

рѣшимся требовать облегченія нашей участи, если теперь не приступимъ съ просьбами или оружіемъ къ новому, не утвердившемуся еще правителю? Довольно долго терпѣли мы изъ малодушія: старики, мы прослужили по тридцати, по сорока походовъ (15) и почти всѣ изувѣчены. Кто въ отставкѣ, и для того служба еще не кончена; его оставляютъ при знамени и подъ другимъ названіемъ (16) онъ несетъ тѣже труды. Переживетъ ли кто всѣ эти бѣдствія, его тащатъ въ отдаленныя страны и, подъ именемъ полей, даютъ ему болото или негодный участокъ на горѣ. Военная служба по истинѣ тяжка и жалка: душа и тѣло оцѣнены въ десять ассовъ поденно; за эту сумму должны мы припасать платье, оружіе, палатки, откупаться отъ жестокости центуріоновъ, отъ лагерныхъ работъ. За то, свидѣтель Геркулесъ! нѣтъ конца побоямъ и ранамъ! Зимою мерзни, лѣтомъ трудись, проливай кровь на войнѣ, голодай во время мира. Остается одно средство облегчить такую участь: вступать въ службу съ опредѣленными условіями; чтобы каждый получалъ по денарію, чтобы черезъ шестнадцать лѣтъ служба кончалась, чтобы насъ не держали потомъ при знамени и выдавали жалованье въ самомъ лагерѣ чистыми деньгами. Развѣ преторіанскія когорты, которыя получаютъ по два денарія и черезъ шестнадцать лѣтъ возвращаются на родину, подвергаются бóльшимъ опасностямъ? Я не хочу унижать службы въ городѣ; но *мы*, среди дикихъ народовъ, смотримъ изъ лагеря въ лице врагамъ!

---

(15) Августъ съ точностью опредѣлилъ сроки службы и награды, но его распоряженія неисправно исполнялись: сверхъ того не надо забывать, что это жалобы недовольныхъ.

(16) Вексилларія.

18.

Толпа рукоплескала, взволнованная различными чувствами. Одни указывали на слѣды лозъ, другіе на сѣдины свои, бóльшая часть на поношенное платье и нагое тѣло. Дошли наконецъ до такой ярости, что задумали соединить три легіона въ одинъ. Но соревнованіе уничтожило этотъ замыселъ: каждый хотѣлъ почета для своего легіона. Тогда выдумали другое: всѣ три орла и значки когортъ поставили вмѣстѣ; нанесли дерну и поспѣшно стали строить трибуналъ, чтобы мѣсто было виднѣе. Въ это время является Блезъ, бранитъ ихъ, нѣкоторыхъ останавливаетъ по одиначкѣ и восклицаетъ:

— Лучше обагрите руки моею кровью: убивъ легата, вы будете не такъ преступны, какъ отложившись отъ императора. Останусь невредимъ —сохраню вѣрность легіоновъ; паду—ускорю ихъ раскаяніе!

19.

Не смотря на то, дернъ продолжали сносить и трибуналъ доросъ уже до высоты груди: тогда только, побѣжденные стойкостью Блеза, они прекратили работу. Блезъ говорилъ очень искусно:

— Не бунтомъ и не возмущеніемъ должны солдаты объявлять свое желаніе Цезарю. Подобныхъ нововведеній ни ветераны не требовали отъ прежнихъ императоровъ, ни вы сами отъ божественнаго Августа: тѣмъ болѣе теперь не время увеличивать заботы новаго властителя. Если же вы въ мирное время хотите получить то, чего не требовали даже побѣдители въ гражданскихъ войнахъ: зачѣмъ же,

наперекоръ обычному повиновенію и законной дисциплинѣ, употреблять насиліе? Изберите пословъ и въ моемъ присутствіи дайте имъ ваше порученіе.

Солдаты воскликнули:

— Пусть сынъ твой трибунъ возметъ на себя это посольство и требуетъ для насъ отставки черезъ шестнадцать лѣтъ. Объ остальномъ будемъ хлопотать, когда согласятся на это.

Молодой трибунъ уѣхалъ, и спокойствіе возстановилось; солдаты хвалились однако же, что сынъ легата—ходатай ихъ общаго дѣла: — достаточное доказательство, что они вынудили силой то, чего не получили бы при скромной просьбѣ.

20.

Между тѣмъ манипулы, посланныя еще до возмущенія въ Наупортъ (17) для постройки дорогъ и мостовъ и для другихъ работъ, узнавши о возстаніи въ лагерѣ, поворотили назадъ. Разграбивши сосѣднія деревни и самый Наупортъ, родъ муниципіи, они начали осмѣивать, бранить и наконецъ бить центуріоновъ, старавшихся остановить ихъ. Всего больше досталось Ауфидіену Руфу, префекту лагеря; его стащили съ повозки, навьючили и погнали впереди, спрашивая съ насмѣшкою:

— По вкусу ли ему тяжелая ноша и долгій путь?

Руфъ, долго бывшій рядовымъ, потомъ центуріономъ, потомъ префектомъ лагеря, состарѣвшійся въ трудахъ и работахъ, старался востановить старинную тяжелую службу, и тѣмъ строже, что самъ перенесъ ее.

---

(17) Городъ въ Карніоліи, недалеко отъ Лайбаха.

21.

Съ ихъ приходомъ возмущеніе возобновилось. Окрестности были опустошены. Блезъ, въ острастку прочимъ, приказалъ нѣкоторыхъ, въ особенности нагруженныхъ добычею, наказать плетьми и заключить въ тюрьму; центуріоны и лучшіе изъ рядовыхъ повиновались еще легату. Виновные противятся влекущимъ ихъ, обнимаютъ колѣна близь-стоящихъ, взываютъ къ нимъ то поименно, то каждый къ своей центуріи, когортѣ, легіону, восклицая, что таже участь угрожаетъ всѣмъ. Тутъ же осыпаютъ бранью легата, заклинаютъ небо и боговъ, не упускаютъ ничего, что только можетъ возбудить ненависть, страхъ, состраданіе и негодованіе. Отвсюду сбѣгаются солдаты и даже, ворвавшись въ тюрьму, разбиваютъ оковы и присоединяютъ къ себѣ бѣглыхъ и уголовныхъ преступниковъ.

22.

Возмущеніе разгорѣлось жарче; число предводителей его умножилось. Нѣкто Вибуленъ, рядовой солдатъ, поднятый передъ трибуналомъ Блеза на плеча близь-стоявшихъ, сказалъ бурной, внимающей ему толпѣ:

— Вы возвратили этимъ невиннымъ и несчастнымъ свѣтъ и дыханіе; но кто возвратитъ брату моему жизнь? Кто отдастъ мнѣ брата? Онъ былъ посланъ къ вамъ отъ германскаго войска ради общихъ пользъ, и нынѣшнюю ночь Блезъ приказалъ удавить его своимъ гладіаторамъ (18), которыхъ

(18) Полководцы брали съ собою гладіаторовъ для забавы, а можетъ быть, зная непокорный духъ солдатъ, составляли изъ нихъ родъ личной охранной стражи.

держитъ и вооружаетъ на погибель солдатъ Отвѣчай, Блезъ, куда бросилъ ты трупъ? И врагъ не лишаетъ погребенія. Дай мнѣ утѣшить скорбь слезами и объятіями, и тогда вели убить и меня, лишь бы товарищи похоронили убитыхъ не какъ злодѣевъ, а какъ трудившихся на пользу легіоновъ.

23.

Слова усилилъ онъ рыданіемъ, билъ себя въ лице и въ грудь, потомъ, растолкавъ державшихъ его на плечахъ, началъ валяться въ ногахъ товарищей и пробудилъ въ нихъ такую ярость, что одни наложили оковы на гладіаторовъ Блеза, другіе на остальныхъ слугъ его, третьи бросились искать трупъ. Только быстрая вѣсть, что тѣла не нашли, что рабы на пыткѣ запирались въ убійствѣ, и что у Вибулена никогда не было брата, спасла легата отъ смерти. Трибуновъ и префекта лагеря выгнали однако же вонъ, багажъ бѣжавшихъ разграбили и убили центуріона Луциллія, прозваннаго съ солдатскимъ остроуміемъ *свѣжимъ* (собственно *cedo alteram*) за то, что, когда ломалась лоза на спинѣ солдата, онъ громко требовалъ свѣжую, да опять свѣжую. Прочіе скрылись въ тайныхъ мѣстахъ; задержали только Клемента Юлія, малаго изворотливаго, способнаго выполнить порученія солдатъ. Дошло даже до того, что осьмой и пятнадцатый легіоны подняли другъ на друга оружіе: первый требовалъ смерти, а послѣдній защищалъ центуріона Сирпика. Девятый легіонъ прекратилъ ссору просьбами и противъ упорныхъ угрозами.

24.

Хотя Тиберій былъ скрытенъ и тщательно таилъ все неудачное, но при вѣсти о возмущеніи счелъ нужнымъ по-

слать туда сына своего Друза съ первѣйшими сановниками и двумя преторіанскими когортами. Друзъ не получилъ впрочемъ опредѣленныхъ предписаній и долженъ былъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Когорты, противъ обыкновенія, усилены отборными солдатами; къ нимъ присоединена значительная часть преторіанской конницы и цвѣтъ Германцевъ, тѣлохранителей императора. Преторіанскій префектъ Элій Сеянъ, бывшій у Тиберія въ большой силѣ, данъ въ товарищи отцу своему Страбону (19), въ совѣтники Друзу, съ правомъ казнить и миловать. Легіоны, какъ будто по долгу службы, вышли на встрѣчу Друзу — не веселые, не въ парадной формѣ, но покрытые грязью, съ лицомъ, которому тщетно старались они придать видъ печали, — видна была непокорность.

25.

Когда онъ вступилъ за валъ, у выходовъ ставятъ караулъ, по разнымъ мѣстамъ лагеря распредѣляютъ вооруженные отряды; прочіе огромною толпою обступаютъ трибуналъ, Друзъ, стоя, подаетъ рукою знакъ молчанія; солдаты, обращая взоръ на толпу, кричатъ неистово; потомъ, взглянувъ на Цезаря, трепещутъ; раздается неясный ропотъ, яростный крикъ,—и вдругъ тишина. Волнуемые различными чувствами, они боятся и пугаютъ другихъ. Наконецъ шумъ прекратился, и Друзъ читаетъ посланіе отца:

— Всего болѣе, писалъ онъ, забочусь я о храбрыхъ легіонахъ, съ которыми совершилъ много походовъ. Только отдохну отъ скорби, тотчасъ представлю желанія ваши отцамъ; между тѣмъ посылаю къ вамъ сына, чтобы онъ

(19) См. гл. 7.

немедленно далъ, что можно дать сейчасъ. Остальное должно предоставить сенату, мимо котораго нельзя ни казнить ни миловать.

26.

Солдаты отвѣчали, что они поручили высказать свои требованія центуріону Клементу. Онъ началъ съ отставки черезъ шестнадцать лѣтъ, требовалъ награды по окончаніи службы, жалованья по денарію въ день, прекращенія обычая удерживать ветерановъ при знамени. Когда Друзъ сослался въ отвѣтѣ на волю сената и отца своего, его прервали крикомъ:

— Зачѣмъ же пришелъ ты, если не имѣешь власти, ни увеличить жалованье, ни облегчить труды, ни оказать какое-бы то ни было благодѣяніе? А бить и убивать, небось, позволено всякому! Прежде Тиберій отклонялъ желанія солдатъ именемъ Августа: теперь Друзъ повторяетъ туже уловку. Неужели всегда будутъ приходить къ намъ только дѣти? Совсѣмъ не бывалое дѣло, чтобы императоръ предоставлялъ сенату только выгоды солдатъ. Ужъ если такъ, слѣдовало бы спрашиваться у того же сената передъ каждою казнію и сраженіемъ. Или награда зависитъ отъ высшаго начальства, а наказаніе отъ произвола каждаго?

27.

Наконецъ оставляютъ трибуналъ; при встрѣчѣ съ преторіанцами или приверженцами Цезаря, грозятъ имъ кулакомъ, желая завязать ссору и драку. Всего болѣе ярились на Кнея Лентула, почтеннаго лѣтами и военной славой, полагая, что онъ поддерживаетъ Друза и болѣе всѣхъ ненавидитъ это безчинство. Немного спустя, когда онъ отправился было

съ Цезаремъ, но, предвидя опасность, возвращался въ зимній лагерь, его окружили, спрашивая:

— Куда онъ? Къ императору или въ сенатъ, чтобы и тамъ повредить пользамъ легіоновъ?

Съ этими словами они начали его тѣснить и бросать въ него камнями. Онъ былъ уже въ крови и не избѣжалъ бы смерти, еслибы на помощь къ нему не подоспѣли пришедшіе съ Друзомъ.

28.

Страшную ночь, грозившую злодѣяніемъ, укротилъ случай: луна вдругъ среди яснаго неба начала меркнуть. Солдаты, не понимая причины, приняли это за знаменіе настоящаго положенія дѣлъ и, сравнивая ущербъ планеты съ своими бѣдствіями, думали:

— Предпріятіе наше удастся, если блескъ и ясность возвратятся къ богинѣ.

Начали бряцать мѣдью, трубить въ трубы и рога; радовались, когда луна свѣтлѣла, печалились, когда меркла, и когда набѣжавшія облака скрыли ее отъ взоровъ, всѣ вообразили, что она погибла во мракѣ. Потрясенный духъ склоненъ къ суевѣрію, и солдаты начали жаловаться на судьбу свою, что боги негодуютъ на ихъ преступленія и предвѣщаютъ имъ вѣчный трудъ. Цезарь, рѣшившись воспользоваться этимъ расположеніемъ умовъ и дать разумный оборотъ случаю, велѣлъ обойти своимъ агентамъ палатки. Призванъ центуріонъ Клементъ и другіе, любимые солдатами за добрыя ихъ качества: они вмѣшиваются въ ночную стражу, пристаютъ къ часовымъ, къ караульнымъ у входовъ лагеря, и, усиливая страхъ, пробуждаютъ въ нихъ и надежду.

— Долго ли намъ осаждать сына императора? Чѣмъ

кончится эта распря? Неужели намъ присягнуть Перценнію и Вибулену? Дадутъ ли Перценній и Вибуленъ жалованье солдатамъ, земли выслужившимся? Имъ ли наконецъ править римскимъ народомъ, на мѣсто Нероновъ и Друзовъ? Будемъ же лучше первыми на раскаяніе, какъ были послѣдними на преступленіе! Общее требованіе будетъ услышано не скоро, а частную милость можно заслужить и получить сейчасъ же.

Эти слова потрясли толпу и пробудили въ ней другъ противъ друга подозрѣніе. Они начали отдѣляться: новобранцы отъ ветерановъ, легіонъ отъ легіона. Мало по малу возвратился духъ подчиненности; они очищаютъ ворота лагеря; значки, снесенные при началѣ возмущенія въ одну кучу, разносятъ по своимъ мѣстамъ.

29.

На разсвѣтѣ Друзъ созвалъ всѣхъ и, хотя безъ ораторскаго навыка, но съ врожденнымъ благородствомъ, осуждалъ прошедшее и одобрилъ настоящее.

— Страхомъ и угрозами меня не побѣдить, сказалъ онъ; но, снова видя покорность и слыша мольбы, я напишу отцу, чтобы онъ умилостивился и принялъ просьбы легіоновъ.

По ихъ желанію посланы къ Тиберію опять тотъ же Блезъ, Луцій Апроній, римскій всадникъ изъ свиты Друза, и Юстъ Катоній, центуріонъ перваго разряда. Потомъ началось преніе. Мнѣніе однихъ было:

— Чтобы обождать возвращенія пословъ, а между тѣмъ укрощать солдатъ ласкою.

Другіе думали:

— Что должно прибѣгнуть къ сильнѣйшимъ средствамъ; то чернь не знаетъ ни въ чемъ мѣры; что она ужасна,

если сама не боится, но что ее безнаказанно можно презирать, когда она въ страхѣ; что пока не прошло еще вліяніе суевѣрія, полководецъ долженъ усилить ихъ страхъ, уничтоженіемъ зачинщиковъ возмущенія.

Друзъ былъ склоненъ къ крутымъ мѣрамъ; онъ призвалъ Вибулена и Перценнія и велѣлъ ихъ убить. Многіе говорятъ, что ихъ зарыли въ палаткѣ самого полководца; другіе утверждаютъ, что ихъ выбросили за валъ на позорище всѣмъ.

30.

Потомъ начали отыскивать главнѣйшихъ возмутителей: иные были убиты, блуждая за лагеремъ, центуріонами или солдатами преторіанскихъ когортъ; другихъ выдали ихъ собственныя манипулы въ знакъ покорности. Преждевременная зима увеличила непріятное положеніе солдатъ: пошли постоянные проливные дожди, такъ что нельзя было ни выходить изъ палатокъ, ни собираться вмѣстѣ; едва могли охранять значки, уносимые вихремъ и водою. Не ослабѣвалъ и страхъ передъ гнѣвомъ небеснымъ.

— Не даромъ, говорили, меркнутъ надъ преступными свѣтила и разражается буря! Нѣтъ другаго спасенія отъ бѣдствія: мы должны оставить несчастный, оскверненный лагерь, принести очистительныя жертвы и возвратиться, каждый на свои зимнія квартиры.

Прежде всѣхъ ушелъ осьмой, за нимъ пятнадцатый легіонъ. Девятый кричалъ, что надо дождаться отвѣта Тиберія, но, оставленный прочими, онъ добровольно рѣшился на то, чего уже не могъ избѣгнуть, и Друзъ, не дожидаясь возвращенія посланныхъ, и видя, что все утихло, поѣхалъ въ Римъ.

31.

Почти въ тѣже самые дни и по тѣмъ же самымъ причинамъ возмутились и германскіе легіоны; ихъ было больше и возстаніе сильнѣе, къ тому же они крѣпко надѣялись, что Германикъ Цезарь не потерпитъ надъ собою власти другого, отдастся легіонамъ и они увлекутъ за собою все. На Рейнѣ стояли двѣ арміи: верхнею командовалъ легатъ Кай Силій, нижнею Авлъ Цецина, верховное же начальство принадлежало Германику, занятому тогда цензомъ въ Галліи. Бывшіе подъ командою Силія въ нерѣшимости выжидали, какъ пойдетъ возмущеніе у другихъ: но солдаты нижней арміи дошли до ярости; бунтъ начали двадцать первый и пятый легіоны и увлекли за собою первый и двадцатый; всѣ они стояли въ одномъ и томъ же лѣтнемъ лагерѣ, на границѣ Убіевъ, въ праздности или занятые легкими работами. Услышавши о смерти Августа, городская чернь, недавно набранная въ Римѣ (20), привыкшая къ своеволію, не хотѣвшая переносить труды, начала внушать простому уму прочихъ:

— Настало время ветеранамъ требовать скорой отставки, молодымъ — лучшаго жалованья, всѣмъ — облегченія своего бѣдственнаго состоянія, и отомстить за жестокость центуріоновъ.

И это говорилъ не одинъ, какъ въ Паннонскихъ легіонахъ Перценній, и не робкому слуху солдатъ, помнящихъ, что есть еще другія, сильнѣйшія войска; многіе разомъ подняли возмутительный крикъ:

— Въ нашихъ рукахъ судьба Рима, наши побѣды рас-

---

(20) Чтобы замѣнить погибшихъ съ Варомъ.

пространяютъ предѣлы республики, нашимъ именемъ прозываются императоры (21).

32.

Легатъ молчалъ: многочисленность возмутителей лишила его твердости духа. Солдаты, внезапно обнаживъ мечи, какъ бѣшеные ринулись на центуріоновъ, старинный предметъ ихъ ненависти, первыя жертвы ярости. Они начали сѣчь ихъ плетьми, по шестидесяти на одного, по числу центуріоновъ. Потомъ, избитыхъ и истерзанныхъ, а частью и умершихъ, побросали за валъ или въ Рейнъ. Септимія, бѣжавшаго къ трибуналу и приникшаго къ ногамъ Цецины, требовали до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ имъ выданъ на смерть. Кассій Хереа, упрочившій себѣ послѣ память въ потомствѣ убіеніемъ Кая Цезаря, отважный юноша, прорубилъ себѣ дорогу сквозь толпу вооруженныхъ. Никто не повиновался ни трибунамъ, ни префекту лагеря; солдаты сами распредѣляли часовыхъ, ночные караулы и все, чего требовали обстоятельства. Глубже понимавшіе духъ солдатъ видѣли главнѣйшій признакъ значительности и неукротимости движенія въ томъ, что они не дѣйствовали въ разбродъ или по внушенію немногихъ, но шумѣли и молчали всѣ вмѣстѣ, такъ дружно и твердо, какъ будто ими командовалъ одинъ.

33.

Между тѣмъ Германикъ, занятый, какъ мы уже сказали, цензомъ въ Галліи, получилъ извѣстіе о кончинѣ Августа.

---

(21) Друзъ братъ Тиберія и сынъ Друза, оба назывались Германиками.

Онъ былъ женатъ на внукѣ его Агриппинѣ и имѣлъ отъ нея многихъ дѣтей. Самъ онъ былъ сынъ Друза, брата Тиберія и внукъ Августы, но боялся скрытой ненависти дяди и бабки, ненависти тѣмъ болѣе непримиримой, что она была несправедлива. Римскій народъ глубоко чтилъ память Друза и общее мнѣніе было, что онъ возстановилъ бы свободу, еслибы достигъ власти: отсюда любовь къ Германику и тѣ же надежды на него, какъ и на его отца. Юноша былъ одушевленъ духомъ равенства, удивительно ласковъ, и рѣчью и лицомъ не то, что Тиберій, надменный и скрытный. Къ этому присоединилась еще женская вражда, придирки мачихи Ливіи къ Агриппинѣ (22). Агриппина была немного щекотлива, но цѣломудренность и любовь къ мужу давали лучшее направленіе неукротимому ея духу.

34.

Но чѣмъ ближе былъ Германикъ къ верховной власти, тѣмъ крѣпче стоялъ за Тиберія. Онъ заставилъ присягнуть ему сосѣднихъ Секвановъ и бельгійскіе города. Потомъ, услышавъ о возмущеніи легіоновъ, поспѣшно уѣхалъ. Они встрѣтили его внѣ лагеря, съ потупленными взорами, какъ будто отъ раскаянія. Когда онъ вошелъ за валъ, раздались разныя жалобы; нѣкоторые, схвативши руку его, какъ будто для лобызанія, вкладывали пальцы его себѣ въ ротъ, чтобы онъ убѣдился, что у нихъ нѣтъ зубовъ, другіе показывали свои члены, согбенные старостью. Онъ приказалъ собравшейся смѣшанной толпѣ разойтись по манипуламъ; ему отвѣчали:

---

(22) Агриппина происходила отъ первой жены Августа, Скрибоніи.

— Такъ намъ слышнѣе (23).

Онъ потребовалъ, чтобы вынесли знамена, дабы онъ могъ по крайней мѣрѣ различить когорты: солдаты медленно повиновались. Тогда, упомянувъ сначала о благоговѣніи къ Августу, онъ перешелъ къ побѣдамъ и тріумфамъ Тиберія, въ особенности превознося подвиги, совершенные имъ въ Германіи съ этими легіонами. Потомъ указалъ на согласіе Италіи, на вѣрность Галлій, на миръ и тишину повсюду.

35.

Рѣчь его выслушали въ молчаніи или съ легкимъ ропотомъ. Но когда онъ коснулся возмущенія, спрашивая:

— Гдѣ военный порядокъ? что сталось со старинною славой дисциплины? куда выгнали они трибуновъ и центуріоновъ?

Всѣ обнажили тѣла свои, съ упрекомъ указывая на рубцы ранъ, на слѣды лозъ; скоро въ общемъ кликѣ смѣшались жалобы на цѣну отпуска, скудость жалованья, тягость работъ, именно: на сооруженіе вала, копаніе рвовъ, сноску корма, строительныхъ матеріаловъ, дровъ, и прочее, предпринятое изъ необходимости или противъ праздности. Громче всѣхъ шумѣли ветераны; прослужившіе тридцать и болѣе лѣтъ просили его:

— Помочь дряхлымъ, не дать имъ погибнуть отъ вѣчнаго труда, но положить конецъ тяжелой службѣ и дать безбѣдный покой.

Нѣкоторые потребовали даже денегъ, завѣщанныхъ божественнымъ Августомъ, и какъ предвѣщанія были благопріятны для Германика, то объявили,

— Что если Германикъ хочетъ власти, — они не прочь.

---

(23) Нѣкоторые комментаторы приписываютъ эти слова Германику.

Германикъ, какъ будто запачкало его преступленіе, быстро сошелъ съ трибунала; его встрѣтили оружіемъ, грозя имъ, если онъ не воротится; но онъ воскликнулъ:

— Скорѣе умру, нежели измѣню!

Выхватилъ свой мечь и хотѣлъ пронзить себѣ грудь. Близь-стоявшіе схватили его за руку и остановили. Задніе ряды стѣснившейся толпы и даже,—трудно повѣрить,—нѣсколько человѣкъ, подступивши ближе, кричали:

— Пусть рѣжется!

Солдатъ, по имени Калузидій, подалъ ему обнаженный мечь, говоря:

— Этотъ острѣе.

Это показалось гнусно и жестоко даже разъяреннымъ, и друзья Цезаря улучили минуту увести его въ палатку.

36.

Здѣсь началось совѣщаніе о мѣрахъ. Узнали кромѣ того, что солдаты собираются послать къ верхней арміи депутацію для привлеченія ея къ участію въ томъ же дѣлѣ, городъ Убіевъ (24) назначенъ былъ къ расхищенію, войска разлакомились добычею и хотѣли броситься грабить Галліи. Непріятель зналъ о возмущеніи и нападетъ, если оставить берегъ; вооружить же противъ отходящихъ легіоновъ вспомогательныя войска и союзниковъ, значило начать гражданскую войну: — все это усиливало страхъ. Строгость была опасна, снисхожденіе постыдно; уступить ли солдатамъ во всемъ или ни въ чемъ,—республика равно въ опасности. Взвѣсивши всѣ обстоятельства, рѣшили написать письмо отъ имени Тиберія,

— Что прослужившимъ двадцат лѣтъ дается отставка,

(24) Кельнъ.

прослужившимъ шестнадцать увольненіе, но что они остаются при знамени и освобождаются отъ всего, кромѣ обязанности отражать непріятеля; что завѣщанное имъ будетъ, по ихъ требованію, выдано и удвоено.

37.

Солдаты смекнули, что это уловка, и потребовали немедленнаго исполненія. Отпуски поспѣшили дать чрезъ трибуновъ, выдачу денегъ отложили до зимнихъ квартиръ. Но пятый и двадцать первый легіонъ не отставали до тѣхъ поръ, пока имъ всѣмъ не выплатили денегъ въ томъ же лѣтнемъ лагерѣ, собравши ихъ изъ дорожной казны самого Цезаря и друзей его. Легатъ Цецина повелъ первый и двадцатый легіонъ обратно въ городъ Убіевъ; постыдное шествіе, въ которомъ ящики съ деньгами, отнятые у императора, везли среди значковъ и орловъ. Германикъ, отправившись къ верхней арміи, безъ затрудненія привелъ къ присягѣ второй, тринадцатый и шестнадцатый легіоны. Четырнадцатый немного замялся: ему дали, не дожидаясь требованія, денегъ и отпускъ.

38.

Расположенные по гарнизонамъ въ землѣ Хавковъ вексилларіи (25) недовольныхъ легіоновъ тоже начали возмущеніе, но немедленная казнь двухъ солдатъ отчасти ихъ усмирила. Такъ приказалъ, больше для примѣра, нежели по праву, префектъ лагеря Менній (26). Потомъ, когда мятежъ снова усилился, онъ бѣжалъ, былъ отысканъ, и, видя,

(25) О вексилларіяхъ см. вступленіе.
(26) Читаютъ и Меммій, и Меневій и М. Энній.

что скрываться нельзя, рѣшился искать спасенія въ смѣлости. Съ словами:

— Вы оскорбляете не префекта, а полководца Германика и императора Тиберія!

Онъ выхватываетъ знамя изъ среды озадаченныхъ и, указывая этимъ знаменемъ на берегъ, говоритъ:

— Кто выйдетъ изъ строя, тотъ дезертеръ!

Смущенные солдаты не отважились ни на что и послѣдовали за нимъ на зимнія квартиры.

39.

Между тѣмъ посланные отъ сената прибыли къ Германику, возвратившемуся уже къ алтарю Убіевъ (27). Тамъ зимовали два легіона, первый и двадцатый, и ветераны, недавно отпущенные подъ знаменемъ. Робость и сознаніе вины пробуждаютъ въ нихъ опасеніе, что присланные отцами пришли уничтожить то, что было вынуждено возстаніемъ. Чернь и къ мнимому дѣлу отыщетъ виноватаго: они указываютъ на главу посольства, бывшаго консула Мунація Планка, какъ на виновника опредѣленія сената. Глухой ночью они начинаютъ требовать знамя, хранившееся въ домѣ Германика. Столпившись у порога, выламываютъ двери и, вытащивши Цезаря изъ спальни, принуждаютъ его, грозя смертью, выдать знамя. Потомъ, бродя по улицамъ, они встрѣчаютъ пословъ, которые, узнавъ о мятежѣ, шли къ Германику, осыпаютъ ихъ ругательствами и грозятъ смертью, особенно Планку, санъ котораго не позволялъ ему бѣжать: ему оставалось только одно убѣжище, лагерь перваго легіона; тамъ, обняв-

---

(28) Боннъ.

ши значки и орла, онъ искалъ защиты въ святынѣ и, еслибы орлоносецъ Кальпурній не сдѣлалъ отпора насилію, то посолъ римскаго народа, что́ рѣдко случалось и среди непріятелей, запятналъ бы своею кровью алтари боговъ среди римскаго лагеря. Утромъ наконецъ, когда можно было распознать и начальника и солдата, и яснѣе видѣть, что́ происходило, Германикъ, вошедши въ лагерь, велѣлъ привести Планка и взялъ его къ себѣ на трибуналъ. Громко жалуясь на роковое безумство, — знакъ гнѣва не солдатъ, а боговъ,—онъ объявляетъ причину пріѣзда пословъ, краснорѣчиво жалѣетъ о нарушенномъ правѣ посольства, о жестокой, незаслуженной участи самого Планка, о томъ, какъ обезчестили себя легіоны. Толпа была больше поражена, нежели успокоена и послы отпущены подъ охраненіемъ вспомогательной конницы.

40.

Въ страхѣ всѣ обвиняли Германика:

— Что онъ не отправляется къ верхней арміи, гдѣ найдетъ повиновеніе и помощь противъ мятежниковъ. Что и такъ уже слишкомъ много погрѣшили, давши отпускъ, деньги и дѣйствуя кротко. Если ему не мила собственная жизнь, зачѣмъ оставляетъ онъ малолѣтнаго сына и беременную жену среди безумцевъ, нарушителей всѣхъ человѣческихъ правъ? Пусть хоть ихъ возвратитъ дѣду и республикѣ.

Долго медлилъ онъ. Жена не соглашалась, говоря,

— Что она внука божественнаго Августа, не выродилась и съумѣетъ встрѣтить опасность.

Наконецъ, обнявши съ горькими слезами ее и сына, онъ уговорилъ ее удалиться. Грустно было зрѣлище уходящихъ женщинъ: изгнанница супруга полководца съ ребенкомъ на рукахъ, вокругъ нея плакали ухо-

дившія съ нею жены друзей; не меньше грустили и тѣ, которыя оставались.

41.

Не свѣтлое лицо Цезаря, не въ своемъ какъ будто онъ лагерѣ, а въ побѣжденномъ городѣ; вопль и стенанія обратили на себя слухъ и взоры даже солдатъ. Они выходятъ изъ палатокъ.

— Что за плачь? Что за горе? Знатныя женщины,— безъ центуріона, безъ солдатъ, безъ свиты, всегда сопутствующей женамъ полководцевъ, даже безъ обыкновенныхъ провожатыхъ, — идутъ къ Треверамъ, подъ чужую защиту!

Стало имъ стыдно и жаль; вспомнили отца ея Агриппу, дѣда Августа, тестя Друза; вспомнили, что сама она благословенная мать семейства, знаменитая своею цѣломудренностью; что ребенокъ рожденъ въ лагерѣ, вскормленъ среди палатокъ легіоновъ,—маленькій *Сапожокъ*, Калигула, какъ прозвали его солдаты, потому что его обували обыкновенно въ калиги, желая пробудить къ нему любовь воиновъ. Но ничто такъ не подѣйствовало на нихъ, какъ зависть къ Треверамъ. Они останавливаютъ Агриппину, просятъ, чтобы она воротилась, осталась; одни заступаютъ ей дорогу, бо̀льшая часть возвращается къ Германику. И онъ, съ свѣжими еще скорбью и гнѣвомъ въ сердцѣ, началъ такъ:

42.

— Жена и сынъ мнѣ не дороже отца и республики; но его защититъ величество, а римское государство прочія войска; жену и дѣтей моихъ, которыхъ я охотно принесъ бы въ

жертву вамъ на славу, я удаляю теперь отъ бѣшеныхъ. Какое бы еще ни замышляли вы злодѣяніе, пусть искупится оно только моею кровью! Пусть ваше преступленіе не увеличится убіеніемъ правнука Августа и невѣстки Тиберія! Было ли для васъ что-нибудь свято и неприкосновенно въ эти дни? Какъ назвать эту толпу? Солдаты? Окружившіе сына вашего императора валомъ и оружіемъ! Граждане? Наругавшіеся надъ властью сената! Вы нарушили и святость посольства и народное право, что уважаютъ даже враги. Божественный Юлій однимъ словомъ усмирилъ возмутившееся войско, назвавши *Квиритами* тѣхъ, кто не хотѣлъ ему присягнуть. Божественный Августъ однимъ взоромъ ужаснулъ Акціумскіе легіоны. Я, конечно, не равенъ имъ, но я ихъ потомокъ, и было бы странно и постыдно, если бы даже испанскій или сирійскій солдатъ оказалъ мнѣ неуваженіе. А ты, первый легіонъ, получившій значки отъ Тиберія (28),—ты, двадцатый, товарищъ столькихъ битвъ его, осыпанный наградами, — прекрасно благодарите вы вашего вождя! Такъ съ этою-то вѣстью долженъ я явиться къ отцу, обрадованному извѣстіями изъ прочихъ провинцій? Долженъ сказать ему, что для его новобранцевъ, для его ветерановъ мало отпуска, мало денегъ? Что здѣсь только убиваютъ центуріоновъ, изгоняютъ трибуновъ, задерживаютъ пословъ? Что лагерь и рѣки обагрены кровью, и что и самъ я изъ милости дышу еще среди озлобленныхъ?

43.

— Зачѣмъ, неблагоразумные друзья, вырвали вы у меня мечъ, которымъ хотѣлъ я пронзить грудь мою въ пер-

---

(28) Послѣ пораженія Вара Тиберій былъ посланъ поправить дѣло.

вый день собранія? Лучше и дружественнѣе поступилъ тотъ, кто предложилъ мнѣ свой клинокъ. Я палъ бы, не зная столькихъ преступленій моего войска; вы избрали бы вождя, который оставилъ бы мою смерть безнаказанною, но отомстилъ бы за Вара и за три легіона. Да не попустятъ боги, чтобы Бельгійцы, хотя они и предлагаютъ свои услуги, стяжали честь и славу спасенія римскаго имени и пораженія народовъ Германіи! Твоя, божественный Августъ, принятая на небо душа, твой образъ (29), отецъ мой Друзъ, и живая еще о тебѣ память этихъ солдатъ, въ которыхъ пробудились уже стыдъ и жажда славы, — да смоютъ они это пятно и да обратятъ ярость междоусобія на погибель врагу! А вы,—я вижу, лица и сердца ваши измѣнились.—если вы хотите возвратить сенату пословъ, повиновеніе императору, мнѣ жену и сына,—отойдите отъ заразы, отдѣлите возмутителей, это упрочитъ ваше раскаяніе и будетъ залогомъ вѣрности.

44.

Смиренно признавая истину упрековъ, они просили его наказать виновныхъ, простить увлеченнымъ, и вести ихъ на врага; просили призвать назадъ жену и возвратить питомца легіоновъ, не дать его въ заложники Галламъ. Онъ не согласился на возвращеніе жены, потому что она скоро должна была родить, и тогда была зима; но обѣщалъ призвать сына, а прочее предоставилъ исполнить имъ самимъ. Солдаты какъ будто переродились. Они разбѣгаются, связываютъ главныхъ возмутителей и тащатъ ихъ къ легату перваго легіона, Каю Цетронію, который каждаго судилъ

(29) Вѣроятно, портретъ Друза былъ на знаменахъ.

и казнилъ слѣдующимъ образомъ. Легіоны съ обнаженными мечами окружили возвышеніе; трибунъ взводилъ на него подсудимаго; если кричали «*виноватъ*», его сталкивали внизъ и убивали. Весело рубили его солдаты, какъ будто искупая тѣмъ собственную вину, и Цезарь не препятствовалъ имъ; дѣло совершалось безъ его приказанія и все, что было ненавистнаго въ жестокой расправѣ, падало на нихъ. Этому примѣру послѣдовали и ветераны, вскорѣ потомъ отосланные въ Рецію, подъ предлогомъ защиты провинціи отъ Свевовъ, но въ самомъ дѣлѣ только чтобы удалить ихъ изъ лагеря, не успокоившагося еще послѣ недавнихъ злодѣйствъ и жестокаго наказанія. Потомъ онъ сдѣлалъ смотръ центуріонамъ; каждый, вызванный императоромъ, объявлялъ свое имя, разрядъ (ordo), родину, число лѣтъ на службѣ, подвиги въ битвахъ и, если имѣлъ, военные знаки отличія. Если трибуны и легіонъ одобряли его службу и поведеніе, онъ оставался въ должности; если единогласно обвиняли его въ сребролюбіи или жестокости, онъ былъ выключаемъ изъ службы.

45.

По усмиреніи лагеря здѣсь, Германику предстоялъ еще другой, не меньшій трудъ, укротить буйство пятаго и двадцать перваго легіона, зимовавшихъ за шестьдесятъ милліарій, въ мѣстечкѣ, называемомъ Ветера. Они первые начали возмущеніе; жесточайшія злодѣйства были совершены ихъ руками; ихъ не коснулось раскаяніе, не устрашило наказаніе сослуживцевъ, и они продолжали неистовствовать. И такъ Цезарь снарядилъ флотъ для отправленія внизъ по Рейну войска и союзниковъ, рѣшившись начать войну, если они не покорятся.

46.

Между тѣмъ въ Римѣ, гдѣ не знали, чѣмъ кончилось дѣло въ Иллиріи, и услышали о движеніи въ германскихъ легіонахъ, испуганные граждане обвиняли Тиберія:

— Что онъ только смѣется надъ безсильными и безоружными патриціями и плебеями и водитъ ихъ за носъ своею мнимой нерѣшительностью, а солдаты между тѣмъ бунтуютъ и незрѣлый еще авторитетъ двухъ юношей не можетъ усмирить ихъ; что онъ долженъ бы отправиться самъ и противопоставить имъ императорское величество; что они смирились бы при видѣ опытнаго вождя, въ рукахъ котораго и гнѣвъ и милость. Августъ на старости лѣтъ могъ такъ часто ѣздить въ Германію, такъ Тиберію ли, въ полной силѣ, сидѣть въ сенатѣ и перетолковывать слова отцовъ? Для порабощенія горожанъ сдѣлано уже довольно; пора бы успокоить и умы солдатъ, чтобъ и они согласились жить въ мирѣ.

47.

Но такія рѣчи не поколебали твердой рѣшимости Тиберія—не покидать центра управленія и не ввѣрять случаю ни себя, ни республику. Многое его тревожило и приводило въ раздумье:

— Германское войско сильнѣе, паннонское ближе; одно опирается на силы Галліи, другое грозитъ Италіи: къ которому же поѣхать прежде, чтобы другое не обидѣлось и не вспыхнуло? А въ лицѣ сыновей онъ и тамъ и здѣсь, безъ опасности для величества, внушающаго больше почтенія издали. Сверхъ того юноши могутъ оставить кое-что на рѣшеніе отца. Если солдаты не послушаются Германика или

Друза, онъ можетъ еще укротить или подавить ихъ самъ,— а что станется, если они ослушаются императора?

Впрочемъ, какъ будто передъ скорымъ отъѣздомъ, назначилъ онъ спутниковъ, распорядился багажемъ, снарядилъ корабли,—а потомъ, подъ предлогомъ то зимы, то разныхъ дѣлъ, обманывалъ нѣсколько времени ожиданія людей смышленыхъ, нѣсколько долѣе народъ; и долѣе всего провинціи.

48.

Германикъ, собравши войско и готовый наказать мятежниковъ, счелъ однако же за лучшее дать имъ еще срокъ, въ надеждѣ, не одумаются ли они, слѣдуя свѣжему примѣру. Онъ послалъ къ Цецинѣ письмо, съ извѣстіемъ, что самъ идетъ съ сильнымъ войскомъ и что, если они не поспѣшатъ наказать виновныхъ, то онъ прикажетъ рубить ихъ безъ разбора. Цецина втайнѣ читаетъ это письмо орлоносцамъ, значконосцамъ и вообще всѣмъ благонамѣреннымъ, уговариваетъ ихъ избавить всѣхъ отъ позора и себя самихъ отъ смерти, потому что въ мирѣ смотрятъ на дѣла и заслуги, но въ пылу войны равно падаютъ правый и виноватый. Поразвѣдавши, какъ думаютъ объ этомъ другіе, мнѣніемъ которыхъ они дорожили, и нашедши, что большая часть легіоновъ вѣрна долгу службы, они назначили съ согласія легата, когда напасть съ мечемъ на злѣйшихъ возмутителей. По условленному знаку они врываются въ палатки и убиваютъ ничего не ждавшихъ. Никто, кромѣ соучастниковъ, не зналъ, съ чего началась и чѣмъ кончится рѣзня.

49.

Эта сѣча не походила ни на одну изъ бывшихъ междоусобныхъ битвъ. То не было сраженіе. Не изъ разныхъ

лагерей, но изъ однѣхъ и тѣхъ же палатокъ, гдѣ вмѣстѣ ѣли днемъ и вмѣстѣ спали ночью,—вдругъ раздѣляются на партіи и поражаютъ другъ друга оружіемъ. Слышенъ только крикъ, видны раны и кровь:—причина неизвѣстна, все предоставлено случаю. Пали нѣсколько и благонамѣренныхъ, когда мятежники, догадавшись, въ чемъ дѣло, сами схватились за оружіе. Легатъ и трибуны не сдерживали солдатъ, и дали имъ въ волю насытиться мщеніемъ. Скоро прибылъ въ лагерь и Германикъ, со слезами на глазахъ сказалъ, что это не исправленіе зла, а бойня, и приказалъ сжечь мертвыхъ. Въ раздраженныхъ еще душахъ солдатъ вспыхнуло желаніе идти на врага и искупить свое изступленіе.

— Только принявши честныя раны на преступную грудь, можемъ мы успокоить тѣни собратій, говорили они.

Цезарь, пользуясь этимъ пыломъ, наводитъ мостъ и переправляетъ 12,000 легіонаріевъ, 26 союзныхъ когортъ и 8 эскадроновъ (alas) конницы, незапачканныхъ участіемъ въ бунтѣ.

50.

Недалеко отъ насъ Германцы весело проводили время, покамѣстъ насъ удерживалъ сначала трауръ по смерти Августа, а потомъ смуты. Но римское войско быстро пересѣкаетъ Цезійскій лѣсъ и начатый Тиберіемъ пограничный валъ, раскидываетъ здѣсь лагерь, котораго передъ и тылъ укрѣплены валомъ, а бока засѣками. Потомъ вступаетъ въ дремучій лѣсъ и совѣтуется, по какому изъ двухъ путей идти дальше, по кратчайшему ли и обыкновенному, или по трудному, непроложенному, но потому именно и не ограждаемому непріятелемъ? Избравши должайшій путь, поспѣшили къ дѣлу; лазутчики донесли, что у Германцевъ въ эту ночь праздникъ и торжественный пиръ. Цецинѣ приказано

идти впередъ съ легкими когортами и очищать дорогу въ лѣсъ; легіоны пошли въ недальнемъ за нимъ разстояніи. Благопріятна была звѣздная ночь; пришли къ деревнямъ Марсовъ и разставили вокругъ пикеты, — а непріятели все еще покоились вокругъ столовъ, безъ опасенія, безъ сторожевыхъ: — такъ велика была ихъ безпечность. Они не ждали нападенія; впрочемъ и миръ этихъ пьяныхъ былъ сонный и вялый.

51.

Цезарь для большаго опустошенія строитъ нетерпѣливые легіоны въ четыре клина (cuneus) и предаетъ огню и мечу все на пространствѣ пятидесяти тысячь шаговъ. Не щадятъ ни лѣтъ, ни пола, ни святыни; священнѣйшій для этихъ народовъ храмъ Танфаны (30) срытъ до основанія. Солдаты безнаказанно убивали полусонныхъ, безоружныхъ и бродящихъ. Эта сѣча подняла на ноги Бруктеровъ, Тубантовъ и Узипетовъ и они заняли лѣсъ, черезъ который должно было возвращаться войско. Полководецъ это зналъ и вышелъ въ походъ на битву. Часть конницы и вспомогательныя когорты шли впереди; за ними первый легіонъ; багажъ, взятый въ средину, окруженъ былъ справа пятымъ, слѣва двадцать первымъ, съ тылу двадцатымъ легіономъ; въ арріергардѣ находились союзники. Пока войско тянулось по лѣсу, непріятель не трогался; потомъ, слегка напавши на фронтъ и фланги, всею силою надвинулъ на арріергардъ; густыя толпы Германцевъ уже смяли было легкія когорты, когда Цезарь, подскакавъ къ двадцатому легіону, воскликнулъ:

---

(30) Имя Танфаны изъясняется различно. Всего вѣроятнѣе, что оно происходитъ отъ *Tanne* — ель и *Fan* господинъ.—А можетъ быть и *Tannenhain*—еловая роща.

— Теперь пора загладить возмущеніе. Впередъ! Искупите преступленіе подвигомъ!

Солдаты одушевились; дружнымъ натискомъ двинули врага въ поле и врубились въ его ряды; въ тоже время передовые вышли изъ лѣса и окопались въ лагерѣ. Остальной путь довершили спокойно; гордясь настоящимъ и забывъ прошедшее, войско расположилось на зимнія квартиры.

52.

Вѣсть объ этомъ порадовала и потревожила Тиберія: онъ радовался, что бунтъ усмиренъ, но его тревожила военная слава Германика и то, что онъ старался пріобрѣсть любовь войскъ, раздѣливши имъ деньги и поспѣшивши дать отпуски. Впрочемъ онъ сообщилъ сенату о его подвигахъ и для виду разглагольствовалъ въ великолѣпныхъ выраженіяхъ о его заслугахъ; никто однакоже не повѣрилъ искренности его чувствъ. Короче, но искреннѣе и правдивѣе похвалилъ онъ Друза за усмиреніе мятежа въ Иллиріи. Все, что уступилъ легіонамъ Германикъ, далъ онъ и паннонскимъ войскамъ.

53.

Въ тотъ же годъ скончалась Юлія, сосланная нѣкогда отцомъ своимъ Августомъ за дурное поведеніе на островъ Пандатерію (31), а потомъ въ Регіумъ, близь Сицилійскаго пролива. Въ цвѣтущее время Цезарей Кая и Луція она была за-мужемъ за Тиберіемъ и презирала его, потому что онъ имъ во всемъ уступалъ. Презрѣніе это

(31) Пандатарія или Пандатерія, по Плинію, въ Пуццольскомъ заливѣ; по Діону—близь Кампаніи.

было тайною причиной удаленія его въ Родосъ; сдѣлавшись главою государства, онъ свелъ ее, ссыльную, обезславленную и лишенную всякой надежды послѣ убіенія Постума Агриппы, въ могилу нуждою и голодомъ, разсчитывая, что долговременная ссылка (32) прикроетъ такое убійство. За это преслѣдовалъ онъ и Семпронія Гракха, человѣка знатнаго происхожденія, хитраго ума и увлекательнаго краснорѣчія, которое онъ употреблялъ во зло. Онъ имѣлъ связь съ этой Юліей, когда она была замужемъ за Маркомъ Агриппой; но этимъ страсть его не кончилась. Когда Юлія была отдана Тиберію, упрямый соблазнитель разжигалъ въ ней ненависть и непокорность къ мужу, и въ то время думали, что письмо Юліи къ отцу Августу, въ которомъ она жаловалась на Тиберія, сочинено Гракхомъ. За это онъ былъ сосланъ на Церцину, островъ на Африканскомъ морѣ, гдѣ и пробылъ четырнадцать лѣтъ. Солдаты, посланные для его убіенія, нашли его на мысѣ. Не ожидая ничего добраго, онъ попросилъ у нихъ только короткой отсрочки, чтобы письменно сообщить послѣднія распоряженія женѣ своей Алліаріи; потомъ протянулъ шею убійцамъ и умеръ съ твердостью, достойною имени Семпроніевъ, которое безчестилъ при жизни. Нѣкоторые утверждаютъ, что солдаты были посланы не изъ Рима, а отъ Луція Аспрената, проконсула Африки, по повелѣнію Тиберія, тщетно надѣявшагося свалить этимъ безславіе убійства на Аспрената.

54.

Въ томъ же году былъ установленъ новый обрядъ, при учрежденіи священства Августальской братіи, какъ нѣкогда Титъ Тацій учредилъ Титійское братство, для сохраненія

---

(32) Пятнадцатилѣтняя.

Сабинскаго богослуженія. Изъ знатнѣйшихъ лицъ выбраны были по жребію двадцать одинъ человѣкъ; къ нимъ присоединили Тиберія, Друза, Клавдія и Германика. Тогда дали въ первый разъ Августальскія игры, которыя нарушила ссора комедіантовъ. Августъ терпѣлъ подобныя увеселенія изъ снисхожденія къ Меценату, страстно любившему Батилла, да и самъ былъ не прочь отъ такого препровожденія времени, думая, что участіе въ народныхъ забавахъ можетъ усилить привязанность къ нему народа. Не такъ разсуждалъ Тиберій: — но не смѣлъ еще круто повернуть народъ, привыкшій въ продолженіи стольких лѣтъ къ мягкому управленію.

768.—15.

55.

Въ консульство Друза Цезаря и Кая Норбана опредѣляли тріумфъ Германику. Война еще продолжалась; собирая всѣ силы на лѣто, онъ открылъ ее однакоже въ началѣ весны внезапнымъ вторженіемъ въ землю Каттовъ (33). Онъ надѣялся на расколъ между непріятелемъ за Арминія и Сегеста. Оба они были извѣстны: первый своимъ къ намъ вѣроломствомъ, второй вѣрностью. Арминій возмущалъ Германію, Сегестъ же не разъ, и еще за послѣднимъ пиршествомъ, послѣ котораго взялись за оружіе, объявлялъ, что готовится возстаніе, и совѣтовалъ Вару задержать его, Арминія и прочихъ предводителей.

— Народъ, говорилъ онъ, не посмѣетъ ничего безъ начальниковъ, а Варъ будетъ имѣть время отличить виновныхъ отъ невинныхъ.

---

(33) Или Хаттовъ. У Діона Хаттовъ.

Но Варъ палъ жертвою судьбы и силы Арминія; Сегестъ, увлеченный общимъ движеніемъ народа въ войну, сохранялъ прежній образъ мыслей и личная ненависть его еще усилилась, потому что Арминій похитилъ дочь его, невѣсту другаго. Зять сталъ ненавистенъ тестю, тесть зятю, и узы, скрѣпляющія дружбу между пріятелями, растравляли только злобу враговъ.

56.

И такъ Германикъ поручаетъ Цецинѣ четыре легіона, пять тысячъ вспомогательнаго войска и наскоро набранныя по сю сторону Рейна дружины Германцевъ; столько же легіоновъ и двойное число союзниковъ ведетъ онъ самъ и, выстроивши крѣпостцу на развалинахъ укрѣпленія, сдѣланнаго отцомъ его на горѣ Таунѣ, вторгается съ легкимъ войскомъ къ Каттамъ, оставивши Луція Апронія для надзора за дорогами и рѣками. При рѣдкой въ томъ климатѣ засухѣ и мелководіи рѣкъ, онъ безостановочно шелъ впередъ, но опасался дождей и половодія на возвратномъ пути. Онъ настигъ Каттовъ въ расплохъ, такъ что все беззащитное по старости или полу своему тотчасъ же было взято въ плѣнъ или убито; молодежъ переплыла черезъ рѣку Адрану и не давала Римлянамъ наводить мостъ: ихъ прогнали стрѣлами и метательнымъ оружіемъ. Тщетно попытавшись завести мирные переговоры, нѣкоторые изъ нихъ перебѣжали къ Германику, остальные покинули деревни и разсѣялись по лѣсамъ. Цезарь, сжегши главный городъ Маттіумъ и опустошивъ поля, обратился къ Рейну; непріятель не посмѣлъ безпокоить арріергардъ, что дѣлалъ всегда, когда отступалъ не столько отъ страха, сколько изъ хитрости. Херуски замышляли помочь Каттамъ, но ихъ запугалъ Цецина, бро-

саясь въ разныя стороны и отразивши въ удачномъ сраженіи Марсовъ, осмѣлившихся съ нимъ схватиться.

57.

Вскорѣ за тѣмъ явились посланные отъ Сегеста, прося защитить его противъ собственнаго народа, который его осадилъ, передавшись на сторону Арминія, за то, что онъ подавалъ голосъ въ пользу войны. Для варваровъ, кто отважнѣе, тотъ и надежнѣе, тотъ и могущественнѣе въ смутное время. Сегестъ прислалъ съ послами и сына своего, по имени Сегисмунда; юноша медлилъ сначала въ сознаніи вины своей: въ годъ отпаденія Германіи онъ, избранный въ жрецы при алтарѣ Убіевъ, разорвалъ свою жреческую повязку и бѣжалъ къ мятежникамъ; но ободренный надеждою на милосердіе Римлянъ, онъ явился съ порученіемъ отца, и, принятый благосклонно, съ охранною стражей пересланъ на галльскій берегъ. Германику выгодно было двинуть войско обратно; сразились съ осаждающими и освободили Сегеста съ малымъ числомъ родныхъ и приверженцевъ. Тутъ были и знаменитыя женщины; въ томъ числѣ жена Арминія, дочь Сегеста, родная по духу больше мужу, нежели отцу: она не проронила ни слезы, ни жалобы, и, сложа на груди руки, смотрѣла на беременное чрево свое. Взяли и добычу, потерянную при пораженіи Вара, и роздали большую часть ея сдавшимся теперь.

58.

Самъ Сегестъ, великанъ ростомъ, смѣлый сознаніемъ своей вѣрности, сказалъ:

— Не въ первый разъ сегодня доказываю я мою вѣрность римскому народу; съ тѣхъ поръ, какъ божественный Августъ даровалъ мнѣ права гражданства, я избиралъ дру-

зей и враговъ, сообразуясь съ вашею выгодой, и не изъ ненависти къ отечеству (измѣнники ненавистны даже и тѣмъ, кого предпочитаютъ), но видя, что выгоды Римлянъ и Германцевъ нераздѣльны, и считая миръ полезнѣе войны. Похитителя дочери моей, Арминія, нарушителя союза съ вами, обвинилъ я передъ Варомъ, тогдашнимъ начальникомъ войска; Варъ былъ безпеченъ; защита законовъ плоха: я умолялъ его сковать меня, Арминія и всѣхъ соумышленниковъ. Зачѣмъ та ночь, которая видѣла все это, не была для меня послѣднею! Что случилось послѣ, легче оплакивать, нежели оправдывать. Впрочемъ, я посадилъ въ цѣпи Арминія, и самъ былъ скованъ его партіей. Но явился ты, и я предпочитаю старое новому, покой смутамъ; предпочитаю ихъ не ради награды, но чтобы оправдаться отъ измѣны. Я годился бы въ посредники германскому народу, если бы онъ предпочелъ раскаяніе погибели. За юношеское заблужденіе сына прошу прощенія, а дочь, сознаюсь, пришла сюда не по доброй волѣ, и ты рѣшишь, что важнѣе: званіе ли беременной жены Арминія, или моей дочери.

Цезарь милостиво обѣщалъ безопасность его дѣтямъ и родственникамъ, а ему жительство въ старой провинціи. Онъ увелъ войско назадъ и, по предложенію Тиберія, получилъ титулъ императора. Жена Арминія родила сына. Какъ играла судьба этимъ ребенкомъ, воспитаннымъ въ Римѣ, упомяну я въ свое время (34).

59.

Вѣсть о сдачѣ и благосклонномъ пріемѣ Сегеста пробудила надежды и скорбь, смотря по тому, кто желалъ или

(34) Вѣроятно, въ потерянныхъ книгахъ.

не желалъ войны. Арминія, горячаго отъ природы, приводила въ бѣшество плѣнъ жены и рабство сына; онъ метался по землѣ Херусковъ, взывая къ оружію противъ Сегеста и Цезаря, не жалѣлъ ѣдкихъ словъ.

— Примѣрный отецъ! Великій полководецъ! Храброе войско! Удалось общими силами схватить—бабенку! Передо мною пали три легіона и три легата; я сражаюсь не предательствомъ, и не съ беременными женщинами, а открыто иду противъ вооруженнаго врага. Въ лѣсахъ Германцевъ видны еще римскіе значки, посвященные мною отеческимъ богамъ. Пусть живетъ Сегестъ на покоренномъ берегу, пусть возвратитъ сыну санъ жреца,—Германцы никогда не извинятъ его въ томъ, что видѣли между Эльбою и Рейномъ розги, сѣкиру и тогу. Другіе народы, не зная владычества Римлянъ, никогда не были знакомы ни съ казнями, ни съ данью; а мы силою оружія избавились отъ того и отъ другаго. Возведенный въ божества Августъ, пресловутый Тиберій удалились ни съ чѣмъ, — такъ чего же бояться намъ неопытнаго юноши съ мятежнымъ войскомъ? Если отечество, предки и старина для васъ дороже чужеземныхъ властителей и новыхъ поселеній (35), идите къ славѣ и свободѣ за Арминіемъ, а не въ постыдное рабство за Сегестомъ.

60.

Это подняло не только Херусковъ, но и сосѣдніе народы; къ нимъ присталъ и Ингвіомеръ, дядя Арминія по отцу, уже давно пріобрѣтшій вѣсъ у Римлянъ. Цезарь, опасаясь, чтобы война не обрушилась на него всею массой,

(35) На галльскихъ берегахъ, куда переселены были такіе же Германскіе выходцы, какъ Сегестъ.

послалъ Цецину съ сорока римскими когортами черезъ землю Бруктеровъ къ рѣкѣ Амизіи, съ цѣлью раздѣлить непріятеля; префектъ Педонъ повелъ конницу черезъ землю Фризовъ; самъ Цезарь, посадивши на суда четыре легіона, переправился черезъ озеро (36), и всѣ,— пѣхота, конница и флотъ,—разомъ сошлись у вышеозначенной рѣки. Хавки, обѣщавшіе помощь, были присоединены къ войску. Бруктеры, сами выжигавшіе свои земли, были разбиты легкимъ отрядомъ Луція Стертинія, посланнаго Германикомъ: среди сѣчи и грабежа онъ нашелъ орелъ девятнадцатаго легіона, потерянный при Варѣ. Отсюда войско двинулось по землѣ Бруктеровъ; все между рѣками Амизіей и Луппіей было опустошено недалеко отъ Тевтобургскаго лѣса, гдѣ, говорили, лежатъ еще непогребенные останки Вара и его легіоновъ.

61.

Цезарь пожелалъ отдать послѣдній долгъ вождю и воинамъ; грустное чувство овладѣло войскомъ: они вспомнили друзей, родныхъ, участь битвъ и судьбу людскую. Пославши впередъ Цецину для осмотра чащи и наведенія мостовъ и плотинъ черезъ болота и обманчивыя трясины, они прибыли на печальное мѣсто, страшное по воспоминаніямъ, ужасное для глазъ. Объемъ перваго лагеря Вара и обширность его плацъ-парада (principia) свидѣтельствовали о дѣлѣ рукъ трехъ легіоновъ; дальше полувозведенный валъ и мелкій ровъ говорили, что здѣсь стали уже разбитые остатки; среди поля бѣлѣли кости, гдѣ въ кучахъ, гдѣ по одиначкѣ, какъ бѣжали или давали отпоръ солдаты; валялись обломки ору-

(36) Зюдерзее.

жія и конскіе оставы, на сучьяхъ деревъ торчали черепы; въ ближайшихъ чащахъ были алтари варваровъ, на которыхъ они зарѣзали трибуновъ и центуріоновъ первыхъ рядовъ (ordinum). Пережившіе это пораженіе, ускользнувшіе изъ битвы, или отъ плѣна, разсказывали:

— Вотъ здѣсь пали легаты, тамъ отняты орлы; здѣсь Варъ получилъ первую рану, тутъ палъ онъ отъ собственной, злополучной руки; съ этаго возвышенія говорилъ Арминій, столько-то висѣлицъ устроили для плѣнныхъ, столько-то вырыли могилъ, такъ въ высокомѣріи насмѣхался онъ надъ значками и орлами.

62.

Такъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ пораженія, римское войско, съ усиленною ненавистью къ врагу, полное скорби и гнѣва, похоронило кости трехъ легіоновъ. Никто не зналъ, своихъ ли, чужихъ ли останки покрываетъ онъ землею, и всѣ были погребены какъ друзья и кровные. Могильный холмъ заложилъ кускомъ дерна первый Цезарь, въ память падшимъ, въ знакъ сочувствія къ скорби присутствующихъ. Тиберій этого не одобрилъ: потому ли, что всѣ поступки Германика изъяснялъ въ худую сторону, или полагая, что видъ непогребенныхъ труповъ уменьшитъ въ войскѣ готовность сражаться и увеличитъ страхъ передъ врагомъ.

— Императоръ, облеченный въ санъ авгура и завѣдующій древнѣйшими обрядами, не долженъ бы заниматься похоронами.

63.

Германикъ пошелъ за Арминіемъ, отступившимъ въ трудно проходимыя мѣста, и при первой возможности приказалъ

коннице двинуться впередъ и очистить занятое непріятелемъ поле. Арминій, сомкнувши и придвинувши своихъ къ лѣсу, вдругъ оборотился, и скрытые въ чащѣ Германцы выступили по его знаку. Неожиданный натискъ смялъ конницу; посланныя въ помощь когорты, увлеченныя массою бѣгущихъ, увеличили смятеніе и ихъ втоптали бы въ болото, знакомое побѣдителямъ и пагубное для пришлецовъ, если бы Цезарь не вывелъ и не выстроилъ легіоновъ. Непріятель оробѣлъ, солдаты ободрились, и сраженіе кончилось ни въ чью пользу. Потомъ, возвратившись съ войскомъ къ Амизіи, Германикъ переправилъ легіоны назадъ на судахъ, какъ и привезъ ихъ сюда; части конницы приказано идти берегомъ моря къ Рейну; Цецинѣ, ведшему свой отрядъ, приказано, не смотря на то, что онъ шелъ по знакомому пути, перейти какъ можно скорѣе чрезъ Длинные мосты. То была узкая дорога, сооруженная нѣкогда Луціемъ Домиціемъ (37) чрезъ обширныя болота, топи вязкаго ила, ручьи съ измѣнчивымъ русломъ; вокругъ, на легкомъ скатѣ почвы, были лѣса. Ихъ занялъ Арминій, опередивши скорымъ маршемъ и по кратчайшей дорогѣ войско, обремененное багажемъ и оружіемъ. Цецина, не зная, какъ въ одно время исправить развалившіеся отъ ветхости мосты и отразить непріятеля, рѣшился стать лагеремъ: одни должны были начать работы, другіе сражаться.

64.

Варвары, стараясь прорваться за пикеты и напасть на рабочихъ, безпокоятъ ихъ, обходятъ, аттакуютъ; клики работающихъ смѣшиваются съ кликомъ сражающихся;—все противъ Римлянъ: мѣстность—глубокое болото, нога уходитъ въ глубь,

(37) Дѣдъ Нерона. См. кн. IV гл. 44.

когда стоишь, скользить, когда идешь; сами солдаты, въ тяжелыхъ панцыряхъ, стояли въ водѣ и не могли даже метать копья. Для Херусковъ, напротивъ того, сражаться среди болотъ—дѣло привычное; ростъ ихъ высокъ, копья длинны и могутъ наносить раны издали. Только ночь избавила наконецъ колебавшiеся уже легiоны отъ несчастной битвы. Германцы, неутомимые при удачѣ, и тутъ не захотѣли отдохнуть, и свели всѣ воды съ окрестныхъ возвышенностей въ долъ; землю размыло, готовыя работы разрушило и трудъ для солдатъ удвоился. Цецина прослужилъ уже сорокъ лѣтъ, какъ подчиненный и какъ начальникъ; онъ былъ знакомъ съ удачами и неудачами, и потому безстрашенъ. Размышляя о предстоящемъ, онъ нашелъ, что остается только удерживать непрiятеля въ лѣсу, покамѣстъ пройдутъ впередъ раненые и багажъ. Среди горъ и болотъ тянулась долина, на которой можно было стать узкимъ строемъ. Онъ построилъ легiоны: пятый на правомъ, двадцать первый на лѣвомъ флангѣ, первый впереди, двадцатый для прикрытiя тыла.

65.

Ночь по разнымъ причинамъ была безпокойна: варвары оглашали долъ и нагорный лѣсъ кликами пиршества, веселыми пѣснями, дикимъ шумомъ; у Римлянъ слабо мерцали огоньки, слышалась прерывистая перекличка, солдаты лежали врозсыпь у вала или бродили около палатокъ, больше безсонные, нежели бодрствующiе. Самъ вождь былъ испуганъ страшнымъ сномъ: Квинтилiй Варъ, облитый кровью, вынырнулъ изъ болотъ, простирая къ нему руки, и звалъ его,— но онъ не пошелъ на зовъ и оттолкнулъ протянутую ему руку. На разсвѣтѣ легiоны, назначенные во фланги, отъ страха или отъ неповиновенiя, оставили свои мѣста и поспѣш-

но заняли поле по ту сторону болота: Арминій не напалъ однакоже тотчасъ, хотя могъ аттаковать безъ помѣхи; но когда багажъ увязъ во рвахъ и тинѣ, ряды солдатъ разстроились, значки перемѣшались, и, какъ обыкновенно въ такомъ случаѣ, каждый заботился только о себѣ, не слушая приказовъ,—тогда скомандовалъ онъ Германцамъ въ аттаку, восклицая:

— Вотъ Варъ, и вторично тѣмъ же рокомъ разбитые легіоны!

Съ этими словами онъ разрѣзываетъ съ отборною дружиной строй, преимущественно нанося раны лошадямъ; кони скользятъ въ крови своей и тинѣ, сбрасываютъ сѣдоковъ, опрокидываютъ встрѣчныхъ, давятъ лежащихъ. Величайшее смятеніе царствуетъ около орловъ: ихъ не могутъ ни нести на встрѣчу тучѣ стрѣлъ, ни водрузить въ рыхлой землѣ. Цецина, занятый сохраненіемъ строя, упалъ съ убитой подъ нимъ лошади и былъ бы взятъ, если бы не отстоялъ его первый легіонъ. Спасительна была жадность непріятеля; изъ-за добычи забылъ онъ сѣчу, и подъ вечеръ легіоны пробились до открытаго и твердаго поля. Но этимъ бѣдствіе еще не кончилось: надо было построить валъ и вывесть плотину, а орудія для копанія земли и рѣзки дерна были большею частью утрачены; манипулы были безъ палатокъ, раненыхъ перевязать нечѣмъ; раздѣлили запачканную иломъ и кровью пищу, съ грустью помышляя о роковой ночи, о томъ, что столькимъ тысячамъ осталось прожить только одни сутки.

66.

Сорвавшаяся съ привязи лошадь, испуганная кликами, наскакала на нѣсколько человѣкъ; этотъ случай произвелъ

ужасное смятеніе; вообразили, что ворвались Германцы, и всѣ бросились къ воротамъ, особенно къ декуманскимъ, подальше отъ непріятеля, куда бѣжать было безопаснѣе. Цецина, узнавъ, что страхъ ни на чемъ не основанъ, но будучи не въ состояніи ни властью, ни просьбами, ни силою остановить солдатъ, легъ на порогѣ выхода и только этимъ пресѣкъ имъ путь: чувство сожалѣнія не позволяло переступить черезъ тѣло легата, трибуны и центуріоны объясняли между тѣмъ неосновательность страха.

67.

Тогда, собравши ихъ на плацъ-парадѣ (principia), и приказавши выслушать его молча, онъ объясняетъ, чего требуютъ обстоятельства и время.

— Единственное спасеніе въ оружіи; но за него должно взяться съ осмотрительностью, оставаться за валомъ, пока непріятель не подойдетъ ближе, въ надеждѣ взять лагерь приступомъ. Тогда надо сдѣлать всеобщую вылазку—и пробиться къ Рейну. Бѣглецы встрѣтятъ еще болѣе дремучіе лѣса, еще болѣе глубокія болота и ярость враговъ, побѣдители—честь и славу.

Онъ напомнилъ имъ о наградахъ въ лагерѣ, о томъ, что дорого имъ дома, и умолчалъ о неудачѣ. Потомъ, не разбирая чиновъ, отдаетъ онъ сначала своихъ лошадей, потомъ лошадей легатовъ и трибуновъ храбрѣйшимъ солдатамъ, дабы они, а вслѣдъ за ними пѣхота, ударили на непріятеля.

68.

Не спокойнѣе были и Германцы: ихъ волновали надежда, жажда добычи, разногласіе вождей. Арминій совѣтовалъ дать

Римлянамъ выйти и потомъ снова окружить ихъ на топкой, неудобопроходимой почвѣ. Мысль Ингвіомера была отважнѣе, въ духѣ варваровъ: онъ хотѣлъ окружить валъ,—штурмъ будетъ не труденъ, плѣнныхъ больше и добыча полнѣе. И вотъ, на зарѣ идутъ они на приступъ, заваливаютъ ровъ фашинникомъ и взбираются на валъ, гдѣ стояло не много солдатъ, какъ будто пригвожденныхъ страхомъ. Покамѣстъ они овладѣваютъ укрѣпленіями, звуки трубъ и роговъ подаютъ сигналъ когортамъ, съ крикомъ бросаются они въ тылъ Германцамъ, восклицая, что здѣсь не лѣса и болота, а ровное мѣсто, и боги будутъ покровительствовать имъ одинаково. Непріятель ожидалъ легкой побѣды надъ немногими, полувооруженными,—тѣмъ сильнѣе поразили его неожиданные звуки трубъ и блескъ оружія. Столько же растерянные при несчастіи, сколько жадные при удачѣ, враги не устояли. Арминій оставилъ битву невредимый, Ингвіомеръ тяжело раненый; остальныхъ рубили, пока не угасли день и ярость Только ночью воротились легіоны, истомленные ранами и голодомъ, но побѣда замѣнила имъ все: и силу, и здоровье и пищу.

69.

Мужду тѣмъ разнесся слухъ, что войско обойдено и что непріятельскій отрядъ Германцевъ идетъ на Галлію и, еслибы Агриппина не воспрепятствовала снятію моста черезъ Рейнъ, были люди, которые не постыдились бы сдѣлать это изъ страха. Но великая духомъ женщина приняла на себя въ эти дни обязанности полководца и снабдила бѣдныхъ и раненыхъ солдатъ пищею и перевязками. Кай Плиній, авторъ Исторіи германскихъ войскъ, разсказываетъ, что, стоя у входа на мостъ, она благодарила и хвалила возвращавшіеся легіоны. Это глубоко запало въ душу Тиберію.

— Что-то не спроста такая внимательность, они заискиваютъ у солдатъ не ради внѣшнихъ враговъ. Что же остается полководцамъ, если женщина дѣлаетъ смотръ манипуламъ, обходитъ значки, раздаетъ награды, какъ будто мало того, что водитъ сына полководца въ солдатской одеждѣ и настроила солдатъ называть его Цезаремъ Сапожкомъ (Калигулой). Вліяніе Агриппины въ войскѣ уже сильнѣе легатовъ и полководцевъ; женщина усмирила бунтъ, котораго не могло подавить имя государя.

Такія мысли разжигалъ и поддерживалъ Сеянъ, хорошо понимавшій нравъ Тиберія. На позднюю жатву засѣвалъ онъ въ немъ ненависть, зная, что, затаенная въ душѣ, она вспыхнетъ тѣмъ съ большею силой.

70.

Между тѣмъ Германикъ поручаетъ Публію Вителлію снять съ судовъ и вести сухимъ путемъ второй и четырнадцатый легіонъ, дабы флотъ легче шелъ по отмелямъ, легче садился на дно при отливѣ. Сначала Вителлій шелъ спокойно по сухой землѣ или при мелкихъ приливахъ моря. Но вскорѣ подулъ сѣверный вѣтеръ, да еще въ равноденствіе, когда море поднимается всего выше; волны снесли, смыли войско, затопили сушу: море, берегъ, поля,—все слилось въ одну равнину, нельзя было отличить твердый грунтъ отъ невѣрнаго, глубокое мѣсто отъ мелкаго. Волны сносятъ солдатъ, они падаютъ въ ямы; скотъ, багажъ, мертвыя тѣла носятся по волнамъ. Манипулы перемѣшиваются, то по грудь, то по шею въ водѣ, и часто, потерявши дно, дробятся или тонутъ. Ни клики, ни ободрительныя слова не были въ помощь противъ напора волнъ: смѣлый и робкій, смѣтливый и глупый— равно гибли среди ярости водъ, разсчетъ и случай поравня-

лись. Наконецъ Вителлій добрался до болѣе возвышеннаго мѣста и вывелъ туда войско. Переночевали безъ пищи, безъ огня, большею частью нагіе, съ разбитыми членами, ничѣмъ не лучше окруженныхъ непріятелемъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, могутъ еще пасть съ честью, а ихъ ждала безславная гибель. День озарилъ землю; достигли рѣки Унсингиса (38), куда шелъ съ флотомъ и Цезарь; посадили на суда легіоны, о которыхъ разнесся уже слухъ, что они потонули, и спасенію ихъ повѣрили не прежде, какъ увидѣвъ Цезаря съ возвратившимся войскомъ.

71.

Стертиній, посланный впередъ для принятія въ подданство Сегимера, брата Сегеста, отвелъ его съ сыномъ въ городъ Убіевъ. Обоихъ ихъ простили, Сегимера тотчасъ же, сына не безъ затрудненія, потому что онъ наругался, говорятъ, надъ тѣломъ Квинтилія Вара. Галліи, Испаніи, Италія наперерывъ спѣшили пополнить ущербъ войска, предлагая, что кому было больше съ руки, оружіе, лошадей, золото. Германикъ похвалилъ ихъ за усердіе, взялъ только оружіе и лошадей и помогъ солдатамъ собственными деньгами. Желая ласками смягчить память о несчастіи, онъ обошелъ раненыхъ, хвалилъ подвиги каждаго; осматривая раны, онъ ободрялъ на новыя битвы и привязалъ къ себѣ кого надеждою, кого похвалами, всѣхъ внимательностью и ласковою рѣчью.

72.

Авлу Цецинѣ, Луцію Апронію и Каю Силію даны въ этотъ годъ тріумфальные знаки за подвиги съ Германикомъ.

---

(38) Мѣсто испорчено. Читали Visurgin, Vidrum и т. д.

Тиберій отказался отъ названія *отца отечества*, которое народъ навязывалъ ему не разъ, и не позволилъ присягать себѣ, вопреки мнѣнію сената.

— Смертный ни въ чемъ не можетъ быть увѣренъ, говорилъ онъ; чѣмъ выше, тѣмъ скользче.

Никто однакоже не повѣрилъ искренности такого смиреннаго образа мыслей: Тиберій возстановилъ законъ объ оскорбленіи величества. Названіе закона и въ старину было тоже, но приложеніе было не то; онъ осуждалъ за оскорбленіе величества римскаго народа,—за измѣну войску, возмущеніе черни, дурное управленіе республикой; казнили за дѣло, а не за слово. Августъ первый приказалъ преслѣдовать на основаніи этого закона пасквили, побужденный къ тому наглостью Кассія Севера, ославившаго оскорбительными сочиненіями знатныхъ мужей и женъ. Теперь и Тиберій на вопросъ претора Помпея Макра:

— Принимать ли жалобы на оскорбленіе величества?

Отвѣчалъ:

— Законъ долженъ быть исполняемъ.

Тиберія озлобили не извѣстно кѣмъ пущенные въ ходъ стихи на его жестокость, гордость и вѣчныя ссоры съ матерью (39).

73.

Не мѣшаетъ здѣсь разсказать, какъ взвели подобную вину на двухъ незначительныхъ всадниковъ, Фаланія и Рубрія; это покажетъ, какъ лукаво дѣйствовалъ Тиберій, какъ это страшное зло зачалось, какъ потомъ было задержано и наконецъ вспыхнуло снова и охватило собою все. Донос-

(39) Эти стихи у Светонія. Tib. 59.

чикъ обвинилъ Фаланія въ томъ, что онъ принялъ въ число почитателей Августа, образовавшихъ по домамъ родъ коллегій, какого-то Кассія, мима гнуснѣйшаго поведенія и что продалъ вмѣстѣ съ садами и статую Августа. Рубрія обвиняли, что онъ осквернилъ божественное имя Августа ложною клятвой. Въ отвѣтъ на это Тиберій написалъ консуламъ:

— Отецъ мой пріобщенъ къ богамъ не за тѣмъ, чтобы такая почесть обратилась на погибель гражданамъ. Кассій, также какъ и всѣ прочіе актеры, участвовалъ въ играхъ, посвященныхъ моею матерью памяти Августа. Статуя Августа, какъ и другія изображенія боговъ, можетъ быть продаваема вмѣстѣ съ садами и домами, безъ оскорбленія святыни. А что касается до клятвы, такъ это все равно, какъ если бы Рубрій обманулъ Юпитера: оскорбленное божество отомститъ само за себя.

74.

Вскорѣ послѣ того обвинили въ оскорбленіи величества претора Виѳиніи, Грапія Марцелла; доносъ былъ сдѣланъ его же квесторомъ, Цепіономъ Криспиномъ и подписанъ кромѣ того Романомъ Гиспономъ: Криспинъ вступалъ тогда на поприще, доставившее ему въ послѣдствіи, благодаря испорченности вѣка и людскому безстыдству, большую извѣстность. Бѣдный, ничтожный, безпокойный, вкрался онъ тайными доносами въ милость жестокаго правителя и сдѣлался ужасомъ вельможъ и людей замѣчательныхъ; сильный милостью одного, ненавидимый всѣми, онъ указалъ путь, по которому люди дѣлались изъ нищихъ богачами, изъ презираемыхъ страшными, губили другихъ, — и сами падали наконецъ жертвою своихъ дѣлъ. Онъ обвинилъ Марцелла въ дурныхъ будто бы отзывахъ на счетъ Тиберія: преступленіе непро-

стительное, потому что обвинитель выбралъ самыя гнусныя черты изъ нрава правителя и вложилъ ихъ въ уста обвиненнаго. Все это была правда, стало быть легко было повѣрить, что оно дѣйствительно было сказано. Гиспонъ прибавилъ къ этому, что статуя Марцелла поставлена выше статуй Цезарей и что съ другой статуи онъ снялъ голову Августа и наставилъ Тиберіеву. Это до такой степени взбѣсило Тиберія, что онъ забылъ свою молчаливость и воскликнулъ:

— Въ этомъ дѣлѣ и я, вмѣстѣ съ прочими открыто и клятвенно подамъ мое мнѣніе.

Онъ хотѣлъ этимъ принудить къ тому же другихъ. Не вовсе изчезли еще тогда слѣды умирающей свободы, и Кней Пизонъ спросилъ его:

— Который подашь ты голосъ, Цезарь? Если первый, такъ я знаю, съ чьимъ мнѣніемъ мнѣ согласиться; если послѣдній,—боюсь, какъ бы неумышленно не разойтись съ тобою.

Озадаченный и желая загладить неосторожную вспышку личиной терпимости, онъ позволилъ объявить Марцелла невиновнымъ въ оскорбленіи величества. О взяткахъ предоставлено разсудить рецинераторамъ.

75.

Тиберій не довольствовался засѣданіемъ въ сенатѣ: онъ присутствовалъ и при судопроизводствѣ, сидя въ углу трибунала, чтобы не согнать претора съ курульскихъ креселъ. Многое рѣшалось въ его присутствіи на перекоръ проискамъ и желаніямъ сильныхъ. Это поддерживало безпристрастіе, но за то исчезала свобода. Такъ между прочимъ сенаторъ Пій Аврелій обратился въ сенатъ съ просьбою о вознагражденіи за разрушеніе его дома по случаю постройки публичной дороги и водопровода. Преторы казначеи отказали, но Цезарь

вступился и заплатилъ Аврелію за домъ: онъ всегда готовъ былъ выдавать деньги съ честью, и это доброе качество долго пережило въ немъ всѣ остальныя. Когда бывшій преторъ Проперцій Целеръ просилъ исключить его изъ списка сенаторовъ по причинѣ бѣдности, онъ подарилъ ему милліонъ сестерцій, зная, что Целеръ наслѣдовалъ бѣдность отъ отца. Другимъ же, просившимъ того же, приказалъ объяснить передъ сенатомъ причины ихъ бѣдности. По врожденной строгости, онъ и добро оказывалъ съ какою-то суровостью. Многіе предпочли молчаніе и бѣдность признаніямъ и деньгамъ.

76.

Въ этомъ же году Тибръ, переполненный постоянными дождями, затопилъ низменную часть города и, отступая потомъ, увлекъ за собою дома и людей. Азиній Галлъ предложилъ по этому случаю посовѣтоваться съ Сибиллинскими книгами; но Тиберій, все облекая тайною, и человѣческое и божественное, не согласился, а просто Атею Капитону и Луцію Аррунцію поручили позаботиться объ удержаніи рѣки въ границахъ.

Ахаія и Македонія просили облегченія участи: ихъ положили избавить покамѣстъ отъ управленія проконсуловъ и передать Цезарю.

Друзъ предсѣдательствовалъ на гладіаторскихъ играхъ, данныхъ имъ отъ имени брата, Германика, и своего; онъ упивался кровавымъ зрѣлищемъ, хотя кровь эта была нечистая. Народу это не понравилось, и отецъ, говоритъ, сдѣлалъ ему выговоръ. А почему онъ самъ не являлся на зрѣлища, объ этомъ толковали различно. Говорили, что онъ нелюдимъ, что не любитъ сходбищъ, что боится сравненія съ Августомъ, такъ радушно принимавшимъ участіе въ на-

родныхъ играхъ. Утверждали даже, — но врядъ ли справедливо,—что онъ хотѣлъ только дать сыну случай выказать свою кровожадность и возбудить противъ него негодованіе народа.

77.

Безчинства во время театральныхъ представленій, начавшіяся еще въ прошедшемъ году, усилились: были убиты не только зрители изъ народа, но даже солдаты и центуріонъ и раненъ трибунъ преторіанской когорты, когда они хотѣли остановить бранныя выходки противъ начальства и ссору между народомъ. Это дѣло дошло до сената, и сенаторы положили было дать преторамъ право наказывать актеровъ розгами. Но тутъ вступился народный трибунъ Гатерій Агриппа и вызвалъ на жаркое возраженіе Азинія Галла. Тиберій молчалъ, давая сенату разыгрывать пародію свободы. Мнѣніе Гатерія одержало верхъ, потому что божественный Августъ сказалъ когда-то, что актеры не подлежатъ тѣлесному наказанію, а Тиберій считалъ непозволительнымъ нарушать его слова. На счетъ ихъ оклада и въ отвращеніе безпутства ихъ покровителей сдѣлано много постановленій. Вотъ важнѣйшія: сенатору не позволяется входить въ жилище пантомима; всадники не должны окружать ихъ при появленіи въ публику; актеры могутъ являться только въ театрѣ, преторамъ предоставляется право изгнанія нескромныхъ зрителей.

78.

Испанцамъ позволено, согласно съ ихъ прошеніемъ, построить въ Тарраконской колоніи храмъ Августу,—чѣмъ и подан примѣръ другимъ провинціямъ.

На просьбу народа объ отмѣненіи одного процента, наложеннаго послѣ гражданскихъ войнъ на товары, Тиберій отвѣчалъ,

— Что этимъ держится военная казна и что бремя издержекъ будетъ не по силамъ республикѣ, если солдаты не будутъ служить по двадцати лѣтъ.

Такимъ образомъ шестнадцатилѣтній срокъ, плодъ недавняго возстанія, отмѣненъ на будущее время.

79.

Потомъ разсуждали въ сенатѣ о предложеніи Аррунція и Атея, отвести, для уменьшенія разливовъ Тибра, питающія его рѣки и озера. Выслушали присланныхъ отъ муниципій и колоній: Флорентинцы просили не отводить Кланиса изъ обычнаго его русла въ Арнъ, что было бы для нихъ пагубно; согласно съ ними говорили Интерамнаты, что погибнутъ плодоноснѣйшія поля Италіи, если Наръ будетъ, какъ предполагалось, раздѣленъ на ручьи; не промолчали и Реатинцы, возставая противъ постройки плотины на Велинскомъ озерѣ въ мѣстѣ истока его въ Наръ, что потопило бы всѣ окрестности.

— Природа, говорили они, давшая рѣкамъ русла и устья, указавшая имъ истокъ и паденіе, позаботилась объ участи смертныхъ; кромѣ того должно уважить религіозныя вѣрованія союзниковъ, посвятившихъ роднымъ рѣкамъ священныя празднества, рощи и алтари. Да и самъ Тибръ, лишенный всѣхъ сосѣднихъ рѣкъ, не захочетъ течь съ меньшимъ величіемъ.

Просьбы ли колоній подѣйствовали, трудность ли предпріятія, или суевѣріе, — только согласились съ мнѣніемъ Пизона, оставить все по прежнему.

80.

Поппею Сабину продлили срокъ управленія Мезіей и присоединили еще къ ней Ахаію и Македонію: Въ духѣ Тиберія было предоставлять власть на долгое время, удерживать большую часть служащихъ до конца жизни при одной и той же арміи или въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ. Изъясняютъ это различно. Одни думаютъ, что онъ не измѣнялъ однажды принятаго рѣшенія изъ лѣности, избѣгая новыхъ заботъ; другіе—изъ зависти, чтобы досталось попользоваться немногимъ; третьи видятъ въ немъ при лукавомъ умѣ шаткость сужденія: онъ не цѣнилъ заслугъ, а пороки все-таки ненавидѣлъ; люди даровитые возбуждали въ немъ страхъ за себя самого, негодные за честь республики, и дошелъ онъ наконецъ въ этой нерѣшимости до того, что поручалъ управленіе провинціями такимъ людямъ, которымъ съ намѣреніемъ запрещалъ покидать Римъ.

81.

Тутъ въ первый разъ происходило при Тиберіи избраніе консуловъ: но я не смѣю сказать ничего положительнаго ни объ этомъ избраніи, ни о всѣхъ слѣдующихъ; столько противорѣчій не только въ писателяхъ, но и въ рѣчахъ самого Тиберія. Иногда, умалчивая имена кандидатовъ, онъ описывалъ ихъ происхожденіе, жизнь, военную службу, такъ что и безъ того было ясно, кого онъ разумѣетъ. Иногда, опуская и эти намеки, просилъ кандидатовъ не тревожить выборовъ происками и обѣщалъ позаботиться самъ; большею же частію объявлялъ, что ему представлялись только тѣ, имена которыхъ онъ сообщилъ кон-

сулам, но что и другіе могутъ сказаться, если надѣятся на благоволеніе или заслуги. Слова прекрасныя, — но пустыя или лукавыя. Чѣмъ больше облекались они личиною свободы, тѣмъ унизительнѣйшимъ грозили рабствомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ осн. Рима 769—772 года. По Р. Х. 16—19 года.

769.—16.

1.

Въ Консульство Сизенны Статилія Тавра и Луція Либона зашевелились царства и римскія провинціи на востокѣ. Движеніе началось у Пароянъ, которые, выпросивши себѣ у Римлянъ царя, презирали его какъ чужеземца, хотя онъ былъ изъ рода Арзацидовъ. То былъ Вононъ, данный Фраатомъ въ заложники Августу. Фраатъ, хотя и отразилъ римскія войска (40) и полководцевъ, но изъявилъ Августу всѣ знаки глубокаго уваженія (41) и послалъ ему въ залогъ дружбы нѣсколькихъ дѣтей своихъ и внуковъ, не столько изъ страха передъ нами, сколько изъ недовѣрчивости къ своимъ подданнымъ.

2.

По кончинѣ Фраата и наслѣдовавшихъ ему царей (42), для прекращенія междоусобной рѣзни явились въ Римъ послы

(40) Антонія и Легата его Оппія Статіана.

(41) Онъ возвратилъ Августу отнятые у Красса и Антонія значки.

(42) Фраатака и Орода, убитыхъ возмутившимися Пароянами.

отъ знатнѣйшихъ Пароянъ, звать на царство самаго старшаго сына его Вонона (43). Цезарь (44) вмѣнилъ себѣ это въ особенную честь и осыпалъ его дарами. Варвары встрѣтили его съ радостью, какъ всегда водится встрѣчать новаго властителя. Но скоро стало имъ стыдно:

— Выродились Парояне, вымолили себѣ изъ другой части свѣта царя, зараженнаго духомъ враговъ; престолъ Арзацидовъ считается уже въ числѣ римскихъ провинцій, назначается въ подарокъ. Гдѣ же слава истребившихъ Красса, обратившихъ въ бѣгство Антонія, если невольникъ Цезаря, столько лѣтъ терпѣвшій рабство, повелѣваетъ Пароянами?

Онъ и самъ раздражалъ недовольныхъ, отступая отъ обычаевъ предковъ: охотился рѣдко, съ лошадьми не возился, по городамъ являлся въ носилкахъ, презиралъ свой Пароянскій столъ. Смѣялись и надъ греческою свитой его, и надъ обыкновеніемъ хранить за печатью все, до ничтожнѣйшихъ вещицъ. А свобода доступа, предупредительная ласковость,— достоинства незнакомыя Пароянамъ,—казались имъ новыми пороками; хорошее и дурное было имъ равно ненавистно, какъ чуждое ихъ нравамъ.

3.

Парояне призываютъ Артабана (45), изъ рода Арзацидовъ, взросшаго у Даговъ (46); разбитый въ первомъ сра-

---

(43) Страбонъ, пересчитывая дѣтей Фраата, ставитъ Вонона четвертымъ: Сераспаданъ, Родосиъ, Фраатъ и Вононъ, вѣроятно, считая ихъ не по старшинству, потому что послѣ (кн. 6 гл. 31) Парояне просятъ у Римлянъ Фраата.

(44) Августъ.

(45) Артабанъ II, родоначальникъ второй линіи Арзацидовъ по женскому колѣну.

(46) Даги Скиоскій народъ, давшій имя Дагестану.

женіи, онъ собирается съ новыми силами и овладѣваетъ царствомъ; побѣжденный Вононъ находитъ убѣжище въ Арменіи, лишенной правителя и колеблющейся между властью Парѳянъ и Римлянъ, благодаря злодѣйству Антонія (47), который подъ видомъ дружбы заманилъ къ себѣ Армянскаго царя Артавасда, потомъ заковалъ его въ цѣпи, и наконецъ умертвилъ. Сынъ его Артаксій, ненавидя насъ за участь отца, оградилъ себя и царство свое силою Арзацидовъ. Когда онъ палъ отъ руки родственниковъ, Цезарь далъ въ цари Армянцамъ Тиграна, котораго возвелъ на престолъ Тиберій Неронъ. Но ни Тигранъ, ни дѣти его не царствовали долго, не смотря на то, что скрѣпили владычество свое, по тамошнему обычаю, узами брака. Потомъ посаженъ былъ на царство, по повелѣнію Августа, Артавасдъ, но сверженъ не безъ урона съ нашей стороны.

4.

Тогда избрали для приведенія въ порядокъ дѣлъ Арменіи Кая Цезаря. Онъ вручилъ власть надъ Арменіей Аріобарзану, родомъ Мидянину, котораго Армянцы приняли

(47) Артавасдъ II, противъ обѣщанія, не подалъ помощи легату Антонію Оппію Статіану. Антоній скрылъ свой гнѣвъ, продолжалъ осыпать Артавасда лестью и наконецъ пригласилъ къ себѣ въ Египетъ. Подозрѣвая нехорошее, Артавасдъ не поѣхалъ. Антоній, чтобъ уничтожить всѣ эти подозрѣнія, просваталъ сына своего Александра за дочь Артавасда и наконецъ таки заманилъ его въ Никополисъ, надѣлъ на него серебряныя цѣпи, потомъ заставилъ его идти въ своемъ тріумфѣ въ Александріи съ золотыми цѣпями и уже гораздо позже убилъ. Артаксій наслѣдовалъ отцу, былъ разбитъ Римлянами, при чемъ часть Арменіи досталась Медійскому царю Артабазу, а малая Арменія—Понтійскому царю Полемону; но послѣ онъ снова овладѣлъ Армянскимъ престоломъ.

охотно за его душевную и тѣлесную красоту; но послѣ нечаянной кончины его не захотѣли подчиниться его роду, попробовали было вручить власть женщинѣ, по имени Эрато, но вскорѣ изгнали ее и въ нерѣшимости и разстройствѣ, среди безначалія скорѣе, нежели свободы, приняли въ цари бѣжавшаго къ нимъ Вонона. Но такъ какъ Арменія была ему плохою защитой отъ угрожавшаго Артабана, а мы не могли поддержать его безъ того, чтобы въ войну не вмѣшались Пареяне, то правитель Сиріи Кретикъ Силанъ выманилъ его къ себѣ и окружилъ стражею, оставивши впрочемъ при немъ великолѣпіе и титулъ царя. Какъ Вононъ хотѣлъ уйти отъ этой комедіи, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

5.

Тиберію этѣ смуты на востокѣ пришлись по душѣ: онѣ давали ему поводъ удалить Германика отъ свыкшихся съ нимъ легіоновъ и, поставивши его надъ новыми провинціями, предать
 козням и случайностямъ войны. Но чѣмъ сильнѣе была къ Германику привязанность легіоновъ и нелюбовь дяди, тѣмъ рѣшительнѣе старался онъ ускорить побѣду. Онъ пробѣгалъ мыслью удачи и неудачи трехлѣтней войны, обсуживая исходы битвъ:

— Въ открытомъ полѣ, въ правильныхъ сраженіяхъ Германцы всегда бывали разбиты; имъ благопріятствуютъ лѣса, болота, короткое лѣто и ранняя зима, а римское войско ослабѣваетъ не столько отъ ранъ, сколько отъ долгихъ переходовъ и потери оружія, Галлія истощена поставкою лошадей и длинные обозы удобны для засадъ и мѣшаютъ защищаться; но, отправившись моремъ, можно овладѣть землею быстро и невзначай. Походъ начнется раньше; легіоны и багажъ не будутъ разлучены, всадники и лошади съ свѣжими

силами проникнутъ сквозь устья и русла рѣкъ до самаго сердца Германіи.

6.

Согласно съ этимъ онъ и распорядился. Публій Вителлій и Кай Анцій посланы въ Галлію для ценза, а Силію, Антею и Цецинѣ поручено заняться постройкою флота. Разочли, что тысячи судовъ будетъ достаточно, и быстро изготовили ихъ: въ томъ числѣ одни короткія, съ узкою кормою и носомъ и съ широкою срединою, дабы они тѣмъ легче могли противиться волнамъ, другія съ плоскимъ дномъ безъ вреда садящіяся на мель; многія снабжены были рулями на обоихъ концахъ, дабы можно было всюду причаливать, перемѣнивши только движеніе веселъ; многіе наконецъ съ палубами для перевозки метательныхъ машинъ (tormenta), удобныя также для помѣщенія лошадей или багажа. Всѣ эти суда были легки на ходу, подъ парусами и на веслахъ; бодрость и веселость солдатъ увеличивала красоту флота и придавала ему грозный видъ. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ Батавскій островъ, удобный для причала, для перевода войскъ на корабли и для перенесенія ихъ на театръ войны. Рейнъ, текущій однимъ русломъ, или обѣгающій небольшія острова, раздѣляется у земли Батавовъ на два рукава: къ сторонѣ Германіи онъ сохраняетъ имя и быстроту до самаго впаденія въ Океанъ; но мимо Галліи течетъ онъ шире и тише; прибрежные жители называютъ его тутъ Вагаломъ, но немного дальше онъ снова измѣняетъ это названіе и втекаетъ въ Океанъ широкимъ устьемъ, подъ именемъ Мозы.

7.

Пока собираются корабли, Цезарь приказываетъ легату Силію сдѣлать съ легкимъ отрядомъ набѣгъ въ землю Кат-

товъ, а самъ, услышавши объ осадѣ крѣпостцы на рѣкѣ Луппіи, повелъ туда шесть легіоновъ. Но внезапные дожди позволили Силію только захватить небольшую добычу и похитить жену и дочь Арпа, начальника Каттовъ, и Цезарю не удалось сразиться съ осаждающими, разбѣжавшимися при его приближеніи. Впрочемъ они разметали курганъ, недавно воздвигнутый въ память легіонамъ Вара, и старый алтарь, воздвигнутый Друзу. Цезарь возстановилъ алтарь и въ честь отца обошелъ его, лично предшествуя легіонамъ, въ торжественной процессіи. Возобновить курганъ онъ не заблагоразсудилъ, а укрѣпилъ все пространство между крѣпостью, Ализономъ и Рейномъ новыми валами и плотинами.

8.

Между тѣмъ флотъ прибылъ на мѣсто и Цезарь, пославши впередъ багажъ, и раздѣлявши суда между легіонами и союзниками, вошелъ въ Друзовъ каналъ, моля отца Друза, да вдохновитъ онъ его на смѣлое предпріятіе примѣромъ и воспоминаніемъ его мыслей и дѣлъ. Благополучно прибылъ флотъ черезъ озера и океанъ къ рѣкѣ Амизіи. Онъ былъ оставленъ у лѣваго берега устья этой рѣки: — Германикъ сдѣлалъ ошибку, что не повелъ его дальше вверхъ по теченію, а высадилъ войско, которому слѣдовало перейти на правый берегъ; чрезъ это много дней ушло на постройку мостовъ. Конница и легіоны смѣло перешли чрезъ низменности моря, не залитыя еще приливомъ; но союзники, шедшіе въ арріергардѣ, и въ томъ числѣ Батавы, вздумавшіе шутить съ водою и пощеголять искусствомъ плаванія, были смыты и нѣкоторые потонули. Цезаря, занятаго устройствомъ лагеря, извѣстили объ измѣнѣ Ангриваріевъ въ тылу; Стертиній, посланный туда съ конницей и

легкимъ войскомъ, отомстилъ за измѣну огнемъ и мечемъ.

9.

Римлянъ и Херусковъ раздѣляла рѣка Визургисъ. На берегу явился Арминій съ другими начальниками и спросилъ:

— Не Цезарь ли пришелъ?

Ему отвѣчали:

— Цезарь.

И онъ попросилъ позволенія переговорить съ братомъ. Братъ его, по прозванію Флавій, служилъ въ римскомъ войскѣ, отличался преданностью къ Римлянамъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, служа подъ начальствомъ Тиберія, лишился глаза вслѣдствіе раны. Свиданіе было дозволено; Арминій, поздоровавшись съ братомъ, удалилъ своихъ спутниковъ и потребовалъ, чтобы и съ нашего берега удалены были стрѣлки. Когда требованіе его было исполнено, онъ спросилъ брата:

— Чтò за увѣчье у него на лицѣ?

И на разсказъ брата о бывшей битвѣ возразилъ:

— А что ты получилъ за это въ награду?

Флавій началъ высчитывать прибавку жалованья, ожерелья, вѣнецъ и другія военныя награды; Арминій смѣялся, называя все это рабскими подачками.

10.

Съ этого началось у нихъ разногласіе. Флавій выставлялъ могущество Римлянъ, власть Цезаря, тяжкое наказаніе, ожидающее побѣжденныхъ, милость, ожидающую Арминія съ

женою и сыномъ, если онъ покорится. Арминій говорилъ о святынѣ отечества, о свободѣ, наслѣдованной отъ предковъ, о богахъ родимой Германіи, о томъ, что вмѣстѣ съ нимъ и мать проситъ его быть лучше повелителемъ, нежели отступникомъ и предателемъ родныхъ и цѣлаго народа. Слово за слово, дошло до оскорбленій и, не смотря на раздѣлявшую ихъ рѣку, братья вступили бы въ поединокъ, если бы подоспѣвшій Стертиній не остановилъ Флавія, требовавшаго уже коня и оружіе. Арминій съ другаго берега грозилъ битвою, вмѣшивая въ рѣчи свои много латинскихъ фразъ, съ которыми ознакомился, предводительствуя въ римскомъ лагерѣ соотечественниками.

11.

На другой день германское войско выстроилось по ту сторону Визургиса. Цезарь, разсудивши, что не пристало полководцу подвергать легіоны опасности, не устроивши мостовъ и не разставивши пикетовъ, посылаетъ конницу въ бродъ черезъ рѣку; она переправилась подъ предводительствомъ Стертинія и примипиларія Эмилія въ разныхъ мѣстахъ, съ цѣлью развлечь непріятеля. Каріовальда, начальникъ Батавовъ, пробился сквозь самую быстрину. Херуски заманили его притворнымъ бѣгствомъ въ равнину, окруженную горнымъ лѣсомъ и потомъ, ринувшись со всѣхъ сторонъ къ одному центру, сбили отстаивавшихъ свою позицію, бросились за бѣгущими и сломили строй, частью схватившись съ нимъ въ рукопашную, частью сражаясь издали. Каріовальда, долго терпѣвши яростный натискъ, уговорилъ своихъ сдвинуться плотнѣе и пробиться сквозь набѣгающія массы непріятеля; самъ онъ, бросившись въ самую давку, палъ съ убитой лошади среди тучи оружія; вокругъ него

легло много знатныхъ. Другихъ спасла или собственная сила, или подоспѣвшая конница Стертинія и Эмилія.

12.

Цезарь, переправившись черезъ Визургисъ, узналъ отъ переметчика, что Арминій избралъ уже мѣсто битвы и что въ лѣсу, посвященномъ Геркулесу, сошлись и другія племена, съ цѣлью напасть ночью на лагерь. Словамъ его повѣрили; вдали виднѣлись огни, и лазутчики, подходившіе ближе, донесли, что слышно ржаніе коней и говоръ огромнаго и нестройнаго войска. Рѣшительная минута была близка и Цезарь началъ обдумывать, какъ бы повѣрнѣе узнать духъ войска.

— Трибуны и центуріоны доносятъ чаще пріятное, нежели дѣйствительное; вольноотпущенные подличаютъ, друзья любятъ льстить; на общей сходкѣ масса съ шумомъ поддержитъ сказанное немногими. Узнать расположеніе умовъ солдатъ можно вполнѣ только за трапезой, когда они наединѣ, никѣмъ не наблюдаемые, высказываютъ страхъ и надежду.

13.

Ночью, взявъ съ собою одного проводника и набросивши на шею звѣриную шкуру, вышелъ онъ чрезъ авгуралъ и отправился тайными, неизвѣстными стражѣ переходами по улицамъ лагеря. Подходя къ палаткамъ, онъ прислушивался, что̀ говорятъ солдаты — и съ удовольствіемъ слышалъ похвалы себѣ: одни превозносили его благородство, другіе красоту, большая часть хвалила его терпѣніе и обходительность, расположеніе духа, одинаковое въ дѣлахъ, какъ въ удовольствіяхъ.

— Мы отблагодаримъ его въ дѣлѣ, говорили они; мы принесемъ, въ жертву его мщенію и славѣ, вѣроломныхъ нарушителей мира!

Въ это время одинъ изъ непріятелей, умѣвшій говорить по-латыни, подъѣзжаетъ къ валу и громкимъ голосомъ обѣщаетъ отъ имени Арминія всякому, кто хочетъ предаться на ихъ сторону, жену, землю, и по сту сестерцій въ день на все время войны. Это оскорбленіе воспламеняетъ гнѣвъ солдатъ.

— Настанетъ день, дадимъ сраженіе, возмемъ германскія поля, похитимъ женъ,—и предсказаніе исполнится. Жены и деньги непріятеля предназначены намъ въ добычу.

Около третьей смѣны часовыхъ, непріятель подошелъ было къ лагерю съ оскорбленіями, но видя, что солдаты по мѣстамъ и ничего не упущено для охраненія, удалился, не пустивъ ни стрѣлы.

14.

Въ эту же ночь Германику привидѣлся радостный сонъ: будто бы онъ приносилъ жертвы, и, запятнавъ священною кровью свою претексту, получилъ другую, лучше первой, изъ рукъ своей бабки Августы. Сонъ этотъ ободрилъ его, ауспиціи благопріятствовали — и онъ рѣшился созвать солдатъ и объяснить имъ свои предусмотрительныя распоряженія предъ неминуемой битвой.

— Не одни открытыя поля годны римскому солдату для битвы, лѣсами и рощами надо только умѣть пользоваться. Между древесными стволами и молодыми побѣгами непріятельскіе огромные щиты и длинныя пики не могутъ тягаться съ римскими дротиками, мечами и бронею, плотно облегающею тѣло. Нужно почаще ударять и мѣтить въ лице. У

Германцевъ нѣтъ ни каски, ни панцыря, щиты ихъ не обиты ни желѣзомъ, ни кожею, они тонко сплетены изъ лозъ и покрыты обманчивыми изображеніями. Только у перваго ряда есть копья, у остальныхъ же короткія закаленныя стрѣлы. Ихъ тѣло, страшное на видъ, выдерживаетъ только первый натискъ, но вовсе не терпитъ ранъ: они обращаютъ тылъ и бѣгутъ, не стыдясь безчестія, не заботясь о полководцѣ, столько же трусливые въ несчастіи, сколько не признавая ни божескихъ, ни человѣческихъ правъ въ случаѣ удачи. Эта битва готовитъ вамъ покой, котораго вы, вѣроятно, желаете, послѣ непріятностей похода на сушѣ и на морѣ. Эльба теперь ближе, нежели Рейнъ, и за нею нѣтъ войны: дайте мнѣ только побѣду, какъ вы дали уже здѣсь моему отцу и дядѣ, по слѣдамъ которыхъ я иду.

Рѣчь вождя воодушевила солдатъ, — и поданъ знакъ къ битвѣ.

15.

Арминій и другіе начальники Германцевъ съ своей стороны не забыли ничего для одушевленія воиновъ.

— Эти Римляне бѣжали изъ Варова войска; чтобы избавиться отъ войны, они затѣяли возмущеніе. Часть ихъ покрыта ранами съ тыла, часть изувѣчена борьбою съ волнами и бурями, всѣ они ненавистны богамъ, потеряли всякую надежду и покажутъ неумолимому непріятелю раненые члены. Есть у нихъ, правда, флотъ и неприступный океанъ, чтобы никто не могъ напасть на нихъ при первомъ появленіи, ни преслѣдовать на обратномъ пути: но въ случаѣ битвы плохая помощь побѣжденнымъ въ веслахъ и парусахъ! Вы знаете ихъ скупость, жестокость и гордость? Вамъ остается лишь сохранить независимость — или пасть до рабства.

16.

Воодушевленные этими рѣчами воины требуютъ битвы и ихъ выводятъ въ поле по имени Идиставизово. Это поле, лежащее между Визургисомъ и холмами, извивается разнообразно, смотря по тому, отступаютъ ли берега рѣки или выдаются впередъ верхушки холмовъ. За холмами возвышался лѣсъ съ вѣтвистыми верхушками, представлявшій внизу только голые стволы деревъ. Строй Германцевъ занялъ поле и опушку лѣса; только Херуски стали на высотахъ, съ тѣмъ, чтобы въ пылу битвы ринуться оттуда на Римлянъ. Наше войско пошло въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди галльскія и германскія вспомогательныя войска, за ними пѣхотные стрѣлки, потомъ четыре легіона и самъ Цезарь съ двумя преторіанскими когортами и съ избранною конницей. Далѣе шли столько же остальныхъ легіоновъ, легко вооруженное войско и конные стрѣлки съ остальными когортами союзниковъ. Солдаты были расположены и приготовлены такъ, чтобы начать бой въ строевомъ порядкѣ марша.

17.

Германикъ, замѣтивъ, что толпы Херусковъ въ воинственномъ пылу слишкомъ выдвинулись впередъ, приказываетъ лучшей своей конницѣ напасть на нихъ съ фланга, а Стертинію съ прочими эскадронами (turmis) обойти и ударить имъ въ тылъ, обѣщая личную помощь въ случаѣ нужды. Въ это время увидѣлъ онъ самое благопріятное предзнаменованіе: восемь орловъ пролетѣли къ лѣсу и скрылись въ немъ.

— Впередъ! воскликнулъ онъ, за римскими орлами! За богами, покровителями легіоновъ!

Пѣхота тронулась; конница, посланная впередъ, уже напала на врага съ фланговъ и съ тыла и, странно сказать,—два непріятельскіе отряда бросились бѣжать въ противуположныя стороны: тотъ, который охранялъ лѣсъ, пустился въ поле, а стоявшій въ полѣ двинулся въ лѣсъ. Херуски, бывшіе между ними, были прогнаны съ холмовъ. Среди нихъ видѣнъ былъ Арминій; онъ старался поддержать битву жестами, голосомъ и раною; онъ бросился на стрѣлковъ и разорвалъ бы ихъ строй, если бы не подоспѣли на помощь когорты Ретовъ, Винделиковъ и Галловъ. Самъ онъ однакожъ успѣлъ спастись, благодаря своей тѣлесной силѣ и быстротѣ лошади, и вымазавъ лице своею кровью, чтобы его не узнали. Говорятъ, что Хавки, бывшіе въ числѣ римскихъ вспомогательныхъ войскъ, узнали его, но пропустили. Такая же храбрость или хитрость спасла Ингвіомера. Прочіе были безпощадно вырѣзаны; большая часть, пытаясь переплыть Визургисъ, пала подъ ударами копій, унесена силою теченія, задавлена толпою бѣгущихъ и обрывами береговъ. Нѣкоторые въ постыдномъ бѣгствѣ взобрались на верхушки деревъ, укрылись за вѣтвями и сдѣлались цѣлью для забавлявшихся стрѣлковъ; нѣкоторыхъ раздавили срубленныя деревья. Побѣда была огромна и стоила намъ не дорого.

18.

Рѣзня продолжалась отъ пятаго часу дня до самой ночи; непріятельскіе трупы и оружія разбросаны были на протяженіи десяти тысячь шаговъ. Враги до того были увѣрены въ побѣдѣ, что между прочей добычей найдены были цѣпи, приготовленныя ими для Римлянъ. Солдаты на мѣстѣ сраженія поздравили Тиберія императоромъ и возвели холмъ, на которомъ устроили трофей изъ непріятельскаго оружія, украсивъ его именами побѣжденныхъ народовъ.

19.

Ни раны, ни раззореніе, ни скорбь о падшихъ не могли возбудить въ Германцахъ такой ненависти и отчаянія, какъ возбудилъ этотъ трофей. Только что хотѣли они покинуть отчизну, готовились переправиться за Эльбу, — и вдругъ жаждутъ битвы, берутся за оружіе; и чернь и знатные, и юноши и старцы внезапно нападаютъ на римскій строй и расторгаютъ его. Наконецъ, избираютъ они мѣсто битвы: болотистую и тѣсную низменность, со всѣхъ сторонъ огражденную лѣсомъ и рѣкою. Весь лѣсъ окруженъ былъ глубокимъ болотомъ, кромѣ того мѣста, гдѣ Ангриваріи вывели широкую плотину противъ набѣговъ Херусковъ: на этой плотинѣ стала пѣхота, конница скрылась въ ближнихъ лѣсахъ, чтобы напасть съ тыла на наши легіоны, когда они войдутъ въ лѣсъ.

20.

Цезарь зналъ обо всемъ. Намѣренія непріятелей, ихъ позиція, ихъ явные и тайные виды,—все было ему извѣстно, и хитрость враговъ обратилась имъ самимъ на пагубу. Онъ поручаетъ легату Сею Туберону конницу и поле; пѣхоту строитъ такъ, чтобы часть ея вошла по ровному мѣсту въ лѣсъ, а другая напала на плотину: эту трудную часть предпріятія взялъ онъ на себя, остальное все поручилъ легатамъ. Кому досталась равнина, тѣмъ не трудно было прорваться; но на тѣхъ, которымъ пришлось брать плотину, сыпались сверху копья и стрѣлы, какъ съ крѣпостной стѣны. Германикъ сообразилъ, что битва неравносильна на близкомъ разстояніи и, отодвинувъ немного легіоны, приказалъ

пращникамъ (funditores libratoresque) метать оружіе и прогнать непріятеля: посыпались изъ машинъ (tormentis) метательныя пики, нанося непріятелю тѣмъ болѣе ранъ, что онъ стоялъ на виду. Цезарь съ преторіанскими когортами, овладѣвъ валомъ, началъ натискъ въ лѣсу; завязался рукопашный бой; въ тылу у непріятеля находилось болото, у Римлянъ рѣка и горы, отступать было не куда ни тѣмъ, ни другимъ: — оставалась одна надежда — на храбрость, одно спасеніе—въ побѣдѣ.

21.

Германцы были также храбры, но на сторонѣ Римлянъ былъ характеръ битвы и превосходство оружія. Германцевъ было слишкомъ много для такого тѣснаго мѣста, они не могли свободно управлять своими длинными пиками, не могли пользоваться гибкостью тѣла, производить быстрыя движенія и должны были сражаться на одномъ мѣстѣ. Напротивъ того, римскій солдатъ, прижавъ щитъ къ груди своей, съ мечемъ въ рукѣ, легко пронзалъ колоссальныя туловища и открытыя лица противниковъ и прокладывалъ себѣ путь по трупамъ ихъ. Арминій уже утомился постояннымъ пораженіемъ, а можетъ быть и недавно полученная рана заставила его покинуть битву. За то Ингвіомеръ, перебѣгая по всему строю, былъ оставленъ счастіемъ, но не храбростью. Германикъ снялъ шлемъ, чтобы легче быть узнаннымъ, и просилъ:

— Не прекращать рѣзни, не щадить плѣнныхъ! Война можетъ окончиться только истребленіемъ всей націи.

Лишь вечеромъ вывелъ онъ изъ дѣла одинъ легіонъ, чтобы построить лагерь; остальные до самой ночи упивались кровью враговъ. Конница не одержала перевѣса надъ непріятельскою.

22.

Похваливъ солдатъ за побѣду, Цезарь воздвигнулъ изъ оружій памятникъ съ надписью:

«Побѣдивъ народы, живущіе между Рейномъ и Эльбою, «войско Тиберія Цезаря посвятило сей монументъ Марсу, «Юпитеру и Августу».

О себѣ онъ не упомянулъ ни слова, или боясь зависти, или довольствуясь сознаніемъ своихъ подвиговъ. Послѣ этого онъ хотѣлъ уже посылать Стертинія на Ангриваріевъ, но они поспѣшили покориться и своими мольбами и безусловною покорностью выпросили всепрощеніе.

23.

Но лѣто приближалось къ концу и Цезарь отправилъ часть легіоновъ сухимъ путемъ на зимнія квартиры, а большую часть самъ посадилъ на флотъ и рѣкою Амизіей вывелъ въ море. Сначала спокойныя воды шумѣли только подъ ударами веселъ множества кораблей или разсѣкаемыя парусными судами; но вскорѣ небо затмилось, пошелъ градъ, взрывы вѣтра со всѣхъ сторонъ подняли страшныя волны, заслонившія даль, и невозможно стало править кораблями. Солдаты, въ страхѣ, незнакомые съ случайностями моря, мѣшаютъ матросамъ, подаютъ имъ помощь не во время и препятствуютъ знающимъ людямъ распоряжаться. Вскорѣ небо и землю объялъ южной вѣтеръ; возвышенность германской земли, глубина рѣкъ, необъятная масса облаковъ, придавали ему силу, а холодъ сосѣднихъ сѣверныхъ странъ дѣлалъ его еще неистовѣе; корабли были увлечены и разметаны по открытому океану, по скалистымъ островамъ, по

скрытнымъ подводнымъ камнямъ. Сначала еще можно было кое-какъ избѣгать этихъ опасностей, но когда сдѣлался отливъ, и море стало относить корабли въ одну сторону съ вѣтромъ, — якори не могли ихъ больше сдерживать, и не было средствъ выкачивать наполнявшую ихъ воду. Стали бросать въ море лошадей, рабочій скотъ, багажъ и даже оружіе, для облегченія кораблей, получившихъ течь съ боковъ и все болѣе и болѣе погружавшихся въ воду.

24.

Ярость Океана страшнѣе всѣхъ другихъ морей, климатъ Германіи суровѣе всѣхъ другихъ странъ,—и эта буря, среди непріязненныхъ береговъ или такъ далеко отъ нихъ и на такой глубинѣ, что море казалось безпредѣльнымъ, превосходила всѣ другія бури своими страшными размѣрами и новизной. Часть кораблей потонула, большее число было выброшено на дальніе острова, солдаты на этихъ необитаемыхъ островахъ умирали съ голода или поддерживали жизнь трупами лошадей, выброшенными туда же бурею. Только трирема Германика пристала къ берегамъ Хавковъ; тамъ днемъ и ночью блуждалъ онъ по скаламъ и мысамъ, обвиняя себя въ этомъ страшномъ бѣдствіи, и друзья едва могли отклонить его отъ намѣренія броситься въ это море. Наконецъ начался приливъ, насталъ попутный вѣтеръ, и поврежденные корабли возвратились, иные безъ веселъ, съ натянутыми вмѣсто парусовъ платьями, другіе—влекомые потерпѣвшими менѣе вреда. Германикъ, исправивъ ихъ какъ можно скорѣе, послалъ по островамъ: большая часть солдатъ были отысканы; многихъ выкупили и возвратили намъ недавно покорившіеся Ангриваріи; нѣкоторыхъ, попавшихъ въ Британнію, прислали назадъ тамошніе царьки. Возвратившись изъ дальнихъ странъ,

каждый разсказывалъ чудеса о силѣ вихря, о неслыханныхъ птицахъ, о морскихъ чудовищахъ, о получеловѣкахъ и полузвѣряхъ,—была и правда, было и порожденіе страха.

25.

Вѣсть о потерѣ флота пробудила въ Германцахъ воинственный духъ, а Цезарь сталъ упорнѣе прежняго. Онъ повелѣваетъ Каю Силію съ 30,000 пѣхоты и 3,000 конницы идти на Каттовъ, самъ съ большею частью войскъ вторгается къ Марсамъ. Недавно покорившійся намъ начальникъ ихъ, Маловендъ, доноситъ Германику, что въ сосѣднемъ лѣсу сохраняется подъ слабой стражей орелъ Варова легіона. Тотчасъ посланъ отрядъ напасть на непріятеля съ фронта, а другой — обойти ему въ тылъ и отнять орла: обоимъ посчастливилось. Быстро бросается Цезарь внутрь страны, опустошаетъ все, уничтожаетъ непріятеля, который не дерзаетъ ему сопротивляться, а если и пробуетъ, то немедленно разбитъ. Никогда еще, по словамъ плѣнныхъ, не было такого страха.

— Римляне непобѣдимы, говорили въ народѣ, ничто на нихъ не дѣйствуетъ. Какъ? потерявши флотъ, оружіе, покрывъ берега трупами своихъ лошадей и солдатъ,—они начинаютъ войну съ прежней храбростью, съ прежнимъ ожесточеніемъ, какъ будто бы ихъ стало больше!

26.

Послѣ этого солдаты были отведены на зимнія квартиры и радовались, что кораблекрушеніе искупилось удачнымъ подвигомъ; къ этому присоединилась еще щедрость Цезаря, заплатившаго каждому, кто что потерялъ. Не было сомнѣнія,

что непріятель палъ духомъ, сталъ уже поговаривать о мирѣ и, вѣроятно, война окончилась бы въ слѣдующее лѣто. Но Тиберій то и дѣло писалъ Германику:

— Возвратись къ своему тріумфу; довольно уже удачь и бѣдствій; были у тебя счастливыя и великія сраженія: но вспомни и о томъ, какой большой, какой страшный вредъ нанесли намъ море и вѣтеръ, безъ всякой вины полководца. Я самъ девять разъ былъ посланъ божественнымъ Августомъ въ Германію и всегда бралъ больше хитростью, чѣмъ храбростью. Такъ привелъ я въ подданство Сугамбровъ, такъ заставилъ Свевовъ и царя Маробода просить мира. Теперь Римляне отомстили за себя. Херусковъ и другія мятежныя племена можно предоставить ихъ собственнымъ внутреннимъ раздорамъ.

На просьбу Германика, дать ему еще одинъ годъ для совершеннаго окончанія предпріятія, Тиберій отвѣчалъ предложеніемъ втораго консульства, задѣвъ честолюбіе Германика,— а консульская должность требовала его присутствія въ Римѣ. Онъ присовокупилъ:

— Если война должна продолжиться, доставь возможность отличиться брату твоему Друзу. Другаго непріятеля нѣтъ и онъ только въ германской войнѣ можетъ заслужить титулъ императора и лавровый вѣнецъ.

Тутъ уже Германикъ болѣе не медлилъ, понимая, что все это придумано изъ зависти, чтобы лишить его заслуженной уже славы.

27.

Около этого времени сдѣланъ доносъ на Либона Друза, изъ рода Скрибоніевъ, что онъ замышлялъ переворотъ. Разскажу подробно начало, ходъ и конецъ этого дѣла: то былъ первый

опытъ крамолъ, столько лѣтъ точившихъ республику. Сенаторъ Фирмій Катъ, задушевный другъ Либона, втянулъ опрометчиваго и мечтательнаго юношу въ знакомство съ предсказаніями Халдеевъ, обрядами маговъ и снотолкователей, говорилъ ему о прадѣдѣ его Помпеѣ, о теткѣ Скрибоніи (48), бывшей когда-то женою Августа, о родствѣ его съ Цезарями, указывалъ на домъ, полный фамильныхъ портретовъ, и увлекъ его въ роскошь и долги, раздѣляя съ нимъ и наслажденія и нужду,—все за тѣмъ, чтобы опутать его большимъ числомъ уликъ.

28.

Набравши довольно свидѣтелей (въ томъ числѣ и рабовъ), онъ проситъ аудіенціи у Тиберія, объявивши проступокъ и имя виновнаго чрезъ всадника Флакка Вескуларія (49), очень приближеннаго къ Тиберію. Цезарь не презрѣлъ доноса, но въ аудіенціи отказалъ, отозвавшись, что можно объяснить дѣло чрезъ посредство того же Флакка. А между тѣмъ украшаетъ Либона саномъ претора, принимаетъ его въ въ число своихъ приближенныхъ, и, не измѣняя ни лица, ни рѣчи (до такой степени скрылъ онъ гнѣвъ свой), предпочитаетъ вывѣдывать слова и дѣла его, тогда какъ могъ бы ихъ остановить. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока нѣкто Юній не донесъ Фульцинію Тріону, что Либонъ уговариваетъ его вызвать заклинаніями тѣни умершихъ. Тріонъ славился между доносчиками своею изобрѣтательностью и жадностью къ дурной славѣ. Немедленно хватаетъ онъ обви-

---

(48) Происхожденіе Либона навѣрное неизвѣстно. Скрибонія мать Юліи, Юлія мать Агриппины, жены Германика.

(49) Флаккъ Вескуларій Аттикъ. См. кн. VI, гл. 10.

неннаго, идетъ къ консуламъ, проситъ нарядить въ сенатѣ слѣдствіе. Сенаторы созваны

— Для совѣщанія о важномъ и ужасномъ дѣлѣ.

29.

Либонъ между тѣмъ, надѣвъ траурную одежду, идетъ съ знатнѣйшими женщинами изъ дома въ домъ, проситъ родныхъ, молитъ защитить его отъ бѣды. Всѣ отказались подъ различными предлогами, но въ сущности изъ страха. Въ день засѣданія Либонъ, истомленный боязнью и горестью, или, какъ говорили нѣкоторые, притворившись больнымъ, былъ принесенъ къ дверямъ куріи въ носилкахъ, вошелъ, опираясь на руку брата, съ мольбою простеръ руки къ Тиберію,—и увидѣлъ самое безстрастное, неподвижное лице. Цезарь прочелъ обвинительные пункты и показанія свидѣтелей, умѣряя голосъ, такъ, чтобы нельзя было видѣть, хочетъ онъ смягчить вину или усилить.

30.

Къ Тріону и Кату пристали въ качествѣ обвинителей Фонтей Агриппа и Кай Вибій (50) и оспоривали другъ у друга право говорить противъ обвиненнаго, до тѣхъ поръ, пока наконецъ Вибій, видя, что никто не хочетъ уступить другому, и сообразивши, что Либонъ явился безъ защитника, объявилъ, что ограничится простымъ вычисленіемъ всѣхъ преступленій по одиначкѣ, и взвелъ на него нелѣпѣйшія обвиненія; будто бы, напримѣръ, Либонъ спрашивалъ, будетъ ли онъ довольно богатъ, чтобы устлать деньгами Ап-

(50) См. кн. IV, гл. 13, 28 сл.

піеву дорогу до самаго Брундизіума. Многое было въ этомъ родѣ; глупо, нелѣпо,—просто жалко. Обвинитель предъявилъ однакоже книжку, собственноручно написанную Либономъ и заключавшую въ себѣ имена Цезарей и сенаторовъ съ непонятными или страшными при нихъ замѣтками. Либонъ отрицалъ свою руку и предложено спросить на пыткѣ рабовъ, знавшихъ его почеркъ. Но такъ какъ древній сенатскій указъ запрещалъ брать съ рабовъ показанія противъ господъ, то хитрый и ловкій на увертки Тиберій приказалъ продать ихъ всѣхъ фискальному чиновнику, дабы такимъ образомъ сдѣлать допросъ, не нарушая сенатскаго постановленія (51). Обвиненный попросилъ отсрочить дѣло до слѣдующаго дня и, возвратясь домой, послалъ родственника своего, Публія Квирина, молить Тиберія. Ему отвѣтили, чтобы онъ обратился съ этимъ въ сенатъ.

31.

Солдаты окружили между тѣмъ его домъ и шумѣли въ сѣняхъ, съ умысломъ давая знать о своемъ присутствіи. Либонъ, терзаемый этимъ среди пира, которымъ желалъ насладиться въ послѣдніе часы жизни, сталъ требовать палача и, хватая за руки рабовъ своихъ, хотѣлъ вложить въ нихъ мечь; рабы, объятые страхомъ, отступаютъ прочь,—свѣча, горѣвшая на столѣ, опрокинута,—Либонъ, погруженный въ могильную тьму, наноситъ себѣ два удара въ животъ. На стонъ упавшаго сбѣгаются вольноотпущенные; солдаты, видя самоубійство, уходятъ. Процессъ былъ однакоже, не смотря на то, оконченъ въ сенатѣ съ неменьшею

(51) Діонъ приписываетъ эту увертку Августу.

строгостью, а Тиберій клялся, что просилъ бы за жизнь виновнаго, если бы онъ не поспѣшилъ умереть добровольно.

32.

Имѣніе Либона раздѣлено между обвинителями, а тѣмъ изъ нихъ, которые принадлежали къ сословію сенаторовъ, даны претуры безъ соблюденія законнаго порядка. Котта Мессалинъ (52) подалъ мнѣніе:

— Чтобы изображеніе Либона не выносили при погребеніяхъ его потомковъ.

Кней Лентулъ:

— Чтобы никто изъ Скрибоніевъ не носилъ прозвища Друза.

По предложенію Помпонія Флакка назначены дни для благодарственнаго молебствія;

Луцій, Публій и Галлъ Азиніи, Папій Мутилъ и Луцій Апроній положили принести дары Юпитеру, Марсу и Конкордіи и праздновать иды Сентября, день, въ который Либонъ лишилъ себя жизни.—О ихъ льстивыхъ предложеніяхъ я упомянулъ за тѣмъ, чтобы показать, какъ давно существуетъ это зло въ республикѣ.

Сенатусконсультами опредѣлено изгнать изъ Италіи математиковъ и маговъ. Одинъ изъ нихъ, Луцій Питуаній, сброшенъ съ Тарпейской скалы; другой, Публій Марцій, казненъ по старинному обычаю, при звукѣ трубы, за Эсквилинскими воротами.

---

(52) Котта Мессалинъ былъ сынъ оратора, Марка Валерія Мессалы Корвина.

33.

Въ слѣдующее засѣданіе сената консуларъ Квинтъ Гатерій и бывшій преторъ Октавій Фронтонъ много говорили противъ роскоши горожанъ: положено запретить подавать кушанье въ сосудахъ изъ массивнаго золота, а мужчинамъ безчестить себя шелковой одеждой. Фронтонъ не остановился на этомъ и потребовалъ ограниченія серебра, мебели и рабовъ: сенаторы часто отклонялись отъ предмета преній, дѣлая новыя предложенія на пользу республики, вмѣсто того, чтобы просто подавать мнѣніе. Галлъ Азиній возразилъ на это:

— Съ распространеніемъ имперіи увеличилось богатство гражданъ, и это не ново, а велось такъ съ древнѣйшихъ временъ. У Фабриціевъ была казна, у Сципіоновъ другая; все сообразуется съ состояніемъ республики: она бѣдна,— и граждане живутъ тѣсно; она блеститъ великолѣпіемъ,—и частные люди живутъ шире. Понятія объ излишествѣ и умѣренности въ числѣ рабовъ, количествѣ серебра и всего, что необходимо въ хозяйствѣ, зависятъ единственно отъ состоянія владѣльца; имущества сенаторовъ и всадниковъ пользуются привиллегіями, не потому, чтобы они были другой натуры, но дабы они превосходили остальныхъ людей мѣстами, почестями, заслугами, дабы они украшались всѣмъ тѣмъ, что нужно для душевнаго спокойствія и тѣлеснаго здоровья. Не отнимать же у почетнѣйшихъ людей, заваленныхъ трудами, обреченныхъ на большія опасности, утѣшенія въ ихъ занятіяхъ и тревогахъ!

Сенаторы легко согласились съ Галломъ, скрывавшимъ пороки подъ честными именами и высказывавшимъ собственно мнѣніе слушателей. Къ нему присоединился и Тиберій, говоря:

— Что еще не пришла пора цензуры, но что, если нравы станутъ портиться, онъ первый предложитъ мѣры къ исправленію ихъ.

34.

При этомъ случаѣ Луцій Пизонъ, сказавши многое противъ козней форума, продажности судилищъ и неистовства ораторовъ, угрожающихъ обвиненіями, объявилъ, что оставитъ городъ и поселится гдѣ-нибудь въ далекомъ и уединенномъ уголкѣ деревни. Съ этими словами онъ вышелъ изъ куріи. Тиберій встревожился. Ласковыми словами старался онъ смягчить Пизона и приказалъ родственникамъ удержать его просьбами или силою. Тотъ же Пизонъ вскорѣ показалъ не менѣе смѣлое негодованіе, позвавъ на судъ Ургуланію, которую дружба Августы поставила выше законовъ. Ургуланія, вмѣсто того, чтобы повиноваться, не обращая вниманія на Пизона, пошла во дворецъ къ Цезарю: онъ не отступалъ, не смотря на жалобы Августы на личное оскорбленіе и насиліе. Тиберій, изъ снисхожденія къ матери, подъ предлогомъ идти къ преторскому трибуналу защищать Ургуланію, вышелъ изъ дворца, приказавъ солдатамъ слѣдовать за собою поодаль. Состроивъ приличную физіономію, онъ старался выиграть время и замедлить свое шествіе, разговаривая о разныхъ предметахъ съ народомъ, стремившимся ему на встрѣчу, пока Августа, узнавъ, что родственники не могутъ уговорить Пизона, приказала внести за Ургуланію требуемую сумму. Такъ кончилось это дѣло къ чести Пизона и къ большей славѣ Цезаря. Впрочемъ сила Ургуланіи была до того оскорбительна для государства, что призванная въ сенатъ для свидѣтельства по какому-то дѣлу, она не захотѣла придти: посланъ былъ къ ней на домъ преторъ взять это свидѣтельство, не смотря на то, что даже

весталки, по древнему обычаю, въ качествѣ свидѣтельницъ должны были являться на форумъ и въ судъ.

35.

Я бы не говорилъ объ остальныхъ дѣлахъ, совершенныхъ въ этомъ году, если бы не стоило упомянуть о разногласіи по этому случаю Кнея Пизона и Азинія Галла. Пизонъ сказалъ, что

— Такъ какъ Цезарь объявилъ о своемъ отъѣздѣ, то тѣмъ съ большимъ тщаніемъ надо заниматься дѣлами. Честь республики требуетъ, чтобы въ отсутствіе главы сенатъ и всадники исправляли свои должности.

Галлъ, видя, что Пизонъ отнялъ у него честь первенства въ этомъ, по видимому либеральномъ, предложеніи, утверждалъ,

— Что все, свершающееся не въ присутствіи и не на глазахъ Цезаря, не соотвѣтствуетъ достоинству римскаго народа и не довольно торжественно, что поэтому депутаты изъ Италіи и провинцій могутъ быть выслушаны только при немъ.

Тиберій слушалъ и молчалъ, сенаторы жарко спорили,— а дѣла были отложены.

36.

Начался еще споръ у Галла съ Цезаремъ, потому что Галлъ предложилъ

— Избирать чиновниковъ на пять лѣтъ впередъ; назначить преторами всѣхъ легіонныхъ легатовъ, которымъ эта военная должность досталась до претуры; Тиберію назначить по двѣнадцати кандидатовъ на каждый годъ пятилѣтія.

Нѣтъ сомнѣнія, что предложеніе это было глубоко задумано и касалось тайныхъ пружинъ имперіи. Тиберій, принявъ это какъ будто за увеличеніе своей власти, сказалъ:

— Я слишкомъ мало думаю о себѣ, чтобы принять на себя столько выборовъ и на такое долгое время. И при ежегодныхъ избраніяхъ я не могу не оскорбить того или другаго невольно, хотя обманутая надежда можетъ осуществиться черезъ годъ: какъ же бы возненавидѣли меня тѣ, которыхъ избраніе было бы отложено на пять лѣтъ! И какъ можно предвидѣть, что въ продолженіе этого времени станется съ характеромъ, семействомъ, имуществомъ избранныхъ? Они зазнаются и при годичномъ избраніи; что же бы было, если бы спѣсь ихъ возрастала цѣлыя пять лѣтъ? Однимъ словомъ, это бы значило въ пять разъ увеличить число чиновниковъ, нарушить законы, постановившіе сроки для испытанія способностей кандидатовъ, для исканія и полученія почестей.

37.

Этою по видимому безкорыстною рѣчью Тиберій удержалъ въ рукахъ своихъ всю власть. Онъ увеличилъ содержаніе нѣкоторыхъ сенаторовъ; тѣмъ болѣе удивительна была гордость, съ какою онъ принялъ просьбу благороднаго юноши Марка Гортала, извѣстнаго своею бѣдностью. То былъ внукъ оратора Гортензія (53), получившій отъ щедротъ божественнаго Августа милліонъ сестерцій, съ тѣмъ, чтобы жениться и не дать угаснуть такому знаменитому роду. Четверо сыновей его стояли у порога дворцовой куріи, гдѣ

(53) Объ этомъ Гортензіи Валерій Максимъ отзывается съ дурной стороны.

происходило засѣданіе сената, и онъ, взирая то на портретъ Гортензія, находившійся между ораторами, то на портретъ Августа, началъ такъ:

— Вы видите число и юный возрастъ дѣтей моихъ: я имѣю ихъ не по собственному желанію, но по совѣту Августа. Предки мои заслужили, чтобы потомство ихъ не угасло. А я, по несчастнымъ обстоятельствамъ, не могъ получить ни богатства, ни народной любви, ни краснорѣчія, — этого наслѣдственнаго достоянія нашего рода, — и буду доволенъ, если моя бѣдность не послужитъ мнѣ въ стыдъ, другимъ въ тягость. По приказанію императора я женился. И вотъ потомки столькихъ консуловъ и диктаторовъ! Я говорю это не для возбужденія зависти, а для того, чтобы снискать состраданіе. Почести, которыя получатъ мои дѣти отъ тебя, Цезарь, еще впереди. Теперь спаси только отъ нищеты правнуковъ Квинта Гортензія, питомцевъ божественнаго Августа.

38.

Согласіе сената подстрекнуло Тиберія воспротивиться просьбѣ и онъ сказалъ почти такъ:

— Если бы всѣ нищіе сошлись сюда и стали просить денегъ для своихъ дѣтей, то ихъ бы никогда нельзя было насытить, а обнищала бы республика. Вѣроятно, предки наши не для того позволяли иногда выступать изъ предѣловъ пренія и предлагать что-нибудь на общую пользу, чтобы мы занимались здѣсь частными дѣлами и семейными интересами, возбуждая негодованіе на сенатъ и на государя, въ случаѣ согласія, какъ и въ случаѣ отказа. Это не просьбы, это несвоевременная и неумѣстная наглость: безпокоить сенаторовъ, когда они собрались для другихъ дѣлъ, надоѣдать

имъ счетомъ и лѣтами своихъ дѣтей, докучать мнѣ насильно,—и просто ломиться въ казну! Если мы изъ тщеславія растратимъ капиталы, придется пополнять ихъ преступными средствами. Горталъ! Божественному Августу угодно было дать тебѣ денегъ; — это не значитъ, что и мы обязаны всегда дѣлать тебѣ подарки. Если никто не будетъ разсчитывать и надѣяться на собственныя силы,—падетъ промышленность, разведется лѣность, и всѣ будутъ безпечно ожидать помощи со стороны, безъ пользы себѣ и во вредъ намъ.

Все это было выслушано со знаками одобренія со стороны тѣхъ, кто хвалитъ все, что скажетъ правитель, худо ли оно, хорошо ли; но большая часть приняла рѣчь Тиберія въ глубокомъ молчаніи или съ невнятнымъ ропотомъ. Онъ замѣтилъ это и, подождавъ немного, сказалъ:

— Я отвѣчалъ Горталу; впрочемъ, если сенаторы хотятъ, я дамъ по 200,000 сестерцій каждому изъ его сыновей.

Сенаторы благодарили, Горталъ молчалъ, отъ страха, или отъ наслѣдственной гордости, не подавленной и нищетою. И не сжалился послѣ того Тиберій, хотя родъ Гортензія впалъ снова въ постыдную нищету.

39.

Въ томъ же году дерзкій замыселъ вольноотпущеннаго едва не ввергнулъ республику въ раздоры и гражданскую войну. Къ счастію, его захватили во время. Рабъ Постума Агриппы, по имени Клементъ, волнуемый не рабскими мыслями, узнавъ о смерти Августа, затѣялъ отправиться на островъ Планазію и, похитивъ Агриппу хитростью или силою, представить его германскимъ войскамъ. Дерзкое пред-

предпріятіе его рушилось медленностью тяжело нагруженнаго корабля, на которомъ онъ ѣхалъ. Агриппа былъ между тѣмъ убитъ и Клементъ, рѣшившись на болѣе важное и отчаянное дѣло, похищаетъ прахъ Агриппы, увозитъ его въ Этрурію, на мысъ Козу (54), скрывается въ невѣдомыхъ мѣстахъ и отпускаетъ себѣ бороду и волосы: лѣтами и наружностью походитъ онъ на своего господина. Тамъ, при помощи тайныхъ сообщниковъ, распускаетъ онъ слухъ, что Агриппа живъ. Сначала вѣсть эту сообщаютъ другъ другу шопотомъ, какъ все запрещенное, потомъ молва распространяется между легковѣрными и необразованными людьми, между возмутительными, всегда жаждущими переворотовъ. Наконецъ онъ самъ сталъ показываться въ городахъ, сначала подъ вечеръ, никогда не являясь въ народѣ, и не оставаясь долго на одномъ мѣстѣ; зная, что истина ростетъ отъ гласности и времени, а ложь поддерживается поспѣшностью и неизвѣстностью, онъ или опережалъ молву, или бѣжалъ отъ нея.

40.

А между тѣмъ по всей Италіи распространилась вѣсть о спасеніи Агриппы волею боговъ; въ Римѣ этому вѣрили, уже вездѣ стали говорить о походѣ на Остію, появились тайныя сборища. Тиберій не зналъ, на что рѣшиться: усмирить ли раба своего силою оружія или предоставить времени разсѣять пустую довѣрчивость? Колеблясь между страхомъ и позоромъ, онъ то всего боялся, то все презиралъ. Наконецъ поручаетъ онъ это дѣло Саллустію Криспу. Криспъ выбираетъ двухъ изъ своихъ кліентовъ (нѣкоторые говорятъ: сол-

(54) Теперь Monte Argentaro, возлѣ Orbitello въ Тосканѣ.

датъ), приказываетъ имъ выдать себя за приверженцевъ Агриппы, предложить Клементу деньги, вѣрность и службу. Они исполняютъ приказаніе. Однажды, улучивъ ночь, когда онъ не ожидалъ бѣды, и взявъ съ собою подкрѣпленіе, они его связываютъ, закрываютъ ему ротъ и влекутъ во дворецъ. Говорятъ, что на вопросъ Тиберія:

— Какъ ты сдѣлался Агриппой?

Клементъ отвѣчалъ:

— Какъ ты Цезаремъ.

Ничѣмъ не могли его заставить выдать сообщниковъ. Тиберій, не смѣя казнить его всенародно, приказалъ умертвить въ отдаленной части дворца и тайно вынести тѣло, и хотя говорили, что многія лица изъ семейства самого Тиберія, всадники и сенаторы поддерживали его деньгами и помогали совѣтами,—дѣло было потушено.

41.

Въ концѣ года воздвигнута была тріумфальная арка противъ храма Сатурна подъ начальствомъ Германика и съ благословенія Августа, въ честь возвращенія потерянныхъ Варомъ значковъ; построенъ храмъ богинѣ Fors-Fortuna на берегу Тибра, въ садахъ, отказанныхъ диктаторомъ Цезаремъ римскому народу и часовня роду Юліевъ со статуею Августа въ Бовиллахъ.

Въ консульство Кая Цецилія и Луція Помпонія, (770 г.) въ седьмой день Іюньскихъ Календъ, Германикъ Цезарь торжествовалъ тріумфъ за побѣды свои надъ Херусками, Каттами, Ангриваріями и вообще народами по сю сторону Эльбы; пронесли въ процессіи добычу, провели плѣнныхъ, показали изображенія горъ, рѣкъ и сраженій, и, такъ какъ запрещено было Германику кончить войну, то ее сочли за кончен-

ную. Всего болѣе поражала зрителей величественная красота его самого и колесница съ его пятью дѣтьми; но грустное предчувствіе тяготило народъ: онъ помнилъ, какъ пагубна была любовь его для Друза, отца Германика, какъ дядя его Марцеллъ въ юныхъ лѣтахъ былъ похищенъ отъ всеобщаго пламеннаго обожанія:

— Привязанность римскаго народа коротка и всегда не къ добру!

770,—17.

42.

Впрочемъ Тиберій отъ имени Германика роздалъ народу по триста сестерцій на человѣка и назначилъ его консуломъ себѣ въ товарищи. Никто не повѣрилъ искренности его любви; онъ рѣшился удалить Германика подъ какимъ-нибудь приличнымъ предлогомъ, придумывалъ причины и хватался за случайности. Царь Архелай, уже пятдесятъ лѣтъ владѣвшій Каппадокіей (55), раздражилъ Тиберія, не воз-

---

(55) Каппадокія—страна Малой-Азіи между Киликіей, Арменіей и Понтомъ. Когда Римляне воевали въ первый разъ въ Азіи съ Антіохомъ Сирійскимъ, тамъ царствовалъ Аріаратъ V, который былъ принятъ въ число римскихъ друзей. Потомъ позже, между причинами Понтійской войны, были и каппадокійскія дѣла. А именно: Митридатъ убилъ каппадокійскаго царя Аріарата VII и далъ Каппадокійцамъ своего сына, назвавъ его также Аріаратомъ. Римскій сенатъ отнялъ Каппадокію у Митридата и далъ ей свободное правленіе. Но Каппадокійцы не были способны къ нему и приняли отъ сената въ цари Аріобарзана, котораго нѣсколько разъ изгонялъ зять Митридата, Арменскій царь Тигранъ, а Римляне возстановляли. За нимъ слѣдовали Аріобарзанъ II и III, убитый Кас-

давъ ему никакой почести, когда онъ былъ на Родосѣ. Архелай сдѣлалъ это не изъ гордости, но по совѣту людей, приближенныхъ къ Августу, ибо при жизни Кая Цезаря, когда онъ правилъ дѣлами Востока, дружба Тиберія могла быть не безопасна. Когда родъ Цезарей угасъ и Тиберій овладѣлъ верховной властью, то заманилъ Архелая въ Римъ письмомъ матери, которая не скрывала, что сынъ ея обиженъ, но обѣщала помилованіе, если онъ самъ пріѣдетъ поклониться. Архелай, не подозрѣвая обмана, или боясь, чтобы подозрѣніе не повлекло за собою насилія, спѣшитъ въ Римъ. Сурово принятый Тиберіемъ, и вскорѣ потомъ обвиненный въ сенатѣ, старикъ окончилъ жизнь, неизвѣстно, самоубійствомъ или естественною смертью, не столько вслѣдствіе обвиненія во мнимыхъ преступленіяхъ, сколько отъ горя, удрученный дряхлостью, и отъ того, что для царей невыносимо даже равенство съ другими, а не то что подчиненность. Царство его превращено въ провинцію и Цезарь, объявивъ, что доходы ея позволяютъ уменьшить подати на одинъ процентъ,—уменьшилъ ихъ на полъ-процента.

Въ тоже время, по смерти Антіоха, царя Комагенскаго (56) и Филопатора Киликійскаго народы взволнова-

---

сіемъ. Антоній изгналъ брата и наслѣдника его и отдалъ царство его Архелаю, нѣкогда полководцу Митридата, служившему посредникомъ при заключеніи мира съ Суллою. Августъ утвердилъ за нимъ царство. Народъ жаловался на Архелая и Тиберій защищалъ его предъ Августомъ. Тѣмъ чувствительнѣе была для него обида.

(56) Комагена часть Сиріи. Царь ея Антіохъ былъ въ дружбѣ съ Помпеемъ. Августъ вызвалъ его къ себѣ и казнилъ за убіеніе Митридатова посла въ Римъ, а царство отдалъ его племяннику Митридату, Антіохъ, о которомъ здѣсь говорится, сынъ казненнаго Августомъ.—Царь Киликійскій Таркондимотъ въ гражданской войнѣ помогалъ Помпею противъ Цезаря, потомъ погибъ въ войнахъ Антонія. — Сыновья его пристали къ партіи побѣдителя. Ему на-

лись: одни желали имѣть царя, большая часть — отдаться Римлянамъ. Провинціи Сирія и Іудея, удрученныя податями, просили ихъ уменьшенія.

43.

Тиберій сообщилъ сенаторамъ обо всемъ этомъ и о вышеупомянутыхъ Арменскихъ дѣлахъ.

— Только съ умомъ Германика, сказалъ онъ, можно остановить движеніе Востока; я уже старъ, а Друзъ слишкомъ молодъ.

Тогда по указу сената поручены были Германику провинціи по ту сторону моря и дана ему власть гораздо неограниченнѣе власти прочихъ правителей, избранныхъ жребіемъ или волею государя. Но Тиберій отозвалъ изъ Сиріи Кретика Силана, связаннаго съ Германикомъ свойствомъ, потому что дочь Силана была назначена въ жены старшему сыну его Нерону, и посадилъ на его мѣсто Кнея Пизона, человѣка заносчиваго, непочтительнаго, наслѣдовавшаго высокомѣріе отца своего Пизона, который въ гражданскую войну съ ожесточеніемъ дѣйствовалъ въ Африкѣ противъ Цезаря, потомъ соединился съ Брутомъ и Кассіемъ и, получивъ позволеніе возвратиться въ Римъ, не искалъ никакихъ почестей, пока Августъ не упросилъ его принять предложенное ему консульство. Кромѣ наслѣдственной отцовской гордости, онъ чванился еще происхожденіемъ и богатствами жены своей Планцины, едва уступалъ Тиберію, а дѣтей его считалъ гораздо ниже себя и не сомнѣвался, что ему дали

слѣдовалъ сынъ Филопаторъ, у котораго Августъ отнялъ царство и отдалъ брату его Таркондимоту. Послѣ того уже царствовалъ Филопаторъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Сирію для того, чтобы противодѣйствовать планамъ Германика. Нѣкоторые думаютъ, что Тиберій далъ ему тайныя инструкціи, а Августа навѣрное совѣтовала Планцинѣ раздражать Агриппину женскимъ соперничествомъ. Дворъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи: тайныхъ приверженцовъ Германика и Друза. Тиберій покровительствовалъ Друзу, какъ близкому и единокровному; нелюбовь дяди усилила привязанность прочихъ къ Германику; сверхъ того происхожденіе его по женской линіи было выше: Маркъ Антоній былъ ему дѣдъ (57), Августъ дядя; напротивъ того прадѣдъ Друза, римскій всадникъ Помпоній Аттикъ (58) казался не у мѣста между Клавдіями; жена Германика Агриппина превосходила Ливію (59) жену Друза какъ славою, такъ и количествомъ дѣтей. Но братья жили въ тѣсной дружбѣ, не обращая вниманія на ссоры родныхъ.

14.

Не много спустя Друзъ былъ посланъ въ Иллирію, чтобы освоиться съ военной службой и пріобрѣсти любовь солдатъ. Къ тому же Тиберій думалъ, что пусть лучше молодой человѣкъ будетъ въ лагерѣ, чѣмъ ему нѣжиться въ городской роскоши, да и для себя считалъ безопаснѣе, чтобы оба сына получили легіоны. Нашли предлогъ помогать Свевамъ, просившимъ помощи противъ Херусковъ, ибо, по удаленіи Римлянъ, не угрожаемые больше извнѣ, они обратили оружіе

(57) Мать Германика была меньшая Антонія, дочь тріумвира Марка Антонія и Октавіи, сестры Августа.

(58) Дочь его Помпонія была замужемъ за Маркомъ Агриппой, ихъ дочь Випсанія—за Тиберіемъ, отъ котораго у нея былъ сынъ Друзъ.

(59) Ливія сестра Германика и Клавдія.

другъ противъ друга по старой привычкѣ или изъ военнаго соревнованія. Ихъ силы были равны, предводители одинаково искусны: но народу не нравился въ Марободѣ титулъ царя, а Арминія любили, потому что онъ сражался за свободу.

45.

И такъ, не только Херуски съ своими союзниками, старые солдаты Арминія, приняли участіе въ войнѣ, но къ нему пристали еще изъ Свевскихъ подданныхъ Маробода Семноны и Лангобарды. Съ ихъ помощью онъ одержалъ бы верхъ, если бы Ингвіомеръ со множествомъ своихъ вассаловъ не передался на сторону Маробода, только изъ того, что старому дядѣ не приходилось повиноваться молодому сыну своего брата. Войска направляются другъ противъ друга съ равною надеждою на побѣду, не неправильными набѣгами, не нестройными толпами, какъ бывало прежде у Германцевъ. Продолжительная война съ нами научила ихъ охранять значки, подготовлять резервы, повиноваться приказаніямъ вождей. Арминій, объѣзжая верхомъ ряды солдатъ, указывалъ тѣмъ, мимо которыхъ ѣхалъ, на возвращеніе свободы, побіеніе легіоновъ, на добычу и оружія отнятыя у Римлянъ и бывшія теперь въ рукахъ многихъ солдатъ; называлъ Маробода трусомъ, бѣжавшимъ съ поля сраженія, скрывшимся въ Гирцинскомъ лѣсу, вымолившимъ миръ подарками и посольствами; измѣнникомъ отечества, слугою Цезаря, котораго должно бить съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ били Вара Квинтилія.

— Вспомните, присовокуплялъ онъ, столько сраженій, которыхъ исходъ, а за тѣмъ изгнаніе Римлянъ, достаточно показываютъ, на чьей сторонѣ остался перевѣсъ въ войнѣ.

46.

Марободъ съ своей стороны не скупился на похвалы своимъ и на порицанія непріятеля; держа Ингвіомера за руку, онъ говорилъ:

— Въ этомѣ тѣлѣ заключается краса всѣхъ Херусковъ; его совѣтамъ обязаны вы всѣми удачами; а безумный Арминій, несвѣдущій и неопытный, присвоиваетъ себѣ чужую славу; вѣроломно овладѣвъ тремя неполными легіонами и полководцемъ, неожидавшимъ обмана, онъ навлекъ страшныя бѣдствія на Германію и покрылъ себя стыдомъ, потому что его жена и сынъ до сихъ поръ томятся въ рабствѣ. А я, имѣя предъ собою двѣнадцать легіоновъ подъ начальствомъ Тиберія, сохранилъ неприкосновенною славу Германцевъ; какъ равный съ равнымъ трактовалъ онъ со мною объ условіяхъ мира и до сихъ поръ ему досадно, что отъ насъ зависитъ начать съ Римлянами упорную войну или оставаться въ мирѣ, не проливая ни капли крови.

Возбужденныя этими рѣчами полчища были подстрекаемы еще каждое своими причинами: Херуски сражались за древнюю славу, Лангобарды за недавнюю независимость, противники ихъ стремились распространить свое владычество. Никогда еще не сталкивались такія страшныя силы — и никогда сраженіе не кончалось такъ нерѣшительно. Оба правыя крыла были разбиты. Ожидали возобновленія битвы, но Марободъ сталъ лагеремъ на высотахъ. Это былъ знакъ пораженія. Мало по малу ослабленный дезертированіемъ, онъ отступилъ къ Маркоманамъ и послалъ къ Тиберію просить помощи. Ему отвѣчали:

— Что онъ не имѣетъ права призывать римское оружіе противъ Херусковъ, потому что не думалъ помо-

гать Римлянамъ, когда они воевали съ тѣмъ же врагомъ.

Однакожъ Друзъ, какъ мы сказали, былъ посланъ для утвержденія мира.

47.

Въ томъ же году двѣнадцать большихъ городовъ Азіи были разрушены землетрясеніемъ среди ночи. Бѣдствіе это нанесло тѣмъ болѣе вреда, что произошло совершенно неожиданно; не было спасенія даже въ обыкновенномъ въ подобныхъ случаяхъ бѣгствѣ въ открытыя мѣста, потому что разступавшаяся земля зіяла пропастями. Разсказываютъ, что осѣли высокія горы, плоскія мѣста поднялись, изъ среды развалинъ вырывалось пламя. Самое страшное бѣдствіе выпало на долю Сардеса и возбудило состраданіе преимущественно къ его жителямъ. Цезарь обѣщалъ имъ десять милліоновъ сестерцій и освободилъ ихъ на пять лѣтъ отъ платежа податей въ общественную и въ его собственную казну. Послѣ Сардеса сильнѣйшее бѣдствіе и сильнѣйшее участіе досталось Магнезійцамъ у Сипила. Темносъ, Филадельфія, Эгесъ, Апполонида, Мостена или Македонская Гирканія, Гіероцезарея, Мирина, Кимы и Тмолъ—всѣ эти города были избавлены отъ платежа податей на такое же время и рѣшено отправить одного изъ сенаторовъ для изслѣдованія ихъ положенія и поданія помощи. Выбранъ былъ Маркъ Алетъ, бывшій преторъ, потому что Азіею правилъ консуларъ и соперничество между равными могло принести вредъ.

48.

Къ этой блистательной щедрости государственной Цезарь присовокупилъ еще подарки отъ себя лично, отдавъ имѣніе

Эмиліи Музы, которое должно было поступить въ фискъ, потому что она умерла безъ завѣщанія, Эмилію Лепиду (она по видимому принадлежала къ его дому); наслѣдство— Патулея, богатаго римскаго всадника, отказавшаго ему самому часть имѣнія, онъ отдалъ Марку Сервилію, которому покойный еще прежде завѣщалъ все, какъ это было положительно всѣмъ извѣстно. Онъ говорилъ, что имъ обоимъ нужны деньги по знатности ихъ рода. Вообще онъ бралъ себѣ только тѣ наслѣдства, которыя были ему отказаны изъ пріязни и никакъ не хотѣлъ пользоваться тѣми, гдѣ глава имперіи назначался наслѣдникомъ въ ущербъ другимъ. Но облегчая честную бѣдность невинныхъ, онъ выгналъ изъ сената или позволилъ добровольно удалиться расточительнымъ и преданнымъ разврату Вибидію Варрону, Марію Непоту, Аппію Аппіану, Корнелію Суллѣ и Квинту Вителлію (60).

49.

Около этого времени онъ посвятилъ разрушенные ветхостью и огнемъ и возобновленные Августомъ храмы Бахуса, Прозерпины и Цереры, основанные диктаторомъ Авломъ Постуміемъ близь большаго цирка; тамъ же храмъ Флоры, построенный эдилями Луціемъ и Маркомъ Публиціями; храмъ Януса, сооруженный на овощномъ рынкѣ Каемъ Дуилліемъ, — первымъ счастливымъ морякомъ римскимъ, заслужившимъ тріумфъ за морскую побѣду надъ Кароагенянами. Германикъ посвятилъ храмъ Надеждѣ, основанный въ туже пуническую войну Атиліемъ.

---

(60) Дядѣ будущаго императора.

50.

Между тѣмъ законъ объ оскорбленіи величества принималъ все бо̀льшіе размѣры. Какой-то доносчикъ обвинилъ Апулеію Варилію, внучку сестры Августа, въ томъ, что она насмѣхалась въ оскорбительныхъ выраженіяхъ надъ Августомъ, Тиберіемъ и его матерью и, будучи въ родствѣ съ Цезаремъ, нарушила супружескую вѣрность. Положено: послѣдній пунктъ рѣшить по закону Іулійскому, а относительно оскорбленія величества Цезарь приказалъ принять во вниманіе два обстоятельства: наказать ее за святотатственныя рѣчи на счетъ Августа и оставить безъ вниманія, что относится лично къ нему. На вопросъ консула, какъ судить ее за обидныя рѣчи противъ его матери, онъ промолчалъ, а въ слѣдующее засѣданіе просилъ отъ ея имени не вмѣнять подсудимой въ преступленіе, что бы она ни говорила на ея счетъ. Онъ спасъ Апулеію отъ закона оскорбленія величества и, смягчая наказаніе за нарушеніе супружеской вѣрности, приказалъ ея родственникамъ отправить ее, по примѣру древнихъ, за двѣсти миль отъ Рима. Ея любовнику Манлію запрещено быть въ Италіи и Африкѣ.

51.

При назначеніи претора на мѣсто умершаго Випсанія Галла произошелъ споръ. Германикъ и Друзъ, бывшіе о ту пору въ Римѣ, предлагали Гатерія Агриппу, родственника Германика; большинство воспротивилось этому на томъ основаніи, что по закону при выборѣ кандидатовъ надо брать во вниманіе количество дѣтей. И радовался Тиберій, что сенатъ приводитъ законы противъ его сыновей. Разумѣется

законъ все-таки палъ, но не тотчасъ и не значительнымъ числомъ голосовъ. Такъ нарушались законы и прежде, когда еще имѣли силу.

52.

Въ томъ же году началась война въ Африкѣ съ непріятельскимъ полководцемъ Такфариномъ. Этотъ Такфаринъ, родомъ Нумидіецъ, служилъ сначала въ римскихъ вспомогательныхъ войскахъ, потомъ дезертировалъ, набралъ шайку бродягъ и разбойниковъ, привыкшихъ къ грабежамъ и хищничеству, ввелъ въ нее значки и раздѣлилъ на отряды на военный ладъ, и наконецъ изъ атамана разбойниковъ сталъ предводителемъ Музулановъ. Этотъ сильный народъ, жившій близь Африканскихъ пустынь, не знавшій еще въ то время городовъ, взялся за оружіе и увлекъ за собою въ войну сосѣдей Мавровъ, которыхъ вождь назывался Мазиппа. Войско было раздѣлено. Такфаринъ взялъ себѣ отборныхъ людей, вооруженныхъ по-римски, чтобы содержать ихъ въ лагерѣ и освоивать съ дисциплиной и повиновеніемъ; Мазиппа съ легкимъ войскомъ долженъ былъ разносить по окрестностямъ пожары, убійства и ужасъ. Они уже включили въ эту армію Киниѳіевъ, довольно значительную націю, когда Фурій Камиллъ, проконсулъ Африки, соединивъ въ одинъ корпусъ свой легіонъ и сколько было у него союзниковъ, пошелъ на непріятеля: сила незначительная въ сравненіи со множествомъ Нумидійцевъ и Мавровъ; но Камиллъ всего болѣе опасался, чтобы непріятель отъ страха не сталъ избѣгать сраженія, и хотѣлъ прельстить его надеждою на побѣду, чтобы легче побѣдить. Онъ помѣщаетъ легіонъ въ срединѣ, легкія когорты и два отрядк кавалеріи по бокамъ. Такфаринъ не поколебался сразиться,—и Нумидійцы были разбиты. Такимъ

образомъ военная слава послѣ многихъ лѣтъ возвратилась въ домъ Фуріевъ. Послѣ извѣстнаго возстановителя Рима и сына его Камилла она перешла къ другимъ фамиліямъ, да и этотъ, о которомъ мы упоминаемъ, былъ плохой вояка. Тѣмъ охотнѣе Тиберій восхвалялъ его подвиги предъ сенатомъ — и отцы почтили его тріумфомъ; оно было и не опасно,— Камиллъ велъ скромную жизнь.

771,—18.

53.

Въ слѣдующемъ году Тиберій былъ въ третій разъ консуломъ, Германикъ во второй. Германикъ вступилъ въ этотъ санъ, находясь въ Ахейскомъ городѣ Никополѣ (61), куда пріѣхалъ съ Иллирійскаго берега, послѣ свиданія съ братомъ Друзомъ, бывшимъ въ Далмаціи. На переѣздѣ чрезъ Адріатическое и Іоническое море онъ подвергался безпрерывнымъ бурямъ и остался на нѣсколько дней въ Никополѣ для починки флота. Въ это время онъ посѣтилъ изъ благочестиваго уваженія къ предкамъ своимъ заливъ, прославленный Акціумской побѣдой, трофей Августа и лагерь Антонія. Антоній, какъ я сказалъ, былъ ему родной дѣдъ, Августъ двоюродный, — и мѣста эти были для него великимъ символомъ бѣдствій и счастія. Отсюда онъ прибылъ въ Аѳины и изъ уваженія къ древнему союзному городу держалъ при себѣ только одного ликтора. Греки сдѣлали ему самый блистательный пріемъ и, восхваляя его дѣянія, при-

(61) Никополь римская колонія, основанная Августомъ въ память Акціумской побѣды, См. кн. V. гл. 10.

мѣшивали воспоминанія о своихъ древнихъ подвигахъ, чтобы придать болѣе достоинства своей лести.

54.

Отправившись отсюда въ Евбею, онъ проѣхалъ чрезъ Лесбосъ, гдѣ Агриппина родила свою послѣднюю дочь Юлію. Потомъ, желая видѣть древнія мѣста, знаменитые города и страны, онъ посѣщаетъ пограничную часть Азіи, Перинѳъ, Византію, Ѳракійскіе города и чрезъ тѣсную Пропонтиду входитъ въ Понтъ. И въ тоже время онъ облегчалъ состояніе провинцій, раздираемыхъ внутренними спорами и оскорбленіями властей. На обратномъ пути желалъ онъ видѣть Самоѳракійскія таинства, но сѣверный вѣтеръ подулъ ему на встрѣчу и помѣшалъ. Тогда онъ присталъ къ Иліону, осмотрѣлъ, что было тамъ замѣчательнаго по игрѣ судьбы и по отношенію къ началу Рима, прошелъ мимо Азіи, присталъ къ Колофону, чтобы посовѣтоваться съ оракуломъ Аполлона Кларосскаго. Здѣсь нѣтъ женщины, какъ въ Дельфахъ; жрецъ, избираемый изъ извѣстныхъ фамилій и почти всегда изъ Милета, выслушиваетъ сколько вопрошающихъ и какъ ихъ зовутъ, опускается въ пещеру и, испивъ воды изъ таинственнаго источника, даетъ отвѣты въ стихахъ на задуманные вопросы, большею частью не зная стихосложенія и даже не умѣя читать. И говорили, будто онъ предсказалъ Германику раннюю смерть въ темныхъ выраженіяхъ, какъ всегда говорятъ оракулы.

55.

А Кней Пизонъ, желая поскорѣе начать свои преслѣдованія, привелъ Аѳинянъ въ страхъ своимъ грознымъ появ-

леніемъ и, укоряя косвенно Германика, сказалъ имъ въ дерзкой рѣчи своей,

— Что на позоръ римскому имени онъ такъ ласково обошелся не съ Аѳинянами, родъ которыхъ угасъ въ несчастіяхъ, а съ этимъ сборищемъ всѣхъ племенъ, съ этими помощниками Митридата противъ Суллы, Антонія противъ Августа.

Укорялъ ихъ въ древнихъ несчастныхъ дѣлахъ съ Македоніею, въ ихъ несправедливыхъ поступкахъ съ своими согражданами; впрочемъ онъ питалъ къ Аѳинянамъ личную ненависть, за то, что они не склонились на его просьбы, простить какого то Ѳеофила, обвиненнаго Ареопагомъ въ подделываніи. Отсюда поплылъ онъ быстро, чрезъ Цикладскіе острова, самымъ короткимъ путемъ, и засталъ Германика на островѣ Родосѣ. Германикъ зналъ, какія преслѣдованія ему готовятся; но былъ такъ великодушенъ, что когда внезапная буря увлекла врага его на утесы и смерть его очень могла быть приписана случаю, онъ отправилъ нѣсколько триремъ для того, чтобы выручить его изъ опасности. Пизонъ этимъ вовсе не былъ тронутъ и, едва выждавъ день, оставилъ Германика, чтобы опередить его, прибылъ въ Сирію къ легіонамъ, сталъ льстить простымъ солдатамъ, бросать деньги, ласково съ ними обращаться, отставилъ старыхъ центуріоновъ, строгихъ трибуновъ и замѣстилъ ихъ своими кліентами, самыми безпутными людьми, поощрялъ въ лагерѣ лѣность, въ городахъ безчинство, бродяжничество, и развратъ солдатъ по деревнямъ, и до того довелъ порчу, что толпа называла его отцомъ легіоновъ. Планцина съ своей стороны вышла изъ предѣловъ женской скромности, присутствовала при упражненіи конницы, на ученіи пѣхоты, клеветала на Агриппину и Германика, и даже нѣкоторые изъ хорошихъ солдатъ охотно вышли изъ повиновенія, такъ

какъ носился слухъ, что все это дѣлается свѣдома императора.

56.

Германикъ зналъ это, но думая, что его присутствіе всего нужнѣе у Арменцевъ, отправился туда прежде всего. Этотъ искони двуличный народъ, какъ по характеру, такъ и по географическому положенію, — Арменія на большомъ протяженіи соприкасается съ нашими провинціями и углубляется далеко къ Мидянамъ,—этотъ народъ находится между двумя сильными государствами и безпрестанно разрывается ненавистью къ Римлянамъ и завистью къ Парѳянамъ. Царя у нихъ тогда не было, со времени изгнанія Вонона; но любовь народная склонялась на сторону Зенона, сына царя Понтійскаго Полемона, потому что онъ съ раннихъ лѣтъ принялъ одежду и обычаи Арменцевъ, и привязалъ къ себѣ вельможъ и народъ страстью къ охотѣ, пиршествами и привязанностью ко всему, что любятъ варвары. По этому Германикъ возложилъ царскую корону на его голову въ городѣ Артаксатѣ, при одобреніи вельможъ и огромномъ стеченіи народа. Арменцы, изъ уваженія къ Зенону, при поздравительныхъ кликахъ дали ему имя Артаксія, по городу, гдѣ онъ былъ коронованъ. Превративъ Каппадокію въ римскую провинцію, Германикъ далъ ей легата, Квинта Веранія, и уменьшилъ подати, которыя народъ платилъ царямъ, съ тѣмъ чтобы имъ казалось споснѣе римское владычество. Въ Комагену, въ первый разъ отданную претору, назначенъ Квинтъ Сервей.

57.

Но всѣ этѣ удачи въ дѣлахъ управленія не радовали Германика: его раздражала спѣсь Пизона, который, полу-

чивъ приказаніе повести самому, или послать съ сыномъ часть легіоновъ въ Арменію, ничего не исполнялъ. Сошлись они наконецъ въ Цирръ, на зимней квартирѣ десятаго легіона, и оба старались скрывать на лицѣ своемъ, — Пизонъ страхъ, Германикъ негодованіе. Онъ былъ, какъ я сказалъ, очень добръ; но друзья его, искусно разжигая обиды, преувеличивали правду, подбавляли лжи и, какъ могли, клеветали на самаго Пизона, Планцину и дѣтей ихъ. Наконецъ, въ присутствіи немногихъ ближнихъ людей, Цезарь рѣшился говорить и, не смотря на стараніе, не могъ скрыть своего гнѣва. Пизонъ отвѣчалъ гордыми извиненіями, — и они разстались, затаивши ненависть. Послѣ того Пизонъ рѣдко присутетствовалъ у трибунала Цезаря, а если и бывалъ, то всегда хмурился и не скрывалъ неодобренія. Однажды онъ даже возвысилъ голосъ на пиру у царя Набатеевъ, когда Цезарю и Агриппинѣ подали тяжелые золотые вѣнцы, а Пизону и остальнымъ полегче.

— Это пиръ въ честь сына римскаго императора, а не Пареянскаго царя!

Воскликнулъ онъ, сбрасывая съ себя вѣнецъ,—и сталъ нападать на роскошь. Тяжело это было для Германика,— но онъ все терпѣлъ.

58.

Между тѣмъ прибыли послы отъ Пареянскаго царя Артабана. Онъ послалъ ихъ, чтобы напомнить о дружественныхъ отношеніяхъ, о союзѣ, и сказать,

— Что онъ желаетъ укрѣпить ихъ личнымъ договоромъ; что изъ почтенія къ Германику онъ прибудетъ на берегъ Евфрата; между тѣмъ проситъ не держать Вонона въ Сиріи, чтобы онъ не поселилъ раздоръ между знатными людьми

государства, вслѣдствіе легкости сообщеній на слишкомъ близкихъ разстояніяхъ.

На это Германикъ отвѣчалъ съ достоинствомъ относительно союза между Римлянами и Пареянами и скромно и вѣжливо отозвался о посѣщеніи царя и похвалахъ себѣ. Вононъ былъ удаленъ въ Помпеіополисъ, приморскій городъ Киликіи, не столько по просьбамъ Артабана, какъ на зло Пизону, который ему очень покровительствовалъ, потому что Вононъ подарками и услугами привлекъ на свою сторону Планцину.

772,—19.

59.

Въ консульство Марка Силана и Луція Норбана Германикъ посѣтилъ Египетъ, подъ предлогомъ попеченія о нуждахъ провинціи, а собственно чтобы видѣть древности. Онъ уменьшилъ цѣну хлѣба, открывъ запасные магазины, заслужилъ сильную любовь у народа, ходилъ безъ сопровожденія солдатъ, одѣвался и обувался по-гречески, подражая Публію Сципіону, который, какъ извѣстно, въ самый разгаръ Пунической войны поступалъ также въ Сициліи. Тиберій, задѣвъ его слегка за костюмъ и поведеніе, далъ ему строгій выговоръ за то, что онъ, вопреки распоряженію Августа, поѣхалъ въ Александрію безъ его позволенія, потому что Августъ между прочими тайными планами своего владычества хотѣлъ отстранить Египетъ, запретивъ сенаторамъ и почетнымъ всадникамъ (62) ѣхать туда безъ его разрѣшенія,

(62) Говорится о тѣхъ всадникахъ, которые по своему состоянію могли быть сенаторами.

чтобы кто-нибудь не произвелъ въ Италіи голодъ, овладѣвъ этой провинціей и крѣпостями на сушѣ и у моря, которыя въ состояніи съ легкимъ гарнизономъ выдержать осаду многочисленнаго войска.

60.

А Германикъ, не зная, что ему вмѣняютъ въ преступленіе его путешествіе, плылъ отъ Канопа вверхъ по Нилу. Этотъ городъ основали Спартанцы, похоронивъ здѣсь кормчаго Канопа, въ то время, когда Менелай, возвращавшійся въ Грецію, былъ выброшенъ бурей на берегъ другаго моря, въ Ливію. Ближайшее къ Канопу устье рѣки посвящено Геркулесу; туземцы утверждаютъ, что онъ родился у нихъ, что ихъ Геркулесъ самый древній, а потомъ уже подобные ему герои получали это имя, какъ почетное прозваніе. Потомъ посѣтилъ Германикъ великіе остатки древнихъ Ѳивъ; на сохранившихся еще развалинахъ видны были египетскія письмена, свидѣтельствовавшія о давнемъ ихъ богатствѣ. Одинъ изъ старыхъ жрецовъ, получивъ приказаніе перевести надпись, прочелъ:

— Тутъ жили 700,000 воиновъ, съ которыми царь Рамзесъ покорилъ Ливію, Эѳіопію, Мидію, Персію, Бактріану и Скиѳію, и держалъ въ повиновеніи Сирію, Арменію и смежную съ ними Каппадокію, отъ Виѳинскаго до Ликійскаго моря.

Читались тамъ и указанная каждому народу дань, и количество серебра и золота, оружій и лошадей, и приношенія храмамъ, слоновая кость и благовонія; говорилось, сколько доставила какая нація хлѣба и другихъ матеріаловъ. Все это нисколько не уступало нынѣшнему богатству Парѳянъ или римской имперіи.

61.

Германикъ обратилъ вниманіе и на другія достопримѣчательности, и особенно на каменную статую Мемнона, издающую тонъ, когда на нее падаютъ лучи солнца; на пирамиды, которыя воздвигнуты распрями или могуществомъ царей и, подобно горамъ, возвышаются среди зыбучихъ, непроходимыхъ песковъ; на искусственное озеро для принятія лишней воды Нила; въ другомъ мѣстѣ на тѣснины и такую пропасть, до дна которой до сихъ поръ никто не могъ проникнуть. Отсюда наконецъ достигъ онъ до Элефантины и Сіены, гдѣ былъ когда-то предѣлъ римской имперіи, простирающейся теперь до Чермнаго моря.

62.

Пока Германикъ проѣздилъ все лѣто по провинціямъ, Друзъ съ необыкновенною ловкостью поселялъ раздоръ между Германцами, чтобы по обезсиленіи Маробода довести ихъ до погибели. Былъ между Готонами благородный юноша, по имени Катуальда, когда-то бѣжавшій отъ насилій Маробода, а теперь, пользуясь шаткимъ его положеніемъ, рѣшившійся на мщеніе. Съ сильнымъ отрядомъ вторгается онъ въ предѣлы Маркомановъ; подкупивъ вельможъ, овладѣваетъ столицею и близь-лежащей крѣпостью. Тутъ нашелъ онъ древнія добычи Свевовъ, засталъ купцовъ и маркитантовъ изъ нашихъ провинцій, которые переселились изъ своихъ мѣстъ жительства на непріятельскую землю, привлеченные правомъ торговли, стали отдавать деньги въ ростъ и наконецъ основались тамъ, забывъ свою родину.

63.

Марободъ былъ оставленъ всѣми; ему оставалось одно спасеніе—прибѣгнуть къ милосердію Цезаря. Переправившись чрезъ Дунай въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ протекаетъ близь Норики, онъ написалъ къ Тиберію, не какъ изгнанникъ или проситель, но какъ бывшій властелинъ.

— Когда-то, говорилъ онъ, предпочелъ я римскую дружбу призванію въ царя многими націями.

Цезарь отвѣчалъ:

— Что обѣщаетъ ему безопасное и почетное пребываніе въ Италіи, если онъ хочетъ тамъ остаться; а если дѣла его отзовутъ, онъ можетъ выѣхать также, какъ пріѣхалъ.

Но въ сенатѣ онъ сказалъ,

— Что Филиппъ не былъ такъ опасенъ Аѳинянамъ, Пирръ и Антіохъ Римлянамъ, какъ теперь Марободъ.

Существуетъ его рѣчь, гдѣ онъ превозноситъ величіе Маробода, храбрость его народовъ, средства, которыя самъ онъ употребилъ для истребленія этого близкаго врага Италіи. Маробода удержали въ Равеннѣ, чтобы угрожать его возвращеніемъ въ случаѣ возмущенія Свевовъ, и послѣ онъ уже не покидалъ Италіи въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, и состарѣлся, помрачивъ свою славу сильною привязанностью къ жизни. Катуальду постигла таже участь и прибѣгъ онъ къ тому же средству спасенія: изгнанный немного спустя Гермундурами и полководцемъ Вибилліемъ, онъ былъ принятъ Тиберіемъ и отправленъ въ Форумъ Іуліумъ, колонію Галліи Нарбонской. Чтобы варвары, сопровождавшіе того и другаго, смѣшавшись съ жителями провинцій, не произвели возмущенія, ихъ поселили за Дунай, между рѣками Маромъ

и Кузомъ (63) и дали имъ въ цари Ваннія, изъ племени Квадовъ.

64.

Когда вмѣстѣ съ этимъ получилось извѣстіе, что Германикъ далъ Арменцамъ царя Артаксія, сенаторы рѣшили, чтобы Германикъ и Друзъ возвратились въ Римъ съ тріумфомъ. Воздвигнуты по бокамъ храма Марса Мстителя (64) арки со статуями Цезарей, а Тиберій радовался, что укрѣпилъ миръ политикой, а не военной силою. Хитростью же одолѣлъ онъ Рескупориса, царя Ѳракійскаго. Вся эта нація принадлежала прежде Реметалку; по смерти его Августъ отдалъ часть ея брату покойнаго Рескупорису, а часть сыну Котису. При этомъ Котису достались поля, города и земли, смежныя съ Греціей, а Рескупорису безплодныя, дикія мѣста по сосѣдству съ непріятелями Ѳракійцевъ. Характеръ царей соотвѣтствовалъ ихъ удѣламъ; Котисъ былъ добръ и ласковъ, Рескупорисъ золъ, жаденъ и властолюбивъ. Сначала было между ними наружное согласіе, но вскорѣ Рескупорисъ, будучи не въ состояніи переносить раздѣленіе власти, выступаетъ за свои предѣлы, овладѣваетъ удѣломъ Котиса, побѣждаетъ сопротивленіе силою. При Августѣ онъ дѣйствовалъ нерѣшительно, боясь найти въ немъ мстителя за нарушеніе утвержденнаго имъ раздѣла, но, услышавъ о перемѣнѣ главы имперіи, онъ посылаетъ шайки разбойниковъ разрушать крѣпости и возжечь войну.

---

(63) Маръ—нынѣшняя Морава, Кузъ—Вага въ Венгріи.

(64) Этотъ храмъ воздвигнутъ Августомъ послѣ Филиппійской войны, въ память отмщенія Цезаря.

65.

Ничего Тиберій такъ не боялся, какъ нарушенія мира. Онъ посылаетъ центуріона сказать царямъ, чтобы они положили оружіе. Котисъ тотчасъ распускаетъ собранныя имъ войска. Рескупорисъ съ покорнымъ видомъ требуетъ сходки, говоря, что личное объясненіе всего лучше положитъ конецъ спорамъ. Не долго выбирали время, мѣсто и условія, уступая другъ другу и соглашаясь во всемъ,—одинъ по легкости характера, другой изъ коварства. Рескупорисъ, чтобы освятить, какъ онъ говорилъ, договоръ, задалъ пиръ. Весело пили и ѣли до глубокой ночи. Котисъ ничего не подозрѣвалъ и не остерегался и, поздно замѣтивъ обманъ, сталъ призывать святость царскаго сана, узы родства, законы гостепріимства, — Рескупорисъ наложилъ на него цѣпи. Овладѣвъ всею Ѳракіей, онъ написалъ къ Тиберію, что только предупреждаетъ засаду, которую готовили для него, и въ тоже время, подъ предлогомъ войны съ Бастарнами (65) и Скиѳами, усиливалъ свои пѣхотныя и конныя войска.

66.

Тиберій отвѣчалъ мягко:

— Что Рескупорисъ можетъ довѣриться своей невинности, если тутъ не было никакого обмана; что во всякомъ случаѣ ни онъ самъ, ни сенатъ не обвинятъ и не оправдаютъ его, не разобравши дѣла; и потому пусть онъ выдастъ Котиса и сложитъ на него всю низость преступленія.

Письмо это Латиній Пандъ, пропреторъ Мезіи, послалъ во Ѳракію съ солдатами, которымъ надо было выдать Ко-

(65) Бастарны жили къ сѣверу отъ Дуная до самаго устья.

тиса. Рескупорисъ, терзаемый страхомъ и злостью, рѣшился довершить преступленіе: онъ приказываетъ убить Котиса и распускаетъ слухъ, что онъ лишилъ самъ себя жизни. Но Цезарь не измѣнилъ своего плана притворства. По смерти Панда, котораго Рескупорисъ считалъ своимъ врагомъ, онъ назначилъ въ Мезію Помпонія Флакка, стараго служиваго, очень дружнаго съ царемъ и потому болѣе способнаго обмануть его.

67.

Флаккъ прибывъ во Ѳракію, надавалъ Рескупорису столько обѣщаній, что онъ рѣшился посѣтить римскія военныя поселенія, не смотря на недовѣрчивость и сознаніе своихъ преступленій. Подъ видомъ почетной стражи, окружаютъ его сильнымъ отрядомъ солдатъ, трибуны и центуріоны просятъ и увѣщеваютъ его ѣхать: но чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе становится неволя и наконецъ онъ убѣдился, что его влекутъ въ Римъ насильно. Обвиненный въ сенатѣ женою Котиса, онъ приговоренъ къ жительству вдали отъ своего царства. Ѳракію раздѣляютъ между Реметалкомъ, его сыномъ, который, какъ было извѣстно, противился отцовскимъ замысламъ, и дѣтьми Котиса; а на время ихъ несовершеннолѣтія дается имъ для временнаго управленія государствомъ бывшій преторъ Требелліенъ Руфъ, подобно тому какъ прежде посланъ былъ въ Египетъ Маркъ Лепидъ опекуномъ дѣтей Птолемея. Рескупорисъ отведенъ въ Александрію и тамъ, покушался ли онъ бѣжать, или его обвинили ложно, только онъ былъ убитъ.

68.

Въ тоже время Вононъ, котораго, какъ я сказалъ, удалили въ Киликію, подкупивъ стражу, покусился бѣжать

къ Арменцамъ, оттуда къ Геніохамъ (66) и къ своему родственнику Скиѳскому царю. Подъ предлогомъ охоты онъ отдалился отъ берега моря и скрылся въ чащѣ лѣса, во весь опоръ прискакалъ къ рѣкѣ Пираму,—но молва о его бѣгствѣ уже дошла до тамошнихъ жителей, и они разрушили мосты. Въ бродъ нельзя было перейти рѣку. И такъ Вибій Фронтонъ, префектъ конницы, схватилъ его на берегу и оковалъ. Эвокатъ Реммій, начальникъ караула, бывшаго надъ царемъ, какъ будто бы въ сердцахъ, пронзилъ его мечемъ. Это утвердило всѣхъ во мнѣніи, что онъ убилъ Вонона, боясь, какъ соучастникъ въ побѣгѣ, попасть въ дѣло.

69.

Германикъ, по возвращеніи изъ Египта, нашелъ всѣ свои приказанія легіонамъ и городамъ уничтоженными или измѣненными. Тутъ уже онъ сильно напалъ на Пизона, который платилъ ему тѣмъ же. Наконецъ, Пизонъ рѣшился выѣхать изъ Сиріи, но удержанъ былъ въ Антіохіи болѣзнью Германика; узнавъ же, что ему лучше, и что воздаютъ благодарность богамъ за его выздоровленіе, онъ приказалъ ликторамъ снять съ алтарей жертвы и разогнать жрецовъ и народъ. Потомъ удалился онъ въ Селевкію, ожидать результата возобновленія болѣзни Германика. Жестокость страданій усиливалась отъ убѣжденія, что Пизонъ его отравилъ. На землѣ и на стѣнахъ находили оторванные члены человѣческихъ труповъ, заклинанія, заговоры, свинцовыя пластинки съ именемъ Германика, полусожженный, окровавленный пепелъ и тому подобныя вещи, посредствомъ которыхъ, говорятъ, предаютъ

(66) Албанцы занимали восточную часть Кавказа, Геніохи—западную.

душу адскимъ богамъ. Въ тоже время видѣли шпіоновъ Пизона, слѣдившихъ за успѣхомъ болѣзни.

70.

Все это страшило и раздражало Германика.

— Если теперь осаждаютъ мой порогъ, если я долженъ испустить духъ въ глазахъ враговъ, что же будетъ потомъ съ несчастною женой моей и младенцами дѣтьми? Ему кажется, что ядъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно, ему хочется ускорить смерть мою и поскорѣе овладѣть провинціей и легіонами. Но не до такой степени палъ Германикъ, чтобы убійца пользовался плодами своего злодѣянія.

Онъ написалъ къ Пизону письмо, отказывая въ своей дружбѣ и, многіе говорятъ, съ приказаніемъ выѣхать изъ провинціи. Пизонъ тотчасъ сѣлъ на корабль, но замедлялъ плаваніе, чтобы можно было скорѣе возвратиться, какъ только смерть Германика откроетъ ему входъ въ Сирію.

71.

Цезаря поманила было надежда, но наконецъ тѣло его изнурилось, и, чувствуя приближеніе конца, онъ сказалъ присутствовавшимъ друзьямъ:

— Еслибы я умиралъ естественною смертью, то даже и тогда имѣлъ бы право жаловаться на боговъ, такъ рано, въ цвѣтѣ лѣтъ похищающихъ меня у родственниковъ, дѣтей и отечества: но я — жертва злодѣянія Пизона и Планцины. Запечатлѣйте же въ сердцахъ вашихъ мою послѣднюю просьбу! Разскажите моему отцу и брату, какими горькими обидами терзали меня, какими кознями былъ я окруженъ и какъ кончаю самую жалкую жизнь постыднѣйшимъ образомъ.

Тотъ, кого трогали мои надежды, тотъ, кого связывали со мною узы родства, даже тотъ, кто завидовалъ мнѣ при жизни, — проронятъ обо мнѣ слезу, вспомнивъ мою славу, вспомнивъ, что я пережилъ столько походовъ, чтобы пасть отъ женскаго коварства. Вамъ представится случай жаловаться сенату, воззвать къ законамъ. Истинная дружба доказывается не безплодными слезами надъ покойникомъ, но памятью о волѣ его, и исполненіемъ его распоряженій. Оплакивать Германика будутъ и незнакомые, отомстите же за меня вы, если любили меня, а не мое богатство и власть. Покажите римскому народу внучку Августа, мою жену, сосчитайте ему шестерыхъ дѣтей моихъ, — и состраданіе будетъ на сторонѣ обвинителей. Если обвиненные станутъ ссылаться на преступныя повелѣнія, имъ никто не повѣритъ, ихъ не станутъ слушать.

И поклялись друзья, держа правую руку умирающаго, отказаться скорѣе отъ жизни, нежели отъ мщенія.

72.

Тогда, обратясь къ женѣ, онъ заклиналъ ее памятью о себѣ и общими ихъ дѣтьми,

— Удерживать свою гордость, покориться жестокой судьбѣ, чтобы при возвращеніи въ Римъ не раздражать владыкъ властительнымъ видомъ.

Это сказано было при всѣхъ; потомъ прибавилъ онъ что-то шопотомъ,—какъ думаютъ, предостерегъ ее отъ Тиберія. Немного спустя онъ умеръ, къ сильному горю провинціи и сосѣднихъ народовъ. Оплакивали его даже чужеземные народы и цари: такъ ласковъ былъ онъ съ союзниками, такъ человѣколюбивъ съ непріятелями! Видъ его и рѣчи вселяли уваженіе; онъ имѣлъ величіе и важность, свойственныя сво-

ему высокому положенію, — но прогналъ отъ себя зависть и спѣсь.

73.

Погребеніе его, безъ фамильныхъ портретовъ и безъ торжества, ознаменовано было хвалами и воспоминаніями о его доблестяхъ. Нѣкоторые сравнивали судьбу его съ судьбою Александра Великаго, ихъ наружность, возрастъ, родъ смерти и даже близость мѣстъ ихъ кончины.

— Оба они, прекрасные тѣломъ, возвышенной души, немного переживши за тридцать лѣтъ, скончались среди чуждыхъ имъ народовъ, вслѣдствіе козней близкихъ людей. Но Германикъ былъ мягокъ съ друзьями, умѣренъ въ наслажденіяхъ, былъ вѣренъ своей женѣ, имѣлъ только законныхъ дѣтей, при всемъ томъ былъ такой же воитель, хотя не столь смѣлый, и только особенныя обстоятельства помѣшали ему покорить Германію, разслабленную отъ множества побѣдъ его. Еслибы онъ могъ вести дѣла безотчетно, еслибы онъ былъ правителемъ по имени и по праву, то скоро бы сравнялся онъ военною славою съ Александромъ, а милосердіемъ, умѣренностью и другими прекрасными качествами превзошелъ бы его.

Тѣло его до сожженія было на нѣсколько времени нагое выставлено на площади въ Антіохіи, гдѣ рѣшено было его похоронить. Неизвѣстно, были ли знаки отравленія; говорили различно, смотря по тому, что̀ брало верхъ: сожалѣніе о Германикѣ, подозрѣніе или пристрастіе къ Пизону.

74.

Легаты и сенаторы, которые были при томъ, стали совѣщаться, кому отдать Сирію. Всѣ скоро отступились, кромѣ

Вибія Марса и Кнея Сентія, и долго не рѣшались, кого изъ нихъ выбрать. Наконецъ Марсъ уступилъ лѣтамъ и жаркимъ требованіямъ Сентія. Онъ немедленно выслалъ въ Римъ любимицу Планцины, знаменитую въ провинціи отравительницу Мартину, по требованію Вителлія, Веранія и другихъ лицъ, приготовлявшихъ обвиненіе, какъ будто противъ извѣстныхъ уже преступниковъ.

75.

А Агриппина, истерзанная скорбью и больная, но не допуская ни малѣйшаго замедленія въ своемъ мщеніи, садится на корабль съ прахомъ Германика и дѣтьми. Всѣ были тронуты, что женщина, знатнѣйшаго рода, привыкшая въ своемъ супружествѣ видѣть себя предметомъ всеобщаго уваженія и похвалъ, теперь несетъ эти скорбные останки, неувѣренная во мщеніи, боясь за самое себя и ненавистная фортунѣ, обратившей ей во вредъ количество дѣтей. Между тѣмъ вѣстникъ доноситъ Пизону у острова Коса, что Германикъ умеръ. Въ восторгѣ приноситъ онъ жертвы, посѣщаетъ храмы. Самъ онъ не скрывалъ радости, а Планцина превзошла и его въ безстыдствѣ: она тотчасъ сняла трауръ, который носила по умершей сестрѣ, и надѣла праздничное платье.

76.

Стали сбѣгаться центуріоны и говорить Пизону,

— Что легіоны ему страстно преданы; пусть онъ возвратится въ провинцію, которую не имѣли права у него отнимать и у которой поэтому нѣтъ начальника.

На совѣщаніи, какъ надо поступить, Маркъ Пизонъ сынъ совѣтовалъ ѣхать въ Римъ.

— До сихъ поръ не сдѣлано ничего непростительнаго, а безсмысленныхъ подозрѣній и пустой молвы бояться нечего; ссора съ Германикомъ можетъ повести къ ненависти, но не къ наказанію; лишившись провинціи, Пизонъ удовлетворитъ враговъ. Но если онъ возвратится, не смотря на сопротивленіе Сентія, то возгорится гражданская война; ни центуріоны, ни солдаты не захотятъ остаться на его сторонѣ: у нихъ свѣжа еще память о полководцѣ, и глубоко внѣдрившаяся любовь къ Цезарямъ одержитъ верхъ.

77.

Домицій Целеръ, задушевный другъ Пизона, говорилъ напротивъ того:

— Надо пользоваться случаемъ. Пизонъ, а не Сентій правитель Сиріи, ему даны и преторское право и легіоны. Въ случаѣ войны, кому приличнѣе отражать силу враговъ, какъ не получившему санъ легата и инструкціи на всякій случай? Сверхъ того надо дать время толкамъ успокоиться; невинность часто бываетъ жертвою свѣжей ненависти. Оставь войско при себѣ, умножь силы, — и многое, чего нельзя предвидѣть, перемѣнится къ лучшему. Неужели мы должны спѣшить въ Римъ вмѣстѣ съ прахомъ Германика, чтобы вопли Агриппины и безсмысленная толпа погубили тебя по первому слову, не выслушавъ и не давая оправдаться? Августа съ тобою за одно, Цезарь за тебя, хотя и втайнѣ, и никто не будетъ оплакивать Германика такъ горячо, какъ тѣ, которые всѣхъ болѣе рады его смерти.

78.

Пизонъ безъ труда согласился съ мнѣніемъ, которое соотвѣтствовало его пылкости. Въ письмѣ къ Тиберію обвиняетъ онъ Германика въ роскоши и гордости.

— Онъ изгналъ меня, пишетъ онъ, чтобы свободнѣе производить перемѣны въ свою пользу, а теперь я снова принимаю начальство надъ войскомъ, движимый тою же преданностью, которая заставляла меня оставаться при немъ.

Тутъ онъ приказываетъ Домицію ѣхать на триремѣ въ Сирію, держась далѣе отъ береговъ, открытымъ моремъ чрезъ острова. Онъ составляетъ манипулы изъ сбѣгающихся дезертировъ, вооружаетъ маркитантовъ и, высадившись на материкъ, пересѣкаетъ путь идущимъ въ Сирію новобранцамъ. Царькамъ Киликійскимъ приказываетъ дать себѣ подмогу. Молодой Пизонъ зналъ военное дѣло, не смотря на то, что не совѣтовалъ начинать войну.

79.

Проѣзжая мимо Ликіи и Памфиліи, флотъ Пизона встрѣтился съ флотомъ Агриппины; съ обѣихъ сторонъ первымъ движеніемъ было взяться за оружіе, но все ограничилось оскорбленіями, потому что они боялись другъ друга. Марсъ Вибій сказалъ Пизону, чтобы онъ не забылъ явиться въ Римъ на судъ. Пизонъ насмѣшливо отвѣчалъ:

— Явлюсь, когда преторъ, которому поручены слѣдствія надъ отравленіями, назначитъ день виновному и обвинителю.

Между тѣмъ Домицій, приставъ къ Лаодикеѣ, городу Сиріи, поспѣшилъ на зимнія квартиры шестаго легіона, полагая, что онъ охотнѣе всѣхъ пристанетъ къ возмущенію, — но былъ предупрежденъ легатомъ Пакувіемъ. Сентій написалъ объ этомъ Пизону, совѣтуя не возмущать лагеря и не подвергать провинцію испытанію войны, собралъ извѣстныхъ ему приверженцовъ Германика или противниковъ Пизона, говорилъ имъ безпрестанно, что Пизонъ поднялъ оружіе

противъ императорскаго величества, противъ республики.—и такъ собралось у него сильное войско, готовое къ битвѣ.

80.

Пизонъ, видя, какъ рушатся его планы, не упустилъ необходимыхъ распоряженій и занялъ сильную крѣпость Киликіи, по имени Келендерисъ. Соединивъ дезертировъ, перехваченныхъ новобранцевъ, рабовъ своихъ и Планцины съ войсками, присланными отъ Киликійскихъ царьковъ, онъ образовалъ легіонъ.

— Я легатъ Цезаря, говорилъ онъ. Порученную мнѣ провинцію отняли у меня не легіоны, — я явился на ихъ призывъ, — а Сентій, скрывающій личную ненависть подъ ложными обвиненіями. Вамъ стоитъ только выстроиться,—и войска не захотятъ идти противъ Пизона, котораго они когда-то называли отцомъ, сильнаго правомъ и оружіемъ.

Онъ располагаетъ манипулы предъ укрѣпленіями, на высокомъ и крутомъ холмѣ: все остальное окружено моремъ. Ветераны съ своей стороны строятся въ ряды съ резервами. Тутъ храбрыя войска, здѣсь превосходная позиція: но нѣтъ ни одушевленія, ни надеждъ, ни даже оружія, кромѣ земледѣльческихъ орудій, приготовленныхъ наскоро. Схватились, и дѣло было рѣшено, какъ только римскія когорты достигли верхушки холма. Киликійцы дали тылъ и заперлись въ крѣпости.

81.

Между тѣмъ Пизонъ тщетно старался напасть на флотъ, остановившійся вблизи. Возвратившись, подступилъ онъ къ стѣнѣ, и старался возмутить солдатъ, то изъявляя собствен-

ную скорбь, то обѣщая награды каждому поименно, и такъ тронулъ ихъ, что значконосецъ шестаго легіона передалъ ему свой значекъ. Тогда Сентій приказалъ трубить въ рога и трубы, заваливать ровъ, ставить лѣстницы, храбрѣйшимъ идти на приступъ, остальнымъ бросать копья, камни и факелы изъ машинъ. Наконецъ упорство Пизона было сломлено; онъ просилъ только, чтобы, сдавъ войска, остаться въ крѣпости, пока Цезарь рѣшитъ, кому отдать Сирію. Условіе не было принято. Ему дали только корабли и обезпечили возвращеніе въ Римъ.

82.

А въ Римѣ, когда достигла туда вѣсть о болѣзни Германика, и слухи, пришедшіе издалека, преувеличивали дурное, все погрузилось въ скорбь и негодованіе. Отовсюду слышались жалобы:

— Такъ вотъ зачѣмъ послали его въ отдаленныя земли! Вотъ зачѣмъ дали провинцію Пизону! Вотъ о чемъ тайно бесѣдовали Августа съ Планциной! Правду говорили старики о Друзѣ; правители не любятъ, чтобы дѣти дѣйствовали въ духѣ народа; Друзъ и Германикъ погибли, оттого что оба хотѣли возвратить свободу республикѣ.

Вѣсть о смерти Германика такъ усилила волненіе въ народѣ, что безъ приказанія начальства, безъ опредѣленія сената, онъ покидаетъ судилища, запираетъ дома; всюду молчаніе и плачь; ничего тутъ не происходило на показъ, и хотя внѣшніе траурные обряды не были забыты, но скорбь была въ сердцахъ. Случайно купцы, выѣхавшіе изъ Сиріи еще при жизни Германика, принесли хорошія извѣстія о его здоровьѣ. Имъ тотчасъ повѣрили, вѣсть разошлась быстро; едва услыхавъ ее, каждый въ порывѣ радости въ преувели-

ченномъ видѣ сообщалъ ее всѣмъ встрѣчнымъ; всѣ бѣгаютъ по городу, врываются въ храмы; ночь способствуетъ легковѣрію: во мракѣ легче вѣрится. Тиберій не разубѣждаетъ народъ и даетъ времени разсѣять ошибку. И народъ сталъ еще болѣе скорбѣть, какъ бы два раза потерявъ Германика.

83.

Стали изобрѣтать и воздавать праху Германика почести, на сколько кто ему былъ преданъ или на сколько у кого было изобрѣтательности. Рѣшено, чтобы имя его ввести въ Салійскій гимнъ (67); чтобы его курульное кресло находилось всегда въ публичныхъ зрѣлищахъ на мѣстѣ жрецовъ Августа, съ дубовыми вѣнками надъ нимъ; чтобы при открытіи игръ цирка несли впереди его статую изъ слоновой кости; чтобы всѣ жрецы и авгуры на мѣсто Германика избирались изъ рода Юліевъ. Воздвигли новыя арки въ Римѣ; у береговъ Рейна, на Аманской горѣ въ Сиріи, съ надписями о его подвигахъ, о смерти за республику; построили гробницу въ Антіохіи, гдѣ онъ сожженъ, трибуналъ въ Эпидафнѣ, гдѣ онъ умеръ. Врядъ ли кто можетъ сосчитать статуи и мѣста, гдѣ ему стали поклоняться. Когда хотѣли поставить щитъ съ его портретомъ, больше и роскошнѣе другихъ, между портретами ораторовъ, Тиберій настоялъ,

— Чтобы онъ былъ совершенно такой же, какъ и остальные, потому что краснорѣчіе не зависитъ отъ сана и что для его славы достаточно быть между древними писателями.

Всадники назвали бывшій отрядъ (cuneus) Юніевъ отрядомъ Германика; постановили, чтобы статуя его предше-

(67) Это значило помѣстить его въ число боговъ.

ствовала конной процессіи (turmae) въ Іюльскія иды. Многое изъ этихъ нововведеній осталось, иное тотчасъ оставлено, другое забыто со временемъ.

84.

Еще скорбь о Германикѣ была свѣжа, какъ сестра его Ливія, жена Друза, родила двойней мужескаго пола. Эта радость, рѣдкая и у частныхъ людей, привела Тиберія въ такой восторгъ, что онъ не могъ не похвастать передъ сенаторами, чта никогда еще ни у одного Римлянина его сана не бывало двойней. Все, даже случайное, вмѣнялъ онъ себѣ въ славу. Но для народа въ такую минуту это событіе было горько, потому что приращеніе семейства Друза еще болѣе отстраняло дѣтей Германика.

85.

Въ томъ же году сенатъ хотѣлъ строгими указами сдержать развратъ женщинъ. Запрещено быть публичными женщинами тѣмъ, у кого дѣдъ, отецъ или мужъ были римскіе всадники, потому что Вистилія, изъ преторіанскаго семейства, записалась съ этою цѣлью у эдилей на основаніи древняго обычая, по которому полагали предъявленіе собственнаго безпутства достаточнымъ наказаніемъ для развратной женщины. Требовали отчета у Титидія Лабеона, мужа Вистиліи, почему онъ не преслѣдовалъ закономъ, очевидно преступную жену; и когда онъ сослался на то, что шестидесятидневный срокъ, постановленный закономъ для обсужденія, еще не миновалъ, то удовольствовались наказаніемъ Вистиліи, сославъ ее на островъ Серифонъ (68).

---

(68) Теперь Серфо или Серфанто, одинъ изъ Цикладскихъ острововъ.

Было еще дѣло объ уничтоженіи египетскаго и іудейскаго богослуженія, и сенатъ рѣшилъ, чтобы четыре тысячи вольноотпущенныхъ, зараженныхъ этою ересью, если позволятъ ихъ лѣта, были отправлены въ Сардинію для усмиренія тамошнихъ разбойниковъ; что не о чемъ жалѣть, если они умрутъ отъ климата; чтобы остальные оставили Италію, если до извѣстнаго срока не покинутъ богохульныхъ обрядовъ.

86.

Послѣ того Цезарь сообщилъ, что должно замѣстить Окцію, которая въ продолженіе пятидесяти семи лѣтъ предводительствовала служеніемъ весталокъ съ величайшей цѣломудренностью, и благодарилъ Фонтейя Агриппу и Домиція Полліона за то, что они, предлагая на это мѣсто своихъ дочерей, доказываютъ свою преданность республикѣ. Предпочли дочь Полліона только по той причинѣ, что мать ея оставалась постоянно въ супружествѣ съ своимъ первымъ мужемъ, между тѣмъ какъ Агриппа запятналъ свое имя разводомъ. Цезарь утѣшилъ дочь его приданымъ въ милліонъ сестерцій.

87.

Народъ жаловался на дороговизну хлѣба, и Тиберій ограничилъ цѣну его для покупщиковъ, доплачивая купцамъ по два нумма на модій. Однакожъ онъ по прежнему не захотѣлъ принять за это титулъ *Отца отечества* и далъ строгій выговоръ тѣмъ, которыя называли дѣла его священными, а его самого государемъ. Тяжело и стѣснительно было говорить при такомъ правителѣ, который боялся свободы и ненавидѣлъ лесть.

88.

Я нахожу у нѣкоторыхъ писателей и сенаторовъ того времени, что читано было въ сенатѣ письмо Адгандестрія, государя Каттовъ, въ которомъ онъ обѣщалъ отравить Арминія, если ему дадутъ яду. Ему отвѣчали,

— Что не обманами и коварствомъ мститъ народъ римскій врагамъ своимъ, а явно, силою оружія.

Этимъ отвѣтомъ Тиберій поставилъ себя наравнѣ съ древними полководцами, которые не захотѣли отравить царя Пирра и предувѣдомили его. Впрочемъ Арминій, по удаленіи Римлянъ и изгнаніи Маробода, вздумалъ играть роль царя и возставилъ противъ себя народъ, любившій свободу. Онъ взялся за оружіе и послѣ нѣсколькихъ побѣдъ и пораженій—палъ жертвою измѣны приближенныхъ людей. Онъ былъ безспорно освободитель Германіи, тѣмъ болѣе, что тягался не съ зачатками римскаго народа, какъ другіе цари и полководцы, а съ государствомъ въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, и не смотря на то, что претерпѣвалъ иногда пораженія, не былъ окончательно побѣжденъ. Онъ жилъ тридцать семь лѣтъ, правилъ государствомъ двѣнадцать. До сихъ поръ варвары воспѣваютъ его подвиги. Онъ неизвѣстенъ Грекамъ, которые удивляются только своему, и не пользуется большою славой у Римлянъ, восхваляющихъ древнее и не обращающихъ вниманія на современниковъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Отъ осн. Рима 773—775 года. По Р. Х. 20—22 года.

773,—20.

1.

Не прерывая своего плаванія во время зимы,—Агриппина пристаетъ къ острову Корцирѣ, противъ береговъ Калабріи: тамъ остается она нѣсколько дней, чтобы укрѣпиться духомъ; ее мучитъ горе и нетерпѣніе. Между тѣмъ, слыша о ея прибытіи,—приближенные друзья, большая часть военныхъ, совершавшихъ походы съ Германикомъ, много и незнакомыхъ изъ сосѣднихъ городовъ, отчасти желая угодить Тиберію, отчасти просто изъ подражанія другимъ, — съѣхались въ городъ Брундизіумъ, ближайшую гавань, къ которой по всей вѣроятности Агриппина должна была пристать. Какъ только показался вдали флотъ, толпа печальныхъ наполнила не только гавань и берега, но покрыла стѣны и кровли, словомъ, всѣ мѣста, съ которыхъ можно было видѣть вдаль, и разсуждала, какъ встрѣтить Агриппину: какимъ-нибудь восклицаніемъ или безмолвіемъ?

Еще не рѣшили, что̀ было бы приличнѣе въ этомъ случаѣ, какъ флотъ мало по малу приблизился, не съ шумною веселостью, какъ всегда бываетъ, а со всѣми знаками пе-

чали. Агриппина сошла съ корабля съ двумя дѣтьми, держа въ рукахъ похоронную урну, опустивъ глаза, — и раздался всеобщій стонъ; въ этихъ рыданіяхъ нельзя было различить своихъ отъ чужихъ, мужчинъ отъ женщинъ; только толпа, встрѣчавшая Агриппину, чувствовала горе живѣе ея спутниковъ, уже утомленныхъ долгою печалью.

2.

Цезарь послалъ двѣ преторіанскія когорты и приказалъ чиновникамъ Калабріи, Апуліи и Кампаніи воздать послѣднюю честь памяти сына. Трибуны и центуріоны несли прахъ на плечахъ, имъ предшествовали обнаженные значки и опрокинутыя сѣкирами внизъ связки. По всѣмъ городамъ, гдѣ они проходили, народъ въ траурной одеждѣ, всадники въ трабеяхъ, сожигали, смотря по средствамъ, разныя ткани, благоуханія, и прочее, какъ того требуетъ погребальная церемонія. Даже жители дальнихъ городовъ шли на встрѣчу праху, приносили жертвы, сооружали алтари богамъ усопшихъ и выражали печаль свою слезами и восклицаніями. Друзъ съ братомъ Клавдіемъ и дѣтьми Германика, остававшимися въ Римѣ, доѣхалъ до Таррацины. Консулы Маркъ Валерій и Кай Аврелій, только что вступившіе въ должность, сенатъ и бо̀льшая часть народа, разсѣялись по всей дорогѣ и плакали, какъ кому хотѣлось. Лести тутъ не могло быть, потому что всѣ знали, какъ Тиберій тщетно старался скрывать свою радость, по случаю смерти Германика.

3.

Тиберій и Августа не показывались, или считая унизительнымъ для своего величества плакать передъ всѣмъ на-

родомъ, или боясь, чтобы не обнаружилось ихъ притвортво, когда на нихъ будутъ устремлены взоры всѣхъ и каждаго. Ни у историковъ, ни въ журналахъ того времени не вижу я, чтобы мать Германика, Антонія, присутствовала при какой-нибудь церемоніи; хотя тамъ сверхъ Агриппины, Друза и Клавдія, поимянно перечтены всѣ родственники его: или она была больна, или до того упала духомъ, что не могла снести ужаснаго вида своей потери. Впрочемъ, я скорѣе готовъ думать, что ее удержали Тиберій и Августа, такъ какъ сами не выходили изъ дому, дабы печаль ихъ казалась одинакова, а примѣръ матери оправдалъ бы бабку и дядю.

4.

Въ тотъ день, когда прахъ похоронили въ гробницѣ Августа, глубокое безмолвіе смѣнялось жалобными стонами, всѣ улицы были наполнены народомъ, Марсово поле освѣщено факелами; тутъ и вооруженные солдаты, и чиновники безъ знаковъ своей должности, и народъ, собранный по трибамъ,—всѣ восклицали:

— Погибла республика! Нѣтъ больше надежды!

И восклицали такъ явно и горячо, какъ будто забыли кто ими правитъ. Но ничто такъ не задѣло за живо Тиберія, какъ горячая привязанность народа къ Агриппинѣ: ее называли красою отечества, кровью Августа, единственнымъ образцомъ древнихъ добродѣтелей, и, обращая взоры къ небу, молили боговъ, да сохранятъ ея дѣтей и дадутъ ей пережить враговъ.

5.

Нѣкоторые желали болѣе торжества при погребеніи и припоминали почести и великолѣпіе, возданныя Августомъ Друзу, отцу Германика.

— Самъ онъ, въ жестокій морозъ, доѣхалъ на встрѣчу тѣла до Тицина (69), и до самаго Рима не отставалъ отъ него; ложе покойнаго было окружено портретами Клавдіевъ и Юліевъ; его оплакивали на форумѣ; у ростръ говорили надгробныя рѣчи; древнія и новыя почести тризны были тутъ соединены въ одно. А Германику не воздали даже простыхъ почестей, какія воздаютъ всякому человѣку благороднаго происхожденія. Правда, по дальности разстоянія тѣло надо было сжечь кое-какъ на чужой землѣ; но тѣмъ большимъ великолѣпіемъ надо было вознаградить за эту случайную необходимость. Братъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу на одинъ день пути, дядя не вышелъ даже и къ воротамъ Рима. Гдѣ же древніе обычаи? Гдѣ статуя покойнаго передъ ложемъ? Гдѣ стихи въ память его доблестей? Гдѣ похвалы? Гдѣ слезы? Гдѣ знаки скорби?

6.

Это дошло до Тиберія. Чтобы прекратить толки, онъ написалъ къ народу эдиктъ такого содержанія:

— Много знаменитыхъ Римлянъ пало за республику, но ни о комъ не жалѣли такъ горячо. Это дѣлаетъ честь и мнѣ и всему народу,—но на все есть мѣра. Что позволено мелкимъ властителямъ и государствамъ, то не прилично для перваго народа въ мірѣ и для его властителей. Наружные знаки печали и утѣшеніе въ скорби приличны были свѣжей потерѣ, но теперь пора уже придти въ себя и позабыть горе, какъ забылъ его божественный Юлій, потерявъ единственную дочь, или божественный Августъ, лишившись внуковъ. Не для чего приводить въ примѣръ древнихъ Римлянъ, съ твердостію пере-

(69) Теперь Павія.

носившихъ пораженія войскъ, смерть полководцевъ, даже совершенное пресѣченіе благородныхъ фамилій. Правители смертны,—республика безсмертна: возвратитесь же къ вашимъ занятіямъ и удовольствіямъ.

Послѣднее слово относилось къ Мегалезійскимъ играмъ, которыя должны были вскорѣ начаться.

7.

Тогда судилища открылись, всѣ возвратились къ своимъ должностямъ, и Друзъ поѣхалъ къ иллирійскому войску. Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждалъ народъ совершенія мести надъ Пизономъ и роптал, что онъ разъѣзжаетъ по прекраснымъ провинціямъ Азіи и Ахаіи, и такимъ наглымъ и коварнымъ замедленіемъ уничтожаетъ возможность доказать его преступленіе. Къ тому же пронесся слухъ, что знаменитая отравительница Мартина, высланная въ Римъ, какъ я сказалъ, Кнеемъ Сентіемъ, скоропостижно умерла въ Брундизіумѣ: между волосами у нея нашли спрятанный ядъ, но въ тѣлѣ никакого слѣда отравы.

8.

А Пизонъ, отправивъ въ Римъ своего сына и давъ ему наставленіе, какъ смягчить Тиберія, поѣхалъ къ Друзу. Онъ надѣялся, что съ нимъ легко будетъ сговориться, потому что смерть брата въ тоже время лишила его соперника. Тиберій, желая явно показать, что дѣло Пизона еще вовсе не рѣшено, ласково принялъ юношу и надавалъ ему подарковъ, какъ всегда дѣлалъ съ дѣтьми благородныхъ фамилій. Друзъ отвѣчалъ Пизону,

— Что если возводимыя на него обвиненія справедливы,

онъ будетъ первымъ его врагомъ, но что онъ желалъ бы отъ души, чтобы все это было ложь и клевета, и чтобы смерть Германика не послужила никому въ погибель.

Друзъ говорилъ это при всѣхъ, избѣгалъ тайны, и никто не сомнѣвался, что онъ дѣйствуетъ по предписанію Тиберія, потому что, всегда вѣтренный и неосмотрительный по молодости лѣтъ, тутъ онъ показалъ проницательность старца.

9.

Пизонъ, проѣхавши чрезъ Далматское море, оставилъ корабли у Анконы и чрезъ Пиценъ по Фламинской дорогѣ нагналъ легіонъ, который вели изъ Панноніи въ Римъ, чтобы оттуда отправить въ Африку: и пошла молва о томъ, какъ онъ съ намѣреніемъ на дорогѣ часто показывался солдатамъ. Отъ Нарніи, для избѣжанія подозрѣній или по нерѣшительности, свойственной тому, кто боится, онъ спустился по Нару, потомъ по Тибру, и усилилъ негодованіе народа, приставши къ гробницѣ Цезарей и высадившись днемъ на многолюдный берегъ, самъ въ сопровожденіи толпы Кліентовъ, Планцина окруженная множествомъ женщинъ, — всѣ съ радостными лицами. Ненависть еще болѣе разгорѣлась, оттого что домъ его, стоявшій на самомъ видномъ мѣстѣ форума, былъ украшенъ по праздничному, что Пизонъ созвалъ гостей и задалъ пиръ.

10.

На другой день Фульциній Тріонъ обвинилъ Пизона предъ консулами. Но Вителлій, Вераній и прочіе спутники Германика предъявили, что Тріону до этого нѣтъ дѣла; что они не какъ обвинители, но какъ свидѣтели и очевидцы до-

несутъ объ этомъ по приказанію самого Германика. Отказавшись отъ этого пункта, онъ получилъ позволеніе обвинить Пизона въ томъ, что относилось къ его прежней жизни,— и рѣшено предоставить дѣло Тиберію. Самъ обвиненный былъ не прочь отъ этого, потому что боялся чувствъ народа и сенаторовъ, а Тиберій, думалъ онъ, презираетъ народные толки, знаетъ тайны своей матери, къ тому же одинъ судья легче отличитъ истину отъ клеветы,—а ненависть и злоба сильнѣе подѣйствуютъ на многихъ. Тиберій понималъ всю трудность такого суда; зналъ, въ чемъ его подозрѣвали, и, созвавъ немногихъ друзей, выслушалъ пункты обвинителей, оправданіе Пизона, — и предоставилъ все дѣло сенату.

11.

Между тѣмъ Друзъ, возвращаясь изъ Иллиріи, хотя за прошлогодніе подвиги и за дѣло Маробода сенатъ опредѣлилъ ему овацію, отложивъ эту честь, въѣхалъ въ городъ просто. Пизонъ просилъ Луція Аррунція, Тита Виниція, Азинія Галла, Эзернина Марцелла, Секста Помпея защищать его дѣло:—но всѣ они отказались подъ различными предлогами, а Маркъ Лепидъ, Луцій Пизонъ и Ливиней Регулъ согласились. Весь городъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, до чего дойдетъ преданность друзей Германика и самоувѣренность обвиненнаго, до какой степени Тиберій скроетъ и подавитъ чувства свои, или выскажетъ ихъ. Никогда еще народъ не позволялъ себѣ противъ государя столько тайнаго и подозрительнаго молчанія.

12.

Въ день собранія Цезарь сказалъ предъ сенатомъ обдуманно воздержную рѣчь:

— Пизонъ былъ легатъ и другъ моего отца. Съ согласія сената далъ я его въ помощники Германику для управленія дѣлами Востока. Вы должны рѣшить безпристрастно, какъ раздражалъ онъ тамъ молодаго человѣка своей гордостью и противорѣчіями, какъ радовался его смерти, или самъ былъ ея причиной. Если онъ вышелъ изъ предѣловъ власти легата и повиновенія начальнику, если онъ радовался его смерти и моему горю, — я его возненавижу, не пущу въ домъ мой и стану истить ему, какъ частный человѣкъ, а не какъ государь. Но если откроется преступленіе, за которое должно казнить, надъ кѣмъ бы оно ни было свершено, вы утѣшите справедливымъ возмездіемъ и дѣтей Германика, и насъ, его родителей. Изслѣдуйте также, дѣйствительно ли Пизонъ мутилъ и возстановлялъ войска, незаконнымъ образомъ добивался ихъ привязанности; силою оружія возвратился въ провинцію, — или все это выдумано или преувеличено обвинителями, въ которыхъ я порицаю излишнее усердіе. Зачѣмъ было обнажать тѣло Германика, выставлять его на показъ народу, распускать даже въ чужихъ странахъ слухъ объ отравѣ, еще сомнительной и не доказанной? Я плачу о своемъ сынѣ, и вѣчно буду плакать, но не стану запрещать обвиненному представить всѣ возможныя доказательства своей невинности, обличить самого Германика, если онъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ, а васъ я прошу изъ-за моего горя не принимать предположеній за истину. Кого родство или дружба побудили защищать Пизона, пусть тѣ употребятъ все свое краснорѣчіе, приложатъ все стараніе спасти его отъ бѣды. Совѣтую употребить тѣже усилія, туже смѣлость его обвинителямъ. Я прошу для Германика только того отступленія отъ законовъ, чтобы судъ о его смерти производился въ сенатѣ, а не на форумѣ, у сенаторовъ, а не у судей: во всемъ прочемъ поступайте какъ

это дѣлается обыкновенно. Не обращайте вниманія на слезы Друза, на мою печаль, — не слушайте и клеветъ, на насъ возводимыхъ.

13.

Сенатъ назначилъ два дня на изложеніе обвиненія, шесть дней перемежки и потомъ три дня для суда. Фульциній началъ съ запоздалыхъ и пустыхъ обвиненій, что Пизонъ бралъ взятки и самовольно правилъ Испаніей: обвиненіе это немогло погубить Пизона, если бы онъ оправдался въ послѣдующемъ, ни спасти, если бы онъ оправдался въ немъ, но былъ уличенъ въ важнѣйшихъ преступленіяхъ. Послѣ Фульцинія говорили Сервей, Вераній и Вителлій, съ равнымъ увлеченіемъ, но гораздо краснорѣчивѣе:

— Пизонъ, говорили они, изъ ненависти къ Германику и изъ желанія произвести переворотъ, позволялъ солдатамъ своевольничать, оскорблять союзниковъ, и до того развратилъ ихъ, что негодяи назвали его отцомъ легіоновъ, между тѣмъ, какъ лучшихъ воиновъ, а тѣмъ болѣе спутниковъ и друзей Германика онъ преслѣдовалъ всѣми силами. Наконецъ и самого Германика погубилъ онъ заклинаніями и ядомъ, радовался съ Планциною, приносилъ преступныя жертвы, и въ довершеніе всего, поднялъ оружіе противъ республики, такъ что надо было его прежде побѣдить, а послѣ уже подвергнуть суду.

14.

Защищеніе было шатко: Пизонъ не могъ отрицать ни злоупотребленія военной власти, ни того, что онъ онъ предалъ провинцію въ руки мерзавцевъ, ни своей дерзости про-

тивъ начальника. Только обвиненіе въ отравленіи смылъ онъ съ себя совершенно, такъ какъ и сами обвинители не представили достаточныхъ доказательствъ. Говорили только, что на пиру у Германика Пизонъ, лежа надъ нимъ, собственными руками всыпалъ ядъ въ его пищу. Нелѣпо было допустить, чтобы онъ рѣшился на это среди чужихъ служителей, въ виду множества гостей и при самомъ Германикѣ. Онъ соглашался на допросъ домочадцевъ и даже просилъ, чтобы ихъ подвергли пыткѣ. Но судьи были неумолимы, по различнымъ причинамъ: Цезарь за междоусобіе въ провинціи, сенатъ въ убѣжденіи, что Германикъ не просто умеръ (70); они даже тайно роптали на то, что Тиберій вмѣстѣ съ Пизономъ отрицалъ отравленіе. А извнѣ, передъ сенатомъ, слышны были крики народа:

— Если сенатъ оправдаетъ, онъ не уйдетъ отъ насъ!

Толпа повлекла уже статуи Пизона въ Гемоніи и стала бы ихъ разбивать, если бы Тиберій не приказалъ спасти ихъ и поставиить на мѣсто. Когда Пизонъ сѣлъ въ носилки, ему дали въ сопровожденіе трибуна преторіанской когорты: одни думали для охраненія, другіе для умерщвленія.

15.

Планцину также ненавидѣли, но она пользовалась большимъ довѣріемъ, такъ что никто не могъ сказать, что̀ позволитъ себѣ Цезарь въ ея пользу. Что же касается до нея самой, то пока Пизонъ не потерялъ надежды, она обѣщала раздѣлить его судьбу, и если нужно умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но, получивши прощеніе по тайному заступничеству Августы, она стала отдаляться отъ мужа, защищаться другимъ пу-

(70) Это мѣсто совершенно искажено.

темъ. Обиженный понялъ, что ему надо погибнуть и не рѣшался на новую попытку, но по просьбѣ сыновей, скрѣпя сердце, пошелъ вторично въ сенатъ. Вновь выслушалъ онъ обвиненія, непріязненныя рѣчи сенаторовъ, увидѣлъ, что все противъ него; но всего болѣе устрашилъ его безстрастный видъ Тиберія, въ которомъ нельзя было прочитать ни злобы, ни состраданія. Возвратившись домой, онъ написалъ кое-что, подъ предлогомъ приготовленія къ защитѣ на слѣдующій день, запечаталъ и отдалъ одному изъ своихъ вольноотпущенныхъ. Все шло по обыкновенію; глубокою ночью, когда жена ушла изъ его комнаты, онъ приказалъ затворить дверь и на разсвѣтѣ найденъ былъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Мечь его лежалъ на полу.

16.

Я помню, старики мнѣ говорили, что часто видѣли у Пизона въ рукахъ книгу, которую онъ не обнародавалъ, но что, по увѣренію друзей его, тамъ заключались письма Тиберія и приказанія противъ Германика; что Пизонъ хотѣлъ предъявить ее въ сенатѣ и обвинить Тиберія, но что Сеянъ отговорилъ его, надававъ ложныхъ обѣщаній; что онъ не самъ себя лишилъ жизни, а что къ нему былъ подосланъ убійца. Я не стану ничего утверждать, но не могу и умолчать о томъ, что говорили современники, дожившіе до эпохи моей молодости. Тиберій, состроивъ печальную физіономію, жаловался сенату, что этою смертью хотятъ его самого сдѣлать ненавистнымъ, призвалъ вольноотпущеннаго и сталъ его подробно разспрашивать, какъ провелъ Пизонъ послѣдній день и послѣднюю ночь; когда тотъ между многими благоразумными отвѣтами проронилъ кое-какія нескромныя слова, то Тиберій сталъ читать записку Пизона, заключавшую въ себѣ слѣдующее:

— Подъ гнетомъ козней враговъ моихъ и ненависти ложнаго обвиненія, видя, что истина и невинность моя не могутъ взять верхъ, призываю я въ свидѣтели безсмертныхъ боговъ, Цезарь, что всю жизнь былъ я вѣренъ тебѣ и преданъ твоей матери. Умоляю васъ не оставлять моихъ дѣтей: одинъ изъ нихъ, Кней Пизонъ, не долженъ раздѣлять со мною участь, какая бы она ни была. Онъ все это время оставался въ Римѣ. Другой, Маркъ Пизонъ, отсовѣтовалъ мнѣ возвратиться въ Сирію. Зачѣмъ не послушался я молодаго сына, зачѣмъ допустилъ его уступить старику отцу? Тѣмъ убѣдительнѣе умоляю, не наказывать его за мою вину. Заклинаю тебя сорокапятилѣтнею преданностью, нашимъ общимъ консульствомъ, благоволеніемъ отца твоего Августа, прежнею нашею дружбой и заклинаю въ послѣдній разъ—не погуби моего несчастнаго сына!

А о Планцинѣ ни слова.—

17.

Тиберій оправдалъ участіе юноши въ гражданской войнѣ, говоря, что

— Сынъ не можетъ идти противъ приказаній родителя. Надо также пожалѣть о знатности ихъ дома, о погибели отца, хотя и заслуженной.

Съ униженнымъ видомъ и какъ бы стыдясь, говорилъ онъ за Планцину, просилъ за нее отъ имени своей матери, которая навлекла на себя главное негодованіе честныхъ людей.

— Какъ! говорили въ народѣ, бабка принимаетъ у себя убійцу внука, говоритъ съ нею, хочетъ вырвать ее изъ рукъ сената? Одинъ Германикъ не можетъ получить удовлетворенія, которое законы даютъ всякому гражданину! Вителлій

и Вераній говорятъ за Цезаря — а императоръ и Августа защищаютъ Планцину! Ей остается только испытать свои удачные опыты отравленія надъ Агриппиной, надъ дѣтьми ея, чтобы насытить достойную бабку и дядю кровью несчастнаго семейства!

Для видуназначили два дня на слѣдствіе; Тиберій поощрялъ сыновей Пизона защищать свою мать. Жарко говорили обвинители и свидѣтели,—но никто имъ не отвѣчалъ. Усилилось сострадание, а не ненависть. Такъ какъ въ преніяхъ, предлагаемыхъ Цезаремъ, консулы имѣли право подавать голоса, то Аврелій Котта прежде всѣхъ изъявилъ мнѣніе, чтобы

— Вычеркнуть изъ календаря имя Пизона, часть имѣнія его конфисковать, часть отдать Кнею Пизону, обязавъ его измѣнить имя (71); Марка Пизона лишить сана; дать ему десять милліоновъ сестерцій и сослать на десять лѣтъ. Планцину простить изъ уваженія къ Августѣ.

18.

Тиберій облегчилъ во многомъ этотъ приговоръ. Онъ приказалъ не выключать изъ календаря имени Пизона, потому что тамъ остались имена Марка Антонія, воевавшаго противъ отечества; и Юлія Антонія, нанесшаго безчестіе дому Августа. Марка Пизона онъ изъялъ отъ наказанія и возвратилъ ему отцовское имѣніе. Тиберій, какъ я уже говорилъ, не былъ пристрастенъ къ деньгамъ, да сверхъ того теперь, стыдясь прощенія Планцины, онъ былъ снисходительнѣе. Когда Валерій Мессалинъ предложилъ поставить

(71) Онъ назвался Луціемъ и былъ послѣ префектомъ Африки.

золотую статую въ храмѣ Марса Мстителя, а Цецина Северъ воздвигнуть алтарь Мщенію, Тиберій не согласился, сказавъ, что

— Памятники нужны для внѣшнихъ побѣдъ, а домашнія бѣдствія надо оплакивать и скрывать.

Мессалинъ прибавилъ, что

— Надо торжественно благодарить Тиберія, Августу, Антонію, Агриппину и Друза за то, что они отомстили за Германика.

О Клавдіѣ не сказалъ онъ ни слова, и нѣкто, Луцій Аспренасъ, спросилъ его въ присутствіи всего сената: сдѣлалъ ли онъ этотъ пропускъ съ намѣреніемъ? Тогда прибавили имя Клавдія.

Чѣмъ болѣе думаю я о современныхъ и древнихъ событіяхъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что всѣ дѣла людей служатъ игралищемъ какой-то невѣдомой силѣ. Судьба тайно готовила верховную власть тому, кто менѣе всѣхъ могъ ожидать ея, не имѣя ни извѣстности, ни надеждъ, ни уваженія въ народѣ.

19.

Нѣсколько дней спустя, Цезарь предложилъ сенату сдѣлать Веранія и Сервея жрецами. Фульцинію обѣщалъ онъ свой голосъ при повышеніи его саномъ, совѣтуя воздерживаться отъ слишкомъ буйнаго краснорѣчія. Такъ кончилась месть за смерть Германика, о которой не только современники думали различно, но и послѣ ходили самые противорѣчащіе разсказы; самые главные пункты остались неразъясненными, потому что одни принимаютъ всякій слухъ за доказанную истину, другіе впадаютъ въ противуположную крайность: и то и другое затмѣвается временемъ.

Друзъ, выѣзжавшій изъ Рима за ауспиціями, возвратился съ оваціею. Нѣсколько дней спустя, умерла мать его Випсанія, и изъ всѣхъ дѣтей Агриппы она одна скончалась естественною смертью: остальные или явно пали подъ ударами оружія, или, какъ подозрѣваютъ, умерли отъ яду и голоду.

20.

Такфаринъ, побѣжденный въ прошломъ году, какъ я уже говорилъ, Камилломъ, возобновляетъ войну въ Африкѣ, сначала неправильными набѣгами, безнаказанными по своей быстротѣ; потомъ выжигаетъ селенія, похищаетъ большія добычи, и наконецъ, недалеко отъ рѣки Пагиды, осаждаетъ римскую когорту. Надъ укрѣпленіемъ начальствовалъ Декрій, храбрый и опытный воинъ, почитавшій эту осаду позоромъ. Сказавъ солдатамъ, что должно дать сраженіе въ открытомъ мѣстѣ, онъ строитъ ихъ передъ лагеремъ, и когда при первомъ натискѣ непріятеля колонна дрогнула, онъ съ яростью бросается подъ стрѣлы въ толпы бѣгущихъ, останавливаетъ значконосцевъ упрекомъ:

— Какъ! Римскій солдатъ даетъ тылъ предъ нестройною толпою бродягъ?

И въ эту минуту получивъ рану, съ пробитымъ глазомъ, идетъ на враговъ и бьется, пока, оставленный своими, не падаетъ мертвымъ.

21.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Луцій Апроній, замѣнившій Камилла, встревоженный не столько побѣдами враговъ, сколько безчестіемъ своихъ, возобновилъ рѣдкое въ то время

древнее наказаніе и приказать засѣчь до смерти десятаго человѣка по жребію изъ преступной когорты. Эта строгость произвела такое дѣйствіе, что отрядъ ветерановъ, не болѣе какъ въ пятсотъ человѣкъ, разбилъ тоже войско Такфарина, осадившее укрѣпленное мѣсто Ѳалу. Въ этой битвѣ Руфъ Гельвій, рядовой солдатъ, получилъ награду за спасеніе гражданина: Апроній далъ ему пику и ожерелье, Цезарь прибавилъ къ этому гражданскую корону, жалуясь, что Апроній не далъ ея самъ по праву проконсула, но не очень обидѣвшись этимъ. А Такфаринъ, видя, что Нумидійцы трусятъ и не любятъ вести осады, раздробилъ свои войска на мелкіе отряды, сталъ отступать въ случаѣ пораженія, и потомъ возвращаться въ тылъ римлянамъ. Пока онъ слѣдовалъ этому плану, онъ безнаказанно смѣялся надъ раздраженными и утомленными римлянами: но, приблизившись къ приморскимъ городамъ, онъ обременилъ себя добычею и долженъ былъ построить постоянный лагерь.

Апроній Цезіанъ, посланный отцомъ съ союзною конницей и когортами, къ которымъ онъ присоединилъ дѣятельнѣйшихъ солдатъ изъ легіоновъ, удачно сразился съ Нумидійцами и прогналъ ихъ въ пустыню.

22.

А въ Римѣ обвинили Лепиду, которая, кромѣ чести носить имя Эмиліевъ, имѣла еще прадѣдами Луція Суллу и Кнея Помпея. Обвиненіе заключалось въ что, томъ Лепида приписала себѣ небывалое рожденіе младенца отъ богатаго и бездѣтнаго Публія Квирина. Къ этому подбавили еще прелюбодѣяніе, отравы, совѣщанія съ халдѣями о домѣ Цезарей. Виновную защищалъ братъ ея Маній Лепидъ. Квиринъ, ожесточенный на нее, не смотря на то, что она

развелись, возбудилъ къ ней сострадание, хотя она была преступна и не пользовалась хорошей репутацiей. Трудно было въ этомъ дѣлѣ разгадать, чтó думалъ Тиберiй: такъ перемѣшивались и смѣнялись у него на лицѣ знаки гнѣва и милости. Сначала просилъ онъ сенатъ не разсуждать о преступленiи противъ величества; потомъ выбралъ консулара Марка Сервилiя и другихъ свидѣтелей, чтобы вести рѣчь о томъ, о чемъ хотѣлъ умолчать. Рабовъ Лепиды, бывшихъ подъ военною стражей, отдалъ онъ консуламъ (72), и не позволилъ на пыткѣ спрашивать ихъ о своемъ домѣ. Онъ отнялъ у Друза, назначеннаго въ консулы, право подавать первый голосъ; иные видѣли въ этомъ хорошую цѣль:

— Чтобы всѣ не обязаны были соглашаться съ мнѣнiемъ Друза.

Другiе объясняли это желанiемъ употребить строгость.

— Друзъ не уступилъ бы своего почетнаго права, если бы Лепиду хотѣли простить.

23.

Лепида въ дни игръ, прервавшiе ходъ слѣдствiя, вошла въ театръ въ сопровожденiи знатныхъ женщинъ, съ плачемъ и стенанiемъ взывая къ своимъ предкамъ и къ Помпею, котораго напоминало самое зданiе, имъ воздвигнутое, и находившееся тутъ изображенiе, и успѣла возбудить такое сострадание въ зрителяхъ, что всѣ, обливаясь слезами, стали бранить и порицать Квирина.

---

(72) Бывшiй подъ военною стражей имѣлъ на правой рукѣ цѣпь, за которую лѣвой рукой держалъ часовой. Подъ стражею у консуловъ было гораздо легче: просто, заключенные держались въ заперти.

— Его старости, его бездѣтности, его жалкому роду приносятъ въ жертву сноху божественнаго Августа, бывшую невѣсту Луція Цезаря!

Однакожъ пытки рабовъ обнаружили преступленія и сенатъ согласился со мнѣніемъ Рубеллія Бланда, чтобы отправить ее въ ссылку. Къ этому мнѣнію присоединился Друзъ, хотя другіе рѣшали дѣло не такъ строго. Потомъ, въ уваженіе Скавру, который имѣлъ отъ нея дочь, позволили не конфисковать ея имѣнія. Тогда только Тиберій сказалъ, что рабы Публія Квирина обвиняли ее въ покушеніи отравить ихъ господина.

24.

Эти несчастія знаменитыхъ домовъ (въ короткое время Кальпурніи, потеряли Пизона, Эмиліи Лепиду) вознаградились возвращеніемъ Домиція Силана въ домъ Юніевъ. Я разскажу вкратцѣ его дѣло. Какъ велико было счастіе Августа въ республикѣ, такъ велико и несчастіе его въ семействѣ: онъ выслалъ изъ Рима свою дочь и внуку за развратъ и казнилъ смертью или ссылкой ихъ любовниковъ. Называя эту вину, столь обыкновенную между мужчинами и женщинами, оскорбленіемъ религіи и величества, онъ судилъ ее строже древнихъ и даже строже собственныхъ законовъ. Я разскажу о судьбѣ этихъ людей, также какъ и о прочихъ событіяхъ того вѣка, если по окончаніи предпринятаго теперь труда достанетъ моей жизни на новыя занятія. Домицій Силанъ, бывшій въ преступной связи съ внукою Августа, былъ наказанъ только потерею дружбы Цезаря, но понялъ, что ему указано на изгнаніе, и только въ правленіе Тиберія рѣшился онъ просить о возвращеніи сенатъ и государя чрезъ брата своего Марка Силана, знаменитаго своимъ проис-

хожденіемъ и краснорѣчіемъ. На благодарственную рѣчь Марка Силана Тиберій, при сенаторахъ, отвѣчалъ:

— Очень радъ, что братъ твой возвратится изъ долгаго путешествія; онъ имѣетъ полное право пріѣхать: его не изгоняло ни опредѣленіе сената, ни законъ: но я раздѣляю съ отцемъ моимъ чувство полученнаго оскорбленія, и возвращеніе Силана не измѣнитъ воли Августа на его счетъ.

Силанъ возвратился; но не получалъ никакихъ почестей.

25.

Послѣ того разсуждали о смягченія закона *Papia Poppaea,* введеннаго Августомъ уже въ старости въ дополненіе закону *Julia,* для строжайшаго наказанія холостяковъ и увеличенія фиска: супружества и воспитаніе дѣтей отъ этого не стали чаще, потому что гораздо выгоднѣе было оставаться бездѣтнымъ, а число пострадавшихъ росло, потому что доносчики своими произвольными изъясненіями подкапывались подъ всѣ семейства. Въ эту эпоху законы стали такимъ же бичемъ, какимъ прежде были преступленія. Здѣсь кстати будетъ сдѣлать отступленіе и разобрать, какъ началось наше правовѣдѣніе и какъ мы дошли до такого безконечнаго разнообразія законовъ.

26.

Древнѣйшіе люди не знали ни дурныхъ страстей, ни пороковъ, ни преступленій, и потому жили безъ наказаній и безъ всякаго стѣсненія; они не нуждались въ наградахъ, потому что каждый поступалъ хорошо по собственному убѣжденію; не желая ничего безнравственнаго, они не боялись наказанія. Но когда нарушилось равенство, когда умѣрен-

ность и стыдъ замѣнились честолюбіемъ и насиліями, проявилось самовластіе и у многихъ народовъ утвердилось навсегда. Другіе предпочли законы или тотчасъ, или послѣ того, какъ тираны пришлись имъ солоно. Законы эти были просты, пока люди были не развиты. Болѣе всѣхъ прославились у Критянъ законы Миноса, у Спартанцевъ Ликурга и потомъ у Аѳинянъ, болѣе сложные и многочисленные, Солона. Ромулъ владѣлъ нами совершенно произвольно, потомъ Нума сдерживалъ народъ религіозными постановленіями и священными правами, кое-что ввели Туллъ и Анкъ, но Сервій Туллій былъ у насъ главный законодатель, и законамъ своимъ подчинилъ даже царей.

27.

По изгнаніи Тарквинія народъ сдѣлалъ многое противъ партіи сената для охраненія свободы и утвержденія согласія; создалъ децемвировъ, которые собрали отовсюду лучшія постановленія и составили двѣнадцать таблицъ—то были послѣдніе справедливые законы. Послѣдующіе, кромѣ опредѣленія кое-какихъ наказаній за преступленія, большею частью введены силою, враждою сословій изъ-за домогательства противузаконныхъ почестей, для изгнанія знаменитыхъ людей и для другихъ преступныхъ цѣлей. Отсюда смуты при Гракхахъ и Сатурнинѣ; отсюда расточеніе казны Друзомъ отъ имени сената; отсюда возмущенія союзниковъ, обманутыхъ обѣщаніями и оскорбленныхъ отказомъ. Въ войну италіанскую, а потомъ въ гражданскую также сдѣлано было много противорѣчащихъ законовъ, пока диктаторъ Сулла, уничтоживъ или измѣнивъ прежніе, многіе прибавивъ, привелъ ихъ не на долгое время въ порядокъ, вскорѣ нарушенный возмутительными законами Лепида, а немного спустя воз-

вращеніемъ трибунамъ власти мутить народъ по ихъ желанію. Съ тѣхъ поръ законы писаны не только для всѣхъ, но часто противъ отдѣльныхъ лицъ и число ихъ возрастало вмѣстѣ съ растлѣніемъ республики.

28.

Кнею Помпею, въ его третье консульство, поручено было исправить нравы, но избранныя имъ средства были тягостнѣе самихъ преступленій; онъ первый нарушалъ собственные законы и охраняемое оружіемъ отнято у него было оружіемъ же. Тутъ начались двадцатилѣтнія смуты, изчезли и нравы и права; ужаснѣйшія преступленія оставались безъ наказанія; погибель была наградою за честныя дѣла. Наконецъ Цезарь Августъ, въ свое шестое консульство, не опасаясь уже за свое могущество, уничтожилъ все, что приказалъ во время тріумвирата, и далъ законы для охраненія тишины въ монархическомъ правленіи. Связь ихъ окрѣпла, опредѣлены были блюстители и вознагражденія закономъ *Papia Poppaea*, по которому римскій народъ, какъ общій родитель, назначался наслѣдникомъ отказовъ, сдѣланныхъ людямъ не имѣющимъ правъ отцовъ. Но эти блюстители вышли изъ предѣловъ закона и Римъ, и Италія, и что только было гражданъ, стало жертвами доносчиковъ. Много было раззорено имѣній, страхъ объялъ всѣхъ, и Тиберій избралъ по жребію пять консуларовъ, пять бывшихъ преторовъ и пять простыхъ сенаторовъ для того, чтобы помочь злу. Разрѣшивъ многія недоумѣнія въ законахъ, они на короткое время немного облегчили это положеніе.

29.

Въ тоже время Тиберій представилъ сенаторамъ Нерона, сына Германика, уже взрослаго юношу, и возбудилъ на-

смѣшки слушателей, требуя, чтобы его освободили отъ вигинтивирата и позволили домогаться квесторства пять лѣтъ ранѣе законнаго возраста. Онъ основывался на томъ, что Августъ просилъ того же для него самого и для его брата. Но и тогда, я думаю, кое кто смѣялся втайнѣ надъ такими просьбами, хотя величіе Цезарей только что начиналось, древніе обычаи были еще передъ глазами; и притомъ связь тестя съ зятьями не такъ тѣсна, какъ дѣда со внуками. Къ квесторству прибавили понтификатъ и, въ день перваго появленія Нерона на форумъ, роздали подарки народу, который радовался, что сынъ Германика уже возмужалъ. Радость его еще болѣе усилилась, когда назначена была свадьба Нерона съ Юліею, дочерью Друза. Но сколько радовался народъ этой свадьбѣ, столько негодовалъ на помолвку сына Клавдія съ дочерью Сеяна. Въ ней видѣли униженіе знаменитости рода и подозрѣніе Сеяна во властолюбивыхъ преступныхъ замыслахъ усилилось.

30.

Къ концу года умерли знаменитые люди Луцій Волузій и Саллустій Криспъ. Волузій былъ изъ древняго рода; предки его доходили только до преторства, онъ первый достигнулъ консульства, получилъ цензорскую власть при избраніи всадниковъ и первый скопилъ богатства, которыя дали огромную силу его дому.

Криспъ происходилъ изъ фамиліи всадниковъ. Знаменитый историкъ Криспъ Саллустій, его двоюродный дѣдъ по сестрѣ, далъ ему свое имя. Хотя онъ имѣлъ свободный доступъ къ почестямъ, но изъ подражанія Меценату, не хотѣлъ даже быть сенаторомъ, и, не смотря на то былъ сильнѣе многихъ консуловъ и тріумфаторовъ. Въ противность древнимъ

обычаямъ, онъ отличался роскошной одеждой и образомъ жизни, не смотря на ложный видъ сонливости и лѣни. Онъ одаренъ былъ твердостью духа и ему самыя трудныя дѣла были по силамъ. При жизни Мецената онъ занималъ второе мѣсто, а по смерти его вступилъ на первое, какъ человѣкъ, которому повѣрялись всѣ тайны императоровъ; онъ былъ сообщникомъ въ убіеніи Постума Агриппы и въ старости сохранилъ только видъ дружбы государя, но потерялъ ея сущность. Тоже было и съ Меценатомъ, потому ли что могущество рѣдко бываетъ продолжительно, или отъ того, что одинъ все далъ, а другому уже нечего было желать.

774,—21.

31.

Слѣдуетъ четвертое консульство Тиберія и второе Друза,— замѣчательное товарищество отца съ сыномъ. Два года тому назадъ Германикъ раздѣлялъ этотъ санъ съ Тиберіемъ, но дядя не радовался этому, да и не былъ связанъ съ нимъ естественнымъ родствомъ. Въ началѣ этого года Тиберій, подъ предлогомъ укрѣпленія здоровья, удалился въ Кампанію: замышлялъ ли онъ уже тогда свою долгую и непрерывную отлучку, или хотѣлъ, чтобы Друзъ, въ отсутствіе отца, одинъ правилъ консульскую должность. Случайно незначительное обстоятельство произвело жаркій споръ и дало молодому человѣку случай пріобрѣсть любовь народа. Преторъ Домицій Корбулонъ (73) жаловался сенату на благороднаго молодаго человѣка, Луція Суллу, что онъ не уступилъ ему мѣсто

(73) Тотъ самый, который послѣ отличался при Клавдіѣ и Неронѣ.

на гладіаторскихъ играхъ. За Корбулона говорили его лѣта, обычаи предковъ, мнѣнія стариковъ; Суллу защищали родственники его, Мамеркъ Скавръ, Луцій Аррунцій и другіе. Говорили рѣчи, горячились, приводили въ примѣръ древнихъ, строго наказывавшихъ непочтительность юношей. Наконецъ Друзъ искусною рѣчью усмирилъ умы. Корбулонъ получилъ удовлетвореніе отъ Мамерка, дяди и тестя Суллы и лучшаго оратора того времени. Тотъ же Корбулонъ жаловался, что вслѣдствіе мошенничества подрядчиковъ и безпечности чиновниковъ большая часть дорогъ въ Италіи были недостроены или непроходимы, и предлагалъ взять это дѣло на себя. Это послужило не столько на пользу общественную, сколько во вредъ многимъ частнымъ лицамъ, которыхъ онъ раззорилъ конфискаціями и обезчестилъ выговорами.

32.

Немного времени спустя, Тиберій послалъ въ сенатъ письмо съ объявленіемъ, что Такфаринъ снова вторгнулся въ Африку, что—

— Сенаторы должны позаботиться о выборѣ проконсула, знающаго военное дѣло, здороваго, способнаго перенесть войну.

Секстъ Помпей, пользуясь случаемъ удовлетворить своей ненависти къ Марку Лепиду, обвинилъ его въ лѣности, неспособности, называлъ его безчестіемъ предковъ, говорилъ, что не надо ему давать Азіи. Сенатъ воспротивился, находя, что Лепидъ скорѣе мягокъ, добръ, нежели слабъ, и что наслѣдственная бѣдность, безпорочное благородство, служатъ скорѣе ему къ чести, нежели къ позору, — и послалъ его въ Азію. Относительно Африки рѣшили, что Цезарь самъ изберетъ намѣстника

33.

Между прочимъ Северъ Цецина предложилъ, чтобы женамъ не позволено было сопровождать мужей въ провинціи, куда они назначены намѣстниками; послѣ многословнаго вступленія сказалъ онъ:

— У меня есть добрая жена и шесть человѣкъ дѣтей. Что я предлагаю, какъ всеобщій законъ, соблюдалъ я всегда у себя, и оставлялъ жену въ Италіи, хотя правилъ въ провинціяхъ сорокъ лѣтъ. Предки наши не безъ цѣли не любили возить женщинъ къ союзникамъ или въ чужія земли. Сообщество женщинъ пораждаетъ въ мирѣ роскошь, въ войнѣ трусость и римское войско можетъ превратиться въ толпу варваровъ. Этотъ полъ не только слабъ и не способенъ къ трудамъ, но при возможности жестокъ, гордъ, властолюбивъ, вотрется между солдатами, станетъ располагать центуріонами. Мы видѣли недавно, какъ женщина присутствовала при разводахъ и ученіи легіоновъ (74). Вспомните, что при всякой жалобѣ на взяточничество бо̀льшая часть вины падала на женъ. Около нихъ соберутся самые негодные люди провинціи, онѣ начинаютъ вести дѣла, рѣшаютъ ихъ; приходится отдавать почтеніе двумъ властямъ; преторіумъ станетъ двойной, только что распоряженія женщинъ насильственнѣе и необузданнѣе. Ихъ сдерживалъ до сихъ поръ оппійскій законъ и другіе: теперь, свергнувъ цѣпи, онѣ возмутъ въ руки дѣла частныя, общественныя и армію.

34.

Немногіе были согласны съ этимъ мнѣніемъ и бо̀льшая часть воспротивилась.

---

(74) Планцина, жена Пизона.

— Эта рѣчь не идетъ къ дѣлу, говорили они, и не Цецинѣ судить о такомъ предметѣ.

Наконецъ Валерій Мессалинъ, сынъ Мессалы, наслѣдовавшій краснорѣчіе отца, отвѣчалъ:

— Многое изъ строгихъ постановленій предковъ смягчено къ лучшему; теперь уже мы не видимъ, какъ бывало прежде, войну у вратъ Рима или непріязненное расположеніе провинцій. Издержки на женскія потребности не раззорять ни семействъ, ни союзниковъ, а остальныя расходы общи женѣ и мужу и нисколько не отягощаютъ миръ. Безъ сомнѣнія, война должна поглощать все вниманіе начальника, но, возвратившись послѣ трудовъ домой, что онъ можетъ найти почтеннѣе утѣшенія жены? Говорятъ, что кое-какія женщины властолюбивы и скупы. А изъ самыхъ чиновниковъ большая часть развѣ не предана разнымъ страстямъ? Значитъ, не надо никого посылать въ провинцію? Говорятъ, что вліяніе безнравственныхъ женъ совращаетъ мужей: а развѣ всѣ холостяки честные люди? Оппійскій законъ былъ принятъ, потому что того требовали тогдашнія обстоятельства республики, потомъ кое-что было отмѣнено или облегчено, потому что они измѣнились. Зачѣмъ наши проступки приписывать другимъ? Если женщина выступаетъ изъ предѣловъ своихъ обязанностей, виноватъ мужъ. Сверхъ того изъ малодушія одного, двухъ мужей не слѣдуетъ отнимать у всѣхъ этого соучастія въ горѣ и радости. Оставивъ дома этотъ по природѣ слабый полъ, мы подвергнемъ его искушеніемъ собственной его роскоши и чужихъ страстей. И на лицо мужъ едва можетъ предотвращать нарушеніе супружеской вѣрности, что же будетъ, если онъ удалится на нѣсколько лѣтъ, какъ будто въ разводѣ? Вы заботитесь объ участи провинцій: не забывайте, что потерпитъ Римъ!

Друзъ прибавилъ кое-что о своемъ супружествѣ.

— Родственники государей должны посѣщать часто отдаленныя области имперіи. Сколько разъ божественный Августъ ѣздилъ на Западъ и Востокъ въ сопровожденіи Ливіи? Я самъ былъ въ Иллиріи, если понадобится, поѣду въ другія страны, но не всегда охотно, если меня разлучатъ съ дорогой женой моей, матерью многочисленнаго нашего семейства.

Такъ предложеніе Цецины было отвергнуто.

35.

Въ слѣдующее засѣданіе пришло письмо отъ Тиберія. Укоривъ слегка сенаторовъ за то, что они всѣ заботы сваливаютъ на него, назначилъ онъ Марка Лепида и Юнія Блеза, чтобы выбрать изъ нихъ проконсула въ Африку. Выслушали того и другаго. Лепидъ настойчиво отказывался слабостью здоровья, возрастомъ дѣтей; говорилъ, что у него дочь невѣста; намекалъ, не упоминая объ этомъ прямо, что Блезъ дядя Сеяна и потому долженъ быть предпочтенъ. Блезъ тоже какъ будто отказывался, но вовсе не такъ настойчиво и льстецы не обратили вниманія на этотъ отказъ.

36.

Потомъ начали говорить о предметѣ, который производилъ тайное негодованіе во всѣхъ сердцахъ. Всякій негодяй могъ безнаказанно оскорблять и безславить благонамѣренныхъ людей, взявъ только въ руки портретъ Цезаря. Вольноотпущенные и рабы грозили своимъ патронамъ или господамъ рѣчами и кулаками и заставляли себя бояться. Сенаторъ Кай Цестій началъ преніе.

— Конечно, сказалъ онъ, государь—подобіе бога, но и боги

слушаютъ только справедливыя мольбы; никто не скроется въ Капитолій или въ другой какой-нибудь храмъ Рима, чтобы въ этихъ святилищахъ совершать преступленія. Наши законы нарушены, совершенно уничтожены, когда Аннія Руфилла, которую я обвинилъ передъ судомъ въ подлогахъ, осмѣлилась на форумѣ, у порога куріи, осыпать меня бранью и угрозами, и я не могъ остановить ее: передо мной держали портретъ императора.

Тоже самое говорили другіе, приводя еще болѣе гнусные случаи, и просили Друза показать примѣръ строгости. Наконецъ потребовалъ онъ Руфиллу на судъ, ее осудили и заключили въ тюрьму.

37.

Римскіе всадники Консидій Эквъ и Целій Курсоръ, обвинившіе ложно претора Магія Цециліана въ оскорбленіи величества, были наказаны по приговору сената и по предложенію самого Тиберія. И то и другое приписывали Друзу.

— Онъ бываетъ на сходкахъ и, вслушиваясь въ людскія рѣчи, смягчаетъ скрытную суровость отца.

И снисходительно смотрѣли на его роскошь.

— Пусть лучше проводитъ время днемъ на зрѣлищахъ, ночью на пирахъ, чѣмъ сидѣть въ заперти, не прельщаясь никакими наслажденіями, и предаваться мрачному надсматриванію и подозрительности.

38.

И въ самомъ дѣлѣ не уставалъ Тиберій, не уставали и доносчики. Анхарій Прискъ обвинилъ Цезія Корда, проконсула Крита, во взяточничествѣ, прибавивъ къ этому оскорб-

леніе величества, бывшее тогда неизбѣжнымъ дополненіемъ всякаго обвиненія. Цезарь, давъ судьямъ выговоръ, за то, что они объявили невиннымъ въ нарушеніи супружеской вѣрности Антистія Ветера, одного изъ первыхъ лицъ въ Македоніи, призвалъ его снова на судъ за оскорбленіе величества, какъ возмутителя и сообщника Рескуполриса, когда, убивъ брата своего (75) Котиса, Рескупорисъ замышлялъ идти на насъ войною. Виновный былъ изгнанъ на островъ, далеко отъ Македоніи и Ѳракіи. Ѳракія была раздѣлена между Реметалкомъ и дѣтьми Котиса, по малолѣтству которыхъ назначенъ былъ имъ въ опекуны Требелліенъ Руфъ. Ѳракійцы не терпѣли насъ и затѣвали смуты, обвиняя и Реметалка и Требелліена въ томъ, что они оставляютъ безнаказанными оскорбленія народа. Келеты, Одрузы и другіе народы взялись за оружіе, предводимые незнатными и независимыми другъ отъ друга людьми: оттого они не могли дѣйствовать вмѣстѣ, что̀ придало бы войнѣ страшный характеръ. Часть ихъ возмутила собственную область, другая перешла черезъ гору Гемусъ, чтобы вооружить отдаленныя націи, а бо̀льшая и самая стройная часть осадила царя въ Филиппополѣ, основанномъ Филиппомъ Македонскимъ.

39.

Узнавши объ этомъ Публій Веллей, начальникъ ближняго войска, тотчасъ послалъ союзную конницу съ когортами легкой пѣхоты противъ тѣхъ, которые разсѣялись по странѣ для грабежей или для собиранія вспомогательныхъ отрядовъ, а самую силу пѣхоты повелъ на освобожденіе города. Все удалось въ одно время. Между осаждающими произошли

(75) Не брата, а племянника.

распри. царь сдѣлалъ во время вылазку, легіоны подоспѣли и возмутители пали. Нельзя даже назвать сраженіемъ это побоище, гдѣ убивали полувооруженныхъ и бродящихъ, безъ всякаго пролитія крови съ нашей стороны.

40.

Въ томъ же году Галльскіе города, впавъ въ неоплатные долги, стали возмущаться; самые буйные зачинщики были у Треверовъ Юлій Флоръ, у Эдуанцевъ Юлій Сакровиръ; оба благороднаго происхожденія, славились дѣлами предковъ, получившихъ римское гражданство, когда оно еще было наградою за доблести. Въ тайныхъ совѣщаніяхъ, привлекши на свою сторону всѣхъ буяновъ, всѣхъ тѣхъ, для кого отъ нищеты и страха наказанія было одно спасеніе въ преступленіи, они рѣшили, чтобы Флоръ возмутилъ Бельгійцевъ, Сакровиръ сосѣднихъ Галловъ. На всѣхъ сходкахъ и собраніяхъ начали они говорить возмутительныя рѣчи о продолженіи налоговъ, о тягости большихъ процентовъ, о жестокости и спѣси начальниковъ.

— Солдаты римскіе ссорятся между собою, узнавъ о смерти Германика: теперь самая удобная минута возвратить свободу; подумайте о томъ, какъ мы процвѣтаемъ, какъ безпомощна Италія, какъ изнѣжена городская чернь; вспомните, что у Римлянъ теперь сильны только чужеземныя войска.

41.

Почти ни одна область не осталась непричастною этому движенію. Сперва возстали Андекавы и Туроніи. Андекавовъ смирилъ легатъ Ацилій Авіола съ когортою, находившеюся въ Лугдунѣ; Туроніевъ укротилъ союзный отрядъ,

присланный Визелліемъ Варрономъ, легатомъ нижней Германіи, подъ команду тогоже Авіолы, съ помощью нѣкоторыхъ Галльскихъ предводителей, которые подали ее, чтобы скрыть свою измѣну и выждать время. Даже Сакровиръ съ непокрытой головой сражался за римлянъ, чтобы доказать, говорилъ онъ, свою храбрость: но плѣнные упрекали его, что онъ показывалъ себя такимъ образомъ своимъ соотечественникамъ для избѣжанія ранъ. Донесли объ этомъ Тиберію, но онъ не обратилъ никакого вниманія на это обстоятельство и война продолжалась вслѣдствіе его нерѣшимости.

42.

Между тѣмъ Флоръ упорствовалъ въ своихъ намѣреніяхъ, набралъ у Треверовъ отрядъ конницы, училъ его службѣ и дисциплинѣ по-римски и хотѣлъ уговорить его, побивъ римскихъ купцовъ, начать войну. Нѣсколькихъ всадниковъ удалось ему совратить съ пути, но бо̀льшая часть осталась вѣрна долгу службы. Напротивъ того толпа должниковъ и вассаловъ его взялась за оружіе. Они спѣшили занять Арденнскій лѣсъ, но легіоны двухъ армій подъ командою Визеллія и Кая Силія, заперли ихъ съ противоположныхъ сторонъ. Юлій Индъ, согражданинъ, но врагъ Флора, охотнѣе намъ служившій, посланъ былъ впередъ съ избраннымъ отрядомъ и разбилъ нестройную толпу. Флоръ нѣсколько времени скрывался въ потаенныхъ мѣстахъ отъ поисковъ побѣдителей, но наконецъ, видя, что всѣ выходы заняты солдатами, самъ себя лишилъ жизни. Такъ кончилось Треверское возстаніе.

43.

Возстаніе Эдуанцевъ было больше, такъ какъ самое государство ихъ богаче, да и войска наши дальше. Сакровиръ

съ вооруженными колоннами занялъ столицу Августодунумъ и схватилъ дѣтей знатнѣйшихъ Галловъ, которыя тамъ занимались науками, чтобы этимъ залогомъ привлечь на свою сторону родителей и родственниковъ ихъ; а между тѣмъ тайкомъ роздалъ молодымъ людямъ оружіе. Ихъ было сорокъ тысячь человѣкъ. Пятая часть вооружена была, какъ наши легіоны, остальные охотничьимъ оружіемъ: копьями, ножами и пр. Къ нимъ присоединили рабовъ, назначенныхъ въ гладіаторы, покрытыхъ, по народному обычаю, бронею съ головы до ногъ (ихъ называли *crupellarii*); они не могли наносить ударовъ, но сами были невредимы. Этѣ силы увеличивались еще тайнымъ единомысліемъ сосѣднихъ областей, гдѣ каждый предлагалъ охотно свои услуги, и споромъ римскихъ полководцевъ, изъ которыхъ каждый хотѣлъ для себя верховнаго начальства. Вскорѣ Варронъ, дряхлый старикъ, уступилъ Силію, который былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ.

44.

А въ Римѣ говорили, что возстали не одни Треверы и Эдуанцы, но шестдесятъ четыре Галльскихъ города, что они увлекли за собою Германцевъ, что вѣрность Испаніи также сомнительна; однимъ словомъ, молва, какъ водится, все преувеличивала. Лучшихъ гражданъ озабочивало положеніе республики; многіе, ненавидя настоящее и желая перемѣнъ, радовались собственному несчастію и всѣ негодовали на Тиберія, что при такомъ страшномъ движеніи онъ занимался только доносами.

— Не обвинитъ ли онъ передъ сенатомъ и Юлія Сакровира въ оскорбленіи величества? Найдутся же наконецъ люди, которые силою оружія положатъ предѣлъ его кровавымъ посланіямъ въ сенатъ. Лучше война, нежели жалкій миръ.

Но Тиберій тѣмъ упорнѣе старался сохранить видъ увѣренности, не измѣнилъ ни лица, ни мѣста, ни обычныхъ занятій, былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ духомъ, или зналъ, что опасность не такъ велика, какъ разсказывали.

45.

Между тѣмъ Силій съ двумя легіонами, пославши впередъ вспомогательный отрядъ, опустошаетъ села Секвановъ, которыя лежали ближе къ Эдуанцамъ и, какъ ихъ сосѣди и союзники, вооружились. Потомъ скорымъ маршемъ идетъ онъ на Августодунумъ. Значконосцы горячились, даже рядовые солдаты горѣли нетерпѣніемъ, говоря, что

— Не нужно намъ отдыховъ и ночлеговъ. Пусть только увидимъ непріятеля и покажемся ему—и побѣда наша.

Въ 12 миляхъ отъ Августодунума показался въ открытомъ мѣстѣ Сакровиръ съ войсками. Впереди поставилъ онъ покрытыхъ бронею, на крылахъ когорты, а въ тылу полувооруженныхъ. Самъ онъ, на прекрасной лошади, окруженный начальниками, объѣзжалъ ряды, вспоминалъ древнюю славу галловъ, побѣды ихъ надъ римлянами, говорилъ, какъ дорога будетъ свобода, если они побѣдятъ, какъ усилится тягость рабства, если будутъ побѣждены.

46.

Коротка была рѣчь и не развеселила солдатъ. А легіоны приближались. Нестройные и неопытные граждане уже ничего не видали и не слыхали. Напротивъ того Силій, хотя надежда на побѣду дѣлала рѣчь излишнею, не переставалъ говорить.

— Стыдно побѣдителямъ германцевъ видѣть въ галлахъ

противниковъ. Еще недавно одна когорта усмирила возмутившихся Тураніевъ, одно крыло—Треверовъ, и нѣсколько отрядовъ конницы вашего же войска разбили Секвановъ: а чѣмъ богаче народъ, чѣмъ болѣе предается онъ наслажденіямъ роскоши,—тѣмъ менѣе способенъ къ войнѣ. Бейте же Эдуанцевъ и ловите, когда они побѣгутъ.

Раздался общій крикъ, пѣхота напала на фронтъ, конница на фланги непріятеля и дѣло скоро рѣшилось. Броненосцы, которыхъ нельзя было взять ни копьемъ, ни мечемъ, немного задержали; но солдаты, взявъ топоры и койла, какъ будто пробивая стѣну, стали рубить панцыри и тѣла, другіе валили неподвижную массу рычагами и вилами, и упавшіе лежали какъ мертвые и не могли уже подняться. Сакровиръ бѣжалъ сначала въ Августодунумъ, потомъ, боясь, чтобы его не видали, скрылся съ вѣрнѣйшими друзьями въ ближнее село. Тамъ онъ лишилъ себя жизни, друзья его перерѣзали другъ друга и заранѣе подожженное ими село поглотило всѣхъ въ своемъ пламени.

47

Тогда только Тиберій написалъ сенату о началѣ и окончаніи войны, ничего не уменьшилъ и не прибавилъ, говоря,

— Что вѣрность и храбрость легатовъ и его собственная распорядительность одержали верхъ.

Онъ прибавилъ къ этому, что ни самъ онъ, ни Друзъ не поѣхали на войну по причинѣ громадности имперіи, что не пристало правителямъ по случаю всякаго частнаго возмущенія, покидать столицу, гдѣ сосредоточивается все управленіе.

— Теперь, такъ какъ отъѣздъ мой нельзя приписать страху, я поѣду туда, и посмотрю, что надо дѣлать.

Сенаторы постановили просить его возвратиться, придумали мольбы и другія почести. Только Долабелла Корнелій, желая опередить другихъ, дошелъ до такой гнусной лести, что предложилъ Тиберію пріѣхать изъ Кампаніи въ Римъ съ тріумфомъ. Цезарь написалъ въ отвѣтъ на это:

— Я не до того ничтоженъ, чтобы послѣ покоренія храбрѣйшихъ народовъ, послѣ многочисленныхъ тріумфовъ въ молодости, которые я частью принялъ, а частью отвергъ, придавать цѣну въ старости глупому путешествію въ окрестности Рима.

48.

Въ тоже время потребовалъ онъ у сената торжественнаго погребенія Сульпиція Квирина. Квиринъ вовсе не принадлежалъ къ древнему патриціанскому роду Сульпиціевъ и родился въ муниципіи Ланувіи; но какъ опытный воинъ, какъ человѣкъ, оказавшій важныя услуги, получилъ онъ при Августѣ консульство, потомъ, овладѣвъ крѣпостями Гомонадъ въ Сициліи, почтенъ былъ тріумфомъ; онъ былъ данъ въ совѣтники Каю Цезарю въ Арменіи и, не смотря на то, посѣщалъ Тиберія, бывшаго въ Родосѣ. Тиберій теперь все это объяснилъ сенату, обвиняя между прочимъ Марка Лоллія, какъ зачинщика несправедливостей и вражды Кая Цезаря. Но народъ вовсе не жалѣлъ о Квиринѣ, по причинѣ преслѣдованія Лепиды, о которомъ я упоминалъ, по причинѣ его скаредной старости и злоупотребленія власти.

49.

Въ концѣ года доносчикъ погубилъ римскаго всадника Кая Луторія Приска, обвиняя его въ томъ, что получивъ

отъ Цезаря награду за извѣстное стихотвореніе на смерть Германика, онъ написалъ другое на смерть Друза, когда Друзъ занемогъ, надѣясь получить еще большой подарокъ. Это стихотвореніе Кай Луторій изъ празднословія прочелъ въ домѣ Публія Петронія въ присутствіи его тещи и многихъ знатныхъ женщинъ. Всѣ онѣ, будучи призваны свидѣтельствовать, подтвердили это изъ страха, кромѣ Вителліи, утверждавшей, что ничего не слыхала. Но свидѣтелямъ, обвинявшимъ Приска, повѣрили больше, и Гатерій Агриппа, назначенный въ консулы, подалъ мнѣніе, приговорить его къ смертной казни.

50.

Напротивъ того, Маркъ Лепидъ сказалъ слѣдующее:

— Если смотрѣть только на то, какая пагубная мысль заключалась въ словахъ Кая Луторія, оскорбившихъ слухъ людей, то для него мало тюрьмы, висѣлицы, мало всѣхъ рабскихъ пытокъ. Но если преступленія и злодѣйства не имѣютъ предѣловъ, то великодушіе государя, примѣръ предковъ вашихъ и вашъ собственный, должны положить границы казнямъ и наказаніямъ. Да сверхъ того надо отличать вздорное, пустое отъ преступнаго, слово отъ дѣла. Можно подать мнѣніе, по которому преступленіе не останется безнаказаннымъ, и вы не будете раскаяваться ни въ излишней строгости, ни въ послабленіи. Часто слышалъ я, какъ государь нашъ сожалѣлъ, когда кто-нибудь самоубійствомъ предупреждалъ его милость. Жизнь Луторія еще цѣла и не можетъ быть опасна для республики, также, какъ казнь его не послужитъ примѣромъ. Его стремленія безумны и пусты; кто станетъ ожидать чего-нибудь важнаго и опаснаго отъ того, кто самъ себя выдалъ, довѣрившись не мужчинамъ, а

женщинамъ? Пусть онъ оставитъ городъ, лишится имѣнія и будетъ навсегда изгнанъ. Я подаю это мнѣніе о немъ, какъ о преступникѣ противъ оскорбленія величества.

51.

Къ Лепиду присоединился одинъ только консуларъ Рубеллій Бландъ, прочіе согласились съ Агриппою; Прискъ былъ отведенъ въ тюрьму и тотчасъ лишенъ жизни. Тиберій, какъ всегда, изъявилъ сенату въ двусмысленныхъ выраженіяхъ свое неудовольствіе. Онъ хвалилъ ревность, съ которою наказывались самыя ничтожныя оскорбленія его особы, но порицалъ такое быстрое наказаніе за однѣ слова, хвалилъ Лепида, но не бранилъ Агриппу. По этому сенатъ рѣшилъ, чтобы впредь сенатскіе приговоры были вносимы въ списки не раньше десятаго дня, до котораго должна быть отлагаема и казнь преступника. Но сенату нечего было раскаяваться въ прежней поспѣшности и Тиберія не смягчалъ этотъ срокъ.

775,—22.

52.

Наступило консульство Кая Сульпиція и Домиція Гатерія: годъ, невозмущаемый извнѣ, ознаменованный внутри государства преслѣдованіемъ роскоши, дошедшей до громадныхъ размѣровъ относительно всего, что только можно купить. Вообще издержки, хотя и очень значительныя, скрывались большею частью подъ мнимыми цѣнами, но расточительность на удовлетвореніе обжорства, о которой вездѣ говорили, заставляла

бовться, чтобы Тиберій не повернулъ круто къ древней умѣренности. Всѣ эдили, начиная съ Кая Бибула, донесли, что законъ противъ роскоши не исполняется, что запрещенная цѣна жизненныхъ потребностей ростетъ со дня на день, и что умѣренные законы ни чему не помогутъ. Сенатъ опредѣлилъ отдать все дѣло на рѣшеніе Тиберія. Тиберій часто раздумывалъ самъ съ собою, можно ли укротить эту всеобщую страсть къ расточительности, не послужатъ ли строгія мѣры ко вреду республики, потому что оскорбительно было бы не достигнуть цѣли или безчестить и безславить знатныхъ людей. Наконецъ написалъ онъ въ сенатъ письмо слѣдующаго содержанія:

53.

— Во всѣхъ другихъ случаяхъ, отцы сенаторы, лучше обращаться ко мнѣ и спрашивать, что я думаю о республикѣ: но въ этомъ дѣлѣ лучше было скрыть отъ меня все, дабы вы сами себя не выдали и я не былъ въ одно время свидѣтелемъ и судьею, когда страхъ и перемѣна въ лицѣ покажетъ мнѣ, кто изъ васъ стыдится своей роскоши. Если бы ревностные эдили посовѣтовались со мною заранѣе, не знаю, не сказалъ ли бы я имъ, чтобы они лучше оставили въ покоѣ вкоренившіеся и развившіеся пороки, вмѣсто того, чтобы показывать, что мы не можемъ съ ними совладѣть. Они исполнили свой долгъ, какъ я желалъ бы, чтобы всѣ чиновники его исполняли; что же касается до меня,—я не могу молчать, не хочу говорить; я не эдиль, не преторъ, не консулъ; кругъ дѣйствій государя шире и возвышеннѣе; всякій частный человѣкъ требуетъ личной благодарности за хорошія дѣла, одинъ правитель отвѣчаетъ за неудачи всякаго. И въ самомъ дѣлѣ, чему положить предѣлъ и чему дать прежній

видъ? Огромнымъ пространствамъ деревень и многочисленности домочадцевъ и рабовъ? Количеству золота и серебра? Изящнымъ произведеніямъ живописи и рѣзной работы? одеждѣ, общей тому и другому полу? женской страсти къ драгоцѣннымъ камнямъ, для удовлетворенія которой наши деньги отвозятся въ чужія и даже непріязненныя земли?

54.

—Я знаю, что на пирахъ, въ частныхъ бесѣдахъ, возстаютъ противъ этого зла, требуютъ его искорененія. А издай законъ, назначь наказанія, тѣже самые люди станутъ кричать, что государство разрушается, что хотятъ погибели всѣхъ вельможъ, что никто не избѣгнетъ обвиненія въ преступленіи. Застарѣлыя и укоренившіеся болѣзни тѣла можно одолѣть только сильными и жестокими средствами, а развращенная душа сама себя развращаетъ, больной духъ самъ причиною своей болѣзни, и тѣмъ болѣе требуетъ сильныхъ мѣръ для изцѣленія, что увлекается страстями. Сколько древнихъ законовъ забыты по давности, сколько Августовыхъ не исполняются изъ пренебреженія,—что еще стыднѣе,—и роскошь развивается безопасно. Если хочешь того, что еще не запрещено, то страхъ запрещенія впереди; но если ты безнаказанно преступаешь запрещеніе, то тебя ужъ не удержитъ ни страхъ, ни стыдъ. Отчего предки наши жили такъ экономно? Потому что каждый умѣрялъ свои желанія, потому что всѣ мы были граждане одного города. Даже владѣя Италіей, мы еще не имѣли этихъ страстей. Внѣшнія войны научили насъ расточать чужое, гражданскія—свое собственное богатство. Эдили хлопочутъ о мелочи, ничтожной въ сравненіи съ прочимъ. Никто, небось, не донесетъ, что Италія не можетъ существовать безъ чужеземныхъ богатствъ, что жизнь

римскаго народа ежедневно подвергается опасностямъ моря и бурь, что если бы богатства провинцій не шли на помощь владѣльцамъ, рабамъ и полямъ, то ни лѣса, ни деревни наши не могли бы насъ пропитать. Объ этомъ, сенаторы, заботится государь; оставь это безъ вниманія, и республика погибла. Остальному пусть каждый помогаетъ по своему, пусть насъ поведетъ по лучшему пути совѣсть, бѣдныхъ нужда, богатыхъ пресыщеніе. Если кто изъ чиновниковъ понадѣется на свою дѣятельность и строгость и захочетъ бороться со зломъ, того я хвалю и сознаюсь, что онъ облегчаетъ мнѣ часть трудовъ моихъ. Если же они хотятъ ограничиться донесеніемъ о порокѣ и, довольствуясь этой славой, сложить все на меня,—то, право, я вовсе не желаю, чтобы меня ненавидѣли. Достаточно уже испыталъ я ненависти за республику, и большею частью несправедливо, и въ правѣ желать, чтобы она не падала ни на меня, ни на васъ попусту и безъ пользы.

55.

Выслушавъ письмо Цезаря, сенатъ освободилъ эдилей отъ этой отвѣтственности и роскошь стола продолжала свирѣпствовать почти сто лѣтъ, отъ битвы Акціумской до войны, доставившей престолъ Сервію Гальбѣ; потомъ начала понемногу уменьшаться. Интересно прослѣдить причины такого явленія. Прежде, бывало, богатые патриціи или знаменитые люди соперничали между собою въ великолѣпіи: тогда еще можно было покровительствовать народу, союзникамъ, царствамъ или искать ихъ покровительства, и извѣстность пріобрѣталась богатствами, дворцами, великолѣпіемъ, именемъ и числомъ кліентовъ. Потомъ много было пролито крови, извѣстность стала вести къ погибели и люди взялись за умъ.

Въ тоже время неизвѣстныя лица изъ муниципій и колоній стали наполнять сенатъ и ввели снова умѣренность въ домашнюю жизнь, и хотя большею частью они въ старости нажили себѣ деньги,—счастьемъ или умѣньемъ,—но не покинули прежняго образа жизни. Во всякомъ случаѣ главнымъ виновникомъ перемѣны былъ Веспасіанъ, котораго столъ и жизнь напоминали древнихъ. Желаніе нравиться и подражать государю сильнѣе кары законовъ и страха. А можетъ быть на все есть въ мірѣ періоды и нравы мѣняются какъ времена Не все было лучше у древнихъ и нашъ вѣкъ оставитъ потомкамъ много достойнаго подражанія въ дѣлахъ и искусствахъ. Но для насъ въ дѣлѣ благороднаго соревнованія предки наши останутся образцами.

56.

Тиберій, котораго уже стали называть добрымъ за то, что онъ такимъ образомъ остановилъ потокъ обвинителей, послалъ письмо въ сенатъ, прося для Друза трибунической власти. Августъ придумалъ это названіе для верховнаго могущества, чтобы не именоваться ни царемъ, ни диктаторомъ, а подъ какимъ бы то ни было именемъ быть выше всѣхъ прочихъ властей. Потомъ взялъ себѣ онъ въ товарищи этой власти Марка Агриппу, а по смерти его Тиберія Нерона, дабы извѣстенъ былъ наслѣдникъ престола. Этимъ думалъ онъ разрушить незаконныя надежды другихъ, да и былъ увѣренъ въ покорности Нерона и своемъ величіи. По этому примѣру Тиберій пріобщилъ къ правленію Друза: при жизни Германика онъ не рѣшался отдать предпочтеніе одному изъ нихъ. Онъ началъ письмо воззваніемъ къ богамъ, прося ихъ обратить начинанія его на благо республикѣ, потомъ говорилъ кое-что о характерѣ юноши, и, преувеличивая, напо-

миналъ, что у него жена и трое дѣтей, что онъ достигъ того возраста, въ которомъ онъ самъ былъ призванъ Августомъ къ исправленію этой должности.

— Я беру его въ товарищи трудовъ моихъ, писалъ онъ, не спѣша выборомъ, а потому что онъ уже пріобрѣлъ восьмилѣтнюю опытность, подавилъ возстанія, окончилъ нѣсколько войнъ, получилъ тріумфъ и былъ два раза консуломъ.

57.

Сенаторы предвидѣли давно эту рѣчь, и лесть была самая изысканная. Впрочемъ не придумали ничего, кромѣ статуй Тиберію и Друзу, алтарей богамъ, храмовъ, арокъ и пр., какъ всегда бывало. Только Маркъ Силанъ хотѣлъ почтить государей, унижая власть консульскую, и предложилъ, чтобы на публичныхъ и частныхъ памятникахъ время означалось не именемъ консуловъ, а именемъ лица, облеченнаго саномъ трибуна. Квинтъ Гатерій предложилъ увѣковѣчить золотыми буквами въ куріи сенатскія рѣшенія того дня. Старика осмѣяли, и изъ лести своей онъ почерпнулъ только безславіе.

58.

Между тѣмъ для Юнія Блеза продолжили управленіе Африкой, а Сервій Малугиненсъ, жрецъ Юпитера, просилъ, чтобы его не исключали изъ числа тѣхъ, кому по жребію можетъ достаться Азія.

— Несправедливо, говорилъ онъ, будто бы жрецы Юпитера не смѣютъ выѣзжать изъ Италіи; ихъ права ничѣмъ не разнятся отъ правъ жрецовъ Марса и Квирина, а если этимъ позволено управлять провинціями, то на какомъ осно-

ваніи можно это запретить жрецу Юпитера? Я не нахожу такого запрещенія ни въ опредѣленіяхъ народа, ни въ священныхъ книгахъ. Часто понтифексъ священнодѣйствовалъ за жреца Юпитера, если его удерживала болѣзнь или должность. Послѣ убіенія Корнелія Мерулы, въ продолженіи 72 лѣтъ, никто его не замѣщалъ, но богослуженіе не прекращалось. Если столько лѣтъ сряду можно было не избирать жреца Юпитера безъ всякаго вреда обрядамъ, то что можетъ значить годичное отсутствіе съ проконсульскою властью? Изъ частныхъ видовъ понтифексы когда то запретили жрецу Юпитера отъѣзжать въ провинціи; теперь же, по милости боговъ, верховный жрецъ въ тоже время властелинъ надъ всѣми людьми, и не причастенъ ни соперничеству, ни ненависти, ни пристрастію.

59.

Авгуръ Лентулъ и другіе приводили въ рѣчахъ своихъ различные доводы противъ Сервія и рѣшено—предоставить все великому жрецу. Тиберій, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о правѣ жреца Юпитера, умѣрилъ торжество по случаю избранія Друза въ трибуны и укорялъ Силана за необыкновенное предложеніе, говоря, что золотыя литеры противны обычаямъ предковъ. Читано было письмо Друза, которое, не смотря на скромныя по видимому выраженія, было принято какъ самое надменное.

— До чего все пало! Молодой человѣкъ, получивъ такую почесть, не думаетъ даже пріѣхать въ городъ благодарить боговъ, явиться въ сенатъ, начать новое поприще подъ покровительствомъ родной земли! Война идетъ, ему надо разъѣзжать по берегамъ и озерамъ Кампаніи! Вотъ какъ воспитанъ властелинъ человѣческаго рода! Это пер-

вый урокъ его отца. Довольно, что старый императоръ ненавидитъ присутствіе людей, извиняясь лѣтами и работами; а Друза что̀ можетъ удержать, кромѣ наглости?

60.

А Тиберій, укрѣпляя за собою всю власть, оставлялъ сенату только видъ древней независимости, отдавая на рѣшеніе отцовъ всѣ требованія провинцій. Въ греческихъ городахъ безнаказанно возрастало своеволіе убѣжищъ (asyla); храмы наполнялись безпутнѣйшими рабами, тутъ скрывались должники отъ кредиторовъ, уголовные преступники отъ казни. Не было никакой возможности укрощать народъ, защищавшій преступленія людей, на основаніи религіозныхъ постановленій. И приказано городамъ прислать доказательства на свои права и пословъ. Нѣкоторые добровольно оставили противузаконно присвоенное право держать притоны, многіе основывались на древнихъ постановленіяхъ и услугахъ, оказанныхъ римскому народу. Великъ казался тотъ день, когда сенатъ сталъ разбирать дѣянія предковъ, договоры съ союзниками, даже указы царей, жившихъ до развитія Римскаго могущества, и поклоненіе богамъ,—и свободенъ былъ, какъ прежде, утвердить или измѣнить что угодно.

61.

Прежде всего пришли Эфезійцы и говорили:

— Ошибочно общее мнѣніе, что Діана и Аполлонъ родились на островѣ Делосѣ. У насъ есть рѣка Ценхрій, священная роща Ортигія, гдѣ брюхатая Латона родила эти божества; есть даже олива, къ которой она тогда прислонялась, и роща эта священна по волѣ боговъ. Самъ Аполлонъ по

убіеніи циклоповъ, скрывался тутъ отъ гнѣва Юпитера. Вскорѣ Вакхъ, побѣдитель Амазонокъ, внялъ мольбамъ тѣхъ изъ нихъ, которыя окружили алтарь. Когда Геркулесъ покорялъ Лидію, онъ далъ храму новые обряды, Персы не отняли у него правъ, которыя сохранялись потомъ у Македонянъ и наконецъ у насъ.

62.

Потомъ Магнезійцы основывались на распоряженіяхъ Луція Сципіона и Луція Суллы: первый разбивъ Антіоха, второй Митридата, наградили храбрость Магнезійцевъ, приказавъ чтобы храмъ Діаны Левкофрины былъ священнымъ убѣжищемъ. Афродизіанцы и Стратоникійцы приводили декретъ диктатора Цезаря о старыхъ услугахъ и недавній декретъ Августа, заключавшій въ себѣ похвалу за то, что при вторженіи Парѳянъ они остались вѣрны Римскому народу. Афродизіанцы поклонялись Венерѣ, Стратоникійцы Юпитеру и Гекатѣ. Гіероцезаріанцы брали выше, говоря, что Киръ основалъ у нихъ храмъ Діаны Персидской; они припомнили о Перпернѣ, Изаврикѣ и другихъ полководцахъ, признававшихъ неприкосновенность не только храма, но и окружности его на пространствѣ двухъ тысячь шаговъ. Наконецъ жители Кипра защищали три храма: древній Паѳосской Венеры, построенный Эріасомъ, Амаѳузской Венеры, основанный его сыномъ Амаѳусомъ и третій Юпитера Саламинскаго, основанный Тевкромъ, бѣжавшимъ отъ гнѣва отца Теламона.

63.

Выслушаны также и посольства союзныхъ государствъ. Сенаторы, утомленные множествомъ этихъ дѣлъ и желая

избѣгнуть жаркихъ споровъ, поручили консуламъ разсмотрѣть притязанія, изслѣдовать, что въ нихъ есть несправедливаго, и тогда все дѣло, какъ оно есть, возвратить снова въ сенатъ. Консулы донесли о вышеупомянутыхъ городахъ, что можно признать только священное убѣжище Эскулапа въ Пергамѣ, прочіе основываются на слишкомъ древнихъ и потому темныхъ началахъ. Такъ жители Смирны приводятъ оракулъ Аполлона, приказавшій имъ построить храмъ Венерѣ Стратоникейской; Теніонцы основываются на такомъ же оракулѣ, повелѣвавшимъ воздвигнуть храмъ и статую Нептуну. Жители Сардеса представляютъ доводы поновѣе, Александръ наградилъ ихъ послѣ послѣ побѣды; Милезійцы подобнымъ же образомъ опираются на Дарія, и тѣ и другіе поклоняются Діанѣ и Аполлону. Критяне просятъ права убѣжища для статуи Августа.

Сенатъ издалъ рѣшенія, которыя, не нарушая почета, положили мѣру всему, и приказалъ въ самыхъ храмахъ укрѣпить мѣдныя доски, на которыхъ изобразить данныя права для сохраненія въ памяти потомства, чтобы самолюбіе не могло скрываться подъ религіозной маской.

64.

Въ это же время жестокая болѣзнь Юліи Августы заставила Тиберія поспѣшно пріѣхать въ Римъ. Мать и сынъ жили еще между собою въ согласіи, а если и ненавидѣли другъ друга, то втайнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не задолго до того Юлія посвящала статую Августа близь театра Марцелла и начертала на ней имя Тиберія послѣ своего: думаютъ, что онъ принялъ это за униженіе своего величества и глубоко сокрылъ въ душѣ чувствительную обиду. Но сенатъ все-таки назначилъ моленія, великія игры, которыми

должны были распоряжаться жрецы, авгуры, квиндецимвиры, септемвиры и жрецы Августа. Луцій Апроній хотѣлъ, чтобы между распорядителями были и феціалы, но Цезарь воспротивился этому, доказывая примѣрами, что права жрецовъ различны, что феціалы никогда не имѣли подобной чести, а августальскіе допущены, какъ жрецы собственно той фамиліи, о которой молятъ боговъ.

65.

Я вовсе не намѣренъ излагать всѣ рѣшенія сената, а только тѣ, которыя замѣчательны съ хорошей или съ дурной стороны. По моему мнѣнію главная цѣль лѣтописи спасти отъ забвенія доблести и устрашить постыдныя слова и дѣла карою потомства и безславіемъ. Впрочемъ эта эпоха была такъ заражена пороками и запятнана грязною лестью, что не только вельможи, которымъ нужно было угодливостью загладить свою извѣстность, но даже всѣ консулары, бо́льшая часть бывшихъ преторовъ, простые сенаторы—всѣ какъ бы состязались между собою, кто скорѣе выскажетъ подлое и унизительное мнѣніе. Разсказываютъ, что Тиберій, выходя изъ сената, часто восклицалъ по-гречески:

— О люди, созданные для рабства!

Даже ему, врагу народной свободы, противна была такая жалкая рабская низость!

66.

А отъ низости не далеко было перешагнуть къ жестокости. Консуларъ Мамеркъ Скавръ, преторъ Юній Отонъ, эдиль Брутидій Нигеръ обвинили Кая Силана, проконсула Азіи, во взяткахъ, въ оскорбленіи божества Августа и ве-

личества Тиберія. Мамеркъ выставлялъ на видъ древніе примѣры, какъ Сципіонъ Африканскій обвинялъ Луція Котту, цензоръ Катонъ Сервія Гальбу, Маркъ Скавръ Рутилія. Какъ будто Сципіонъ, Катонъ и знаменитый Скавръ,—имя котораго нынѣшній правнукъ его Мамеркъ позорилъ постыдными дѣлами,—какъ будто эти люди преслѣдовали подобныя преступленія! Юній Отонъ былъ прежде школьнымъ учителемъ; по протекціи Сеяна сдѣлался сенаторомъ и даже свое темное происхожденіе запятналъ безстыдствомъ и наглостью. Брутидій былъ человѣкъ съ благородными убѣжденіями и достигъ бы знаменитости, если бы шелъ по прямому пути: но по горячности характера хотѣлъ онъ превзойти равныхъ себѣ, потомъ высшихъ и наконецъ самого себя. Много хорошихъ людей погибло отъ того, что, презирая медленный, но вѣрный ходъ, они съ опасностью для себя ускоряли его преждевременно.

67.

Къ обвинителямъ присоединились Квесторъ Силана Геллій Публикола и легатъ Маркъ Паконій. Не было сомнѣнія, что Силанъ былъ виновенъ въ жестокости и бралъ взятки, но къ этому накопили еще много такого, что могло бы погубить самыхъ невинныхъ; кромѣ того, что онъ нашелъ столько противниковъ въ сенаторахъ, нарочно были призваны для обвиненія лучшіе ораторы Азіи,—и одинъ онъ долженъ былъ бороться съ ними, вовсе не обладая даромъ краснорѣчія, да еще находясь подъ вліяніемъ страха, который можетъ смутить даже опытнаго оратора; къ тому же Тиберій не переставалъ устрашать его словомъ и взглядомъ, безпрестанно аттакуя его своими вопросами, отъ которыхъ онъ не могъ уклониться, которыхъ не имѣлъ даже права отражать,

и часто долженъ былъ соглашаться съ Тиберіемъ, дабы вопросы его не оставались совершенно безотвѣтны. Фискальный чиновникъ (actor publicus) купилъ рабовъ Силана, чтобы можно было подвергнуть ихъ пыткѣ, а дабы никто изъ приближенныхъ не вступился за обвиненнаго, приписали ему преступленія противъ величества, сковывавшія уста всѣхъ и каждаго. Вотъ почему, испросивъ нѣсколько дней сроку, Силанъ отказался отъ оправданія, и дерзнулъ только къ Цезарю написать письмо,—смѣсь жалобъ съ просьбами.

68.

Тиберій, желая извинить себя примѣромъ въ той участи, которую онъ готовилъ Силану, приказываетъ прочесть записку божественнаго Августа о Волезѣ Мессалѣ, также проконсулѣ Азіи, и приговоръ, произнесенный противъ него сенатомъ. Потомъ спрашиваетъ мнѣніе Луція Пизона, который, наговоривъ сначала много о милости государя, заключилъ тѣмъ, чтобы изгнать Силана навсегда на островъ Гіаръ; остальные согласились съ нимъ, только Кней Лентулъ, при одобреніи Тиберія, замѣтилъ, что нужно бы отдѣлить материнское имѣніе Силана и отдать его сыну.

69.

Корнелій Долабелла, желая опередить прочихъ въ лести, сталъ порицать безнравственность Силана, и прибавилъ, что надо бы лишать должностей въ провинціяхъ всякаго человѣка дурной жизни и репутаціи, и предоставить такія отрѣшенія самому Цезарю.

— Законы караютъ преступленія: и намъ будетъ легче, и союзникамъ лучше, если мы предотвратимъ возможность преступленій.

Цезарь отвѣчалъ:

— Что ему не безъизвѣстна была репутація Силана, но нельзя основываться на одной молвѣ; многіе начальники провинцій обманули ожиданія—хорошія и дурныя. Государь не можетъ самъ собою все знать, не долженъ и поддаваться вліянію честолюбцевъ. Законы основываются на совершившихся фактахъ, а будущее неизвѣстно; уже древніе постановили, что наказаніе должно быть послѣ преступленія: не должно нарушать мудрыя и всѣми одобренныя постановленія; у Цезаря довольно заботъ, довольно и власти; коль скоро замѣшалось самовластіе, — попраны права; не должно дѣйствовать произволомъ тамъ, гдѣ можетъ дѣйствовать законъ.

Чѣмъ рѣже у Тиберія прорывалась подобная популярность, тѣмъ радостнѣе принималъ ее народъ. Умѣя сдерживать себя, когда онъ не былъ лично затронутъ, Тиберій прибавилъ,

— Что островъ Гіаръ дикъ и не воздѣланъ рукою человѣка; пусть сенаторы изъ уваженія къ роду Юніевъ и къ прежнимъ заслугамъ Силана, позволять ему удалиться на островъ Китнъ; объ этомъ проситъ и сестра Силана Торквата, весталка античной нравственности.

Сенаторы уступили.

70.

Послѣ этого выслушаны были Киренейцы и наказанъ за взятки Цезій Кордъ, обвиненный Анхаріемъ Прискомъ. Луцій Энній, римскій всадникъ, былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества, потому что растопилъ серебряную статую Тиберія, имѣя надобность въ серебрѣ. Тиберій запретилъ его преслѣдовать, при чемъ Атей Капитонъ, какъ бы въ порывѣ либерализма, громко воскликнулъ:

— У сената нельзя отнимать право суда, и такое преступленіе не должно остаться безнаказаннымъ! Тиберій воленъ терпѣливо сносить личныя оскорбленія, — но нельзя терпѣть оскорбленій государства!

Тиберій, принявъ во вниманіе смыслъ рѣчи, а не самыя слова, настоялъ на своемъ заступничествѣ. Тѣмъ безвозвратнѣе погибла репутація Капитона, что онъ посрамилъ этой выходкой и свои глубокія познанія въ гражданскомъ и священномъ правѣ, и свою административную способность, и свои семейныя добрыя качества.

71.

Поднятъ былъ религіозный вопросъ, въ какомъ храмѣ поставить приношеніе Фортунѣ Эквестрѣ, сдѣланное римскими всадниками для выздоровленія Августы. Много было въ городѣ храмовъ Фортуны, но не было ни одного съ прозваніемъ Эквестры. Открыли наконецъ въ Анціумѣ храмъ съ этимъ прозваніемъ, и приказано перенести туда пожертвованіе, на томъ основаніи, что всѣ религіозные обряды, храмы и статуи боговъ въ городахъ Италіи подчинены правамъ и власти Рима. По случаю этихъ религіозныхъ вопросовъ, Цезарь возвратился къ дѣлу Сервія Малугиненса, жреца Юпитера, которое было недавно отсрочено, и прочелъ декретъ верховныхъ жрецовъ: что если болѣзнь заставитъ жреца Юпитера отлучиться изъ Рима, то онъ долженъ это сдѣлать не иначе, какъ съ разрѣшенія верховнаго жреца, отлучаться не болѣе, какъ на двѣ ночи, не болѣе двухъ разъ въ годъ, и не въ дни публичнаго жертвоприношенія. Это постановленіе, состоявшееся еще при Августѣ, очевидно показывало, что жрецы Юпитера не могутъ ни отлучаться на годъ, ни править провинціями. Припомнили примѣръ

великаго жреца Луція Метелла, удержавшаго жреца Юпитера Авла Постумія. Азія была предоставлена старшему консулару послѣ Малугиненса.

72.

Около этого же времени Лепидъ просилъ позволеніе у сената исправить и украсить на свой счетъ базилику Павла Эмилія,—монументъ рода Эмиліевъ;—тогда еще въ обычаѣ была такая публичная роскошь, и Августъ не мѣшалъ Тавру, Филиппу, Бальбу посвящать на украшеніе города или на прославленіе ихъ рода военную добычу или излишнія богатства. Слѣдуя ихъ примѣру, Лепидъ, хотя и бѣдный человѣкъ, хотѣлъ поддержать славу своихъ предковъ.—

Театръ Помпея, по случаю, сгорѣлъ, и Цезарь обѣщалъ соорудить новый, потому что никто изъ Помпеева рода не былъ въ состояніи его возобновить, и оставилъ при немъ имя Помпеева театра. По этому случаю онъ превознесъ похвалами Сеяна, потому что его дѣятельностью и неусыпностью прекращено было дальнѣйшее распространеніе пламени и вся потеря ограничилась этимъ театромъ, и Сенаторы тотчасъ приговорили: поставить Сеяну статую близь театра Помпея. Немного спустя Цезарь, удостоивая Юнія Блеза, проконсула Африки, тріумфальными знаками, сказалъ, что онъ это дѣлаетъ въ честь Сеяна, которому Блезъ былъ дядя.

73.

А подвиги Блеза дѣйствительно заслуживали такой чести. Такфаринъ, хотя и отраженный многократно, возобновилъ свои силы во внутренности Африки и дошелъ до такой наглости, что отправилъ къ Тиберію пословъ, требовать мѣста

жительства себѣ и своему войску, угрожая въ противномъ случаѣ вѣчною войной. Говорятъ, что никогда еще Цезарь не былъ такъ заживо задѣтъ оскорбленіемъ, какъ въ своемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ римскаго народа: дезертиръ и разбойникъ разыгрывалъ роль противника. Когда Спартакъ разбилъ нѣсколько консульскихъ войскъ, и безнаказанно опустошалъ Италію,—и тутъ его не удостоили мирнымъ договоромъ, хотя республика боролась въ то время съ Серторіемъ и Митридатомъ; такъ неужели теперь римскій народъ, находясь на верху славы и величія, захочетъ купить миръ у разбойника Такфарина уступкою земель? И Цезарь приказываетъ Блезу объявить прощеніе всѣмъ возмутителямъ, которые положатъ оружіе, а самаго Такфарина изловить во что бы то ни стало.

74.

Многіе воспользовались предложеннымъ прощеніемъ, а противъ Такфарина употребленъ былъ его же способъ вести войну. Такъ какъ его войско не могло въ силахъ соперничать съ нашимъ, но превосходное для грабежей, было раздѣлено на нѣсколько отрядовъ, которые производили набѣги, избѣгали сраженія и садились въ засады, то и Блезъ раздѣлилъ войско на три части и далъ имъ три маршрута: легатъ Корнелій Сципіонъ начальствовалъ отрядомъ, который долженъ былъ охранять отъ набѣговъ Лептитановъ и пересѣчь Такфарину обратный путь къ Гарамантамъ; съ другой стороны сынъ Блеза охранялъ переходъ чрезъ земли Циртійскія; въ срединѣ самъ Блезъ съ избраннымъ войскомъ разставилъ въ удобныхъ мѣстахъ укрѣпленія. Непріятель былъ сжатъ, стѣсненъ отовсюду; въ какую бы сторону онъ не обратился, часть римскаго войска была или передъ нимъ или во флангѣ

его, или въ тылу. Много народу у него было убито или взято въ плѣнъ. Тогда Блезъ раздѣляетъ войско на многіе мелкіе отряды, поручая ихъ центуріонамъ испытанной храбрости, и по окончаніи лѣта не уводитъ солдатъ, какъ это всегда водилось, на зимнія квартиры въ старую провинцію, а размѣщаетъ ихъ по укрѣпленіямъ на самомъ рубежѣ войны; опытные солдаты, знакомые уже съ этими пустынями, прогоняютъ Такфарина съ одного мѣста на другое. Только взявъ Такфаринова брата, Блезъ воротился изъ похода, слишкомъ поспѣшно для блага провинціи, потому что остались возжигатели войны. Тиберій считая войну оконченною, позволилъ, чтобы войска привѣтствовали Блеза императоромъ, какъ это дѣлывали въ старину легіоны въ пылу радости послѣ побѣды съ своими достойными предводителями. Бывало помногу императоровъ вмѣстѣ, титулъ этотъ не давалъ никакихъ особенныхъ правъ. Августъ кое-кому разрѣшалъ носить его, а теперь Тиберій Блезу—въ послѣдній разъ.

75.

Въ этомъ году умерли знаменитые люди Азиній Салонинъ (76) внукъ Марка Агриппы и Полліона Азинія, извѣстный какъ братъ Друза и женихъ внучки Тиберія, — и Капитонъ Атей, о которомъ я уже говорилъ, занявшій первое мѣсто въ государствѣ по своимъ глубокимъ знаніямъ законовъ; но внукъ какого-то центуріона изъ войскъ Суллы, сынъ претора. Августъ поспѣшилъ его возвести въ консульское званіе, чтобы помочь ему такимъ блистательнымъ повышеніемъ затмить столь же знаменитаго Лабеона Антистія:

---

(76) Сынъ Азинія Галла и Випсаніи Агриппины, первой жены Тиберія, матери Друза.

оба они были въ этотъ вѣкъ украшеніемъ отечества. Но Лабеонъ былъ болѣе знаменитъ, какъ неподкупный республиканецъ, а Капитонъ по своей угодливости былъ въ большей милости у Цезарей. Лабеонъ остался на вѣкъ преторомъ, и эта несправедливость еще болѣе его прославила; Капитонъ сдѣлался консуломъ, — и изъ зависти всѣ стали его ненавидѣть.

76.

На 64-мъ году послѣ битвы при Филиппахъ, дожила дни своей жизни Юнія, племянница Катона, вдова Кассія и сестра Брута (77). Ея завѣщаніе надѣлало много шуму, потому что, завѣщая свои огромныя богатства разнымъ знаменитымъ людямъ, она не упомянула о Тиберіѣ. Онъ не обидился и позволилъ хоронить ее со всѣмъ почетомъ и говорить похвальное слово съ ростръ въ ея честь. Во главѣ процессіи несли двадцать знаменитыхъ фамильныхъ портретовъ: тутъ были и Манліи и Квинтіи, и другіе, не менѣе извѣстныя имена. Но всѣхъ ихъ затмѣвали Кассій и Брутъ, именно тѣмъ, что ихъ портретовъ не было видно.

(77) Сервилія, сестра Катона Утическаго, была сначала за Юніемъ Силаномъ—отъ этого брака родилась Юнія. Потомъ Сервилія вышла за Брута—отъ этого брака родился знаменитый Брутъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

От осн. Рима 776—781 года. По Р. Х. 23—28 года.

776,—23.

1.

Въ Консульство Кая Азинія и Кая Антистія наступилъ девятый годъ мирнаго правленія Тиберія и процвѣтанія его дома,—потому что смерть Германика считалъ онъ въ числѣ благопріятныхъ событій,—какъ вдругъ счастіе повернулось; Тиберій сталъ жестокъ и началъ покровительствовать жестокостямъ въ другихъ. Началомъ и причиною всему былъ Элій Сеянъ, префектъ преторіанскихъ когортъ, о власти котораго я уже упоминалъ. Теперь я разскажу о его происхожденіи, характерѣ, о томъ, какими преступными путями пролагалъ онъ себѣ путь къ властвованію. Онъ родился въ Вульсиніяхъ. Отецъ его былъ римскій всадникъ, Сей Страбонъ. Первую молодость провелъ онъ съ Каемъ Цезаремъ, внукомъ Августа (78) Носился слухъ о его преступной связи, изъ корыстныхъ видовъ, съ расточительнымъ богачемъ Апи-

(78) Сыномъ Агриппы и Юліи.

ціемъ. Въ послѣдствіе онъ такъ хитро завладѣлъ Тиберіемъ, что не смотря на свою скрытность, Тиберій былъ съ нимъ откровененъ до неосторожности, впрочемъ не столько вслѣдствіе пронырства Сеяна (потому что онъ самъ палъ жертвою подобныхъ же козней), сколько вслѣдствіе гнѣва боговъ противъ римлянъ, которымъ возвышеніе и паденіе его были пагубны. Крѣпкое сложеніе его легко переносило труды, умъ его былъ смѣлъ: ловко скрывая свои пороки, онъ нагло обвинялъ другихъ; это была смѣсь лести и гордости; снаружи поддѣльная скромность, — внутри необузданное властолюбіе, для удовлетворенія котораго ему служили и расточительность, и роскошь, а еще чаще ловкость и бдительность, которыя столь же вредны, если подъ ними скрывается властолюбивая цѣль.

2.

Онъ усилилъ власть префектовъ, до него очень умѣренную, собравъ размѣщенныя по городу когорты въ одинъ лагерь, чтобы онѣ могли всѣ разомъ получать его приказанія и дабы, при видѣ ихъ силы, числа и взаимной довѣренности, вкоренилось мнѣніе, что онѣ увѣрены въ себѣ и страшны для другихъ. Онъ говорилъ, что солдаты развращаются, живя въ разбродъ, что въ случаѣ скорой надобности пособіе войскъ будетъ дѣйствительнѣе, что дисциплину можно сохранять гораздо строже вдали отъ городскихъ удовольствій. Какъ только лагерь былъ готовъ, Сеянъ началъ вкрадываться въ умы солдатъ, навѣщая ихъ, называя по именамъ, самъ сталъ назначать центуріоновъ и трибуновъ, не пренебрегалъ и тѣмъ, чтобы задобрить сенаторовъ, и доставить своимъ кліентамъ почести и провинціи въ управленіе. Тиберій былъ къ нему до того снисходителенъ и пристрастенъ, что не

только въ частныхъ бесѣдахъ, но предъ сенатомъ и всенародно прославлялъ его, какъ товарища своихъ трудовъ и позволялъ ставить его изображенія въ театрахъ и на площадяхъ, среди легіоновъ.

3.

Но многочисленность семейства Цезаря, молодой сынъ, взрослые внуки, —все это были препятствія для замысловъ честолюбца; свергнуть ихъ всѣ разомъ было не безопасно, а чтобъ извести всѣхъ тайнымъ образомъ, нужны были промежутки, однакожъ онъ избралъ тайный путь и положилъ начать съ Друза, который незадолго предъ тѣмъ оскорбилъ его. Друзъ, очень вспыльчивый, не могъ переносить соперничества, и въ какой-то ссорѣ поднялъ на Сеяна руку; Сеянъ хотѣлъ защищаться и получилъ пощечину. Готовый на все, онъ разсчелъ, что всего лучше обратиться къ женѣ Друза Ливіи, сестрѣ Германика, которая въ первой молодости не была красива собой, а въ послѣдствіи сдѣлалась знаменитой красавицей. Представившись влюбленнымъ, онъ вовлекъ ее въ преступную связь; и заставивъ ее совершить этотъ первый шагъ на пути преступленій (а женщина, потерявшая стыдъ, на все способна), онъ внушилъ ей желаніе и надежду соединиться съ нимъ бракомъ, раздѣлить съ нимъ верховную власть, и для того убить мужа. И племянница Августа, сноха Тиберія, мать Друзовыхъ дѣтей посрамила своихъ предковъ и потомковъ, отдавшись провинціалу, промѣнявъ почетное настоящее на преступную неизвѣстность будущаго. Они взяли въ сообщники Эвдема, друга и медика Ливіи, который по своему ремеслу могъ ее посѣщать втайнѣ. Чтобы не причинить неудовольствія Ливіи, Сеянъ прогналъ отъ себя жену свою Апикату, отъ которой имѣлъ уже трехъ

дѣтей. Но великость преступленія страшила ихъ; они то откладывали, то измѣняли рѣшеніе.

4.

Въ началѣ года Друзъ, одинъ изъ дѣтей Германика, надѣлъ мужскую тогу; по этому случаю сенатъ повторилъ всѣ декреты, изданные имъ прежде для брата Друзова Нерона. Цезарь прибавилъ еще отъ себя похвальную рѣчь своему сыну, превозносилъ его отеческую привязанность къ племянникамъ. Въ самомъ дѣлѣ Друзъ былъ справедливъ къ нимъ или по крайней мѣрѣ не враждебенъ, хотя рѣдко можно найти соединеніе могущества съ согласіемъ.

За тѣмъ Тиберій возобновилъ свой старый, и часто мнимый, проэктъ, — путешествія по провинціямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что число ветерановъ чрезмѣрно увеличилось и что надо пополнить войска избранными солдатами; волонтеровъ нѣтъ; а если и есть, то нѣтъ въ нихъ ни прежней храбрости, ни хорошаго поведенія, большею частью въ военную службу идутъ нищіе да бродяги. Тиберій далъ краткій отчетъ о числѣ и расположеніи легіоновъ по провинціямъ. И я здѣсь думаю сдѣлать тоже и показать, сколько было тогда у римлянъ войскъ, союзниковъ, царей и на сколько была имперія ограниченнѣе нынѣшняго.

5.

Италію охраняли съ двухъ сторонъ два флота, одинъ у Мизенскаго мыса, другой у Равенны; у Галльскихъ береговъ были ростральные корабли, которыми Августъ овладѣлъ въ Актіумской битвѣ и которые послалъ съ многочисленнымъ экипажемъ въ Юлійскій Форумъ. Главная си-

ла, въ числѣ восьми легіоновъ, была на Рейнѣ, противъ попытокъ Германцевъ и Галловъ. Три легіона находились въ недавно покоренной Испаніи. Царь Юба получилъ въ даръ отъ римскаго народа Мавританію; въ Египтѣ было два легіона, въ остальной Африкѣ столько же; далѣе, на всемъ огромномъ пространствѣ земли, начиная отъ Сиріи и до рѣки Ефрата находилось четыре легіона, охранявшіе Иберскаго, Альбанскаго и другихъ царей, бывшихъ подъ римскимъ покровительствомъ, отъ внѣшнихъ враговъ. Во Ѳракіи былъ Реметалкъ и дѣти Котиса, по берегамъ Дуная расположены были два легіона въ Панноніи, два въ Мезіи, столько же въ Далмаціи; эти послѣдніе, находясь въ тылу у первыхъ и не далеко отъ Италіи, могли въ случаѣ нужды подать ей быструю помощь. Впрочемъ въ Римѣ было собственное войско, состоявшее изъ трехъ городскихъ и девяти преторіанскихъ когортъ, набранныхъ въ Этруріи, Умбріи; древнемъ Лаціумѣ и старыхъ римскихъ колоніяхъ. Въ удобныхъ мѣстахъ по провинціямъ были размѣщены корабли, конница и пѣхота союзниковъ были почти равносильны нашимъ; но нельзя ничего положительно сказать ни о числѣ ихъ, которое безпрестанно увеличивалось и уменьшалось, ни о расположеніи, измѣнявшемся смотря по надобности.

6.

Здѣсь, я думаю, у мѣста будетъ прослѣдить и остальныя отрасли администраціи, показать, какъ шли дѣла до того дня, когда Тиберій измѣнилъ характеръ своего правленія къ худшему. Публичныя дѣла и большая часть частныхъ рѣшались въ засѣданіи сената; Тиберій позволялъ сенаторамъ высказывать ихъ мнѣнія и даже останавливалъ ихъ въ порывахъ лести. При раздачѣ наградъ онъ обращалъ вниманіе на про-

исхожденіе, на военные подвиги и гражданскіе таланты; можно было всегда ручаться, что награждены самые заслуженные люди; консулы и преторы сохранили свои отличія, даже мелкіе чиновники исправляли свою должность по прежнему; законы имѣли силу, когда дѣло шло не объ оскорбленіи величества. Римскіе всадники завѣдывали общественным продовольствіемъ, сборомъ податей и другихъ государственныхъ доходовъ. Вѣдѣніе своихъ частныхъ дѣлъ Тиберій поручалъ извѣстнѣйшимъ людямъ, даже не зная ихъ и основываясь на одной репутаціи, и, назначенные разъ, они такъ долго оставались при своихъ должностяхъ, что многіе даже такъ и состарѣлись. Народъ, правда, страдалъ отъ дороговизны хлѣба, но не по винѣ Цезаря; сколько могъ, боролся онъ съ безплодностью почвы и опустошеніями моря. Онъ заботился, чтобы на провинціи не налагали новыхъ поборовъ, чтобы алчность и корыстолюбіе правителей не усиливали старыхъ; не было ни тѣлеснаго наказанія, ни конфискацій.

7.

Мало было въ Италіи земель у Цезаря, скромны его слуги, немногочисленны вольноотпущенные, случалась ли у него тяжба съ частнымъ человѣкомъ, ее рѣшалъ на форумѣ законъ. Правда, все это не сопровождалось обходительностью, однако при жизни Друза Тиберій старался смягчать свой мрачный видъ, внушавшій большею частью страхъ. Со смертью Друза все перемѣнилось. Покуда онъ былъ живъ, Сеянъ, котораго могущество еще только начиналось, хотѣлъ пріобрѣсти извѣстность добрыми совѣтами, боялся въ Друзѣ мстителя, не скрывавшаго своей ненависти, и часто жаловавшагося,

— Что при жизни сына Тиберій выбралъ въ помощники чужаго человѣка. Того и гляди назовутъ его соправителемъ?

На пути властолюбія только первый шагъ труденъ, а переступи его,—найдутся приверженцы и агенты; уже построенъ для префекта лагерь, въ его руки отдана вся военная власть, статуя его между зданіями Кнея Помпея, внуки Друза будутъ внуками Сеяна:—послѣ этого остается только молить боговъ, чтобы они остановили его властолюбивые помыслы.

И не рѣдко, и при постороннихъ людяхъ говорилъ Друзъ такія рѣчи; впрочемъ самыя тайны его передавала преступная жена.

8.

Сеянъ, видя, что надо спѣшить, выбралъ ядъ, котораго медленное дѣйствіе походило на обыкновенную болѣзнь; уже восемь лѣтъ спустя узнали, что этотъ ядъ подалъ Друзу евнухъ Лигдъ. А Тиберій во все продолженіе его болѣзни, казалось, вовсе не былъ потрясенъ и, можетъ быть, только желая похвастать силою характера, ежедневно являлся въ сенатъ, даже по смерти его, покуда онъ еще не былъ погребенъ. Когда консулы въ знакъ скорби сѣли на мѣста простыхъ сенаторовъ, онъ попросилъ ихъ занять свои почетныя кресла, и когда сенаторы зарыдали, онъ преодолѣлъ свою скорбь и успокоилъ ихъ длинною рѣчью.

— Я знаю, говорилъ онъ, меня можно упрекнуть, что я прихожу въ сенатъ въ самую минуту такой скорби, когда обыкновенно даже рѣчи близкихъ людей бываютъ въ тягость, и на свѣтъ не глядишь; я не обвиняю такихъ людей въ малодушіи,—но признаюсь, ожидалъ болѣе мужественныхъ утѣшеній отъ подпоры республики.

Потомъ, пожалѣвъ о глубокой старости Августы, несовершеннолѣтіи внуковъ и своихъ преклонныхъ лѣтахъ, онъ просилъ привести дѣтей Германика:

— Единственное утѣшеніе въ настоящей скорби.

Консулы вышли и, убѣдивъ дѣтей, что нечего бояться, привели ихъ къ Тиберію.

— Сенаторы, сказалъ Тиберій при видѣ ихъ; когда эти дѣти лишились отца, я отдалъ ихъ на руки дядѣ и просилъ его, хотя у него были и собственныя дѣти, воспитывать тѣхъ и другихъ совершенно одинаково, образовать ихъ для себя и для потомства. Друза не стало,—и я обращаюсь къ вамъ. Заклинаю васъ, предъ богами и отечествомъ, примите къ себѣ правнуковъ Августа, потомковъ знаменитаго рода; смотрите за ними, займите для нихъ и мое и ваше мѣсто. Неронъ! Друзъ! Вотъ ваши отцы. По вашему рожденію, и пороки ваши и доблести—дѣло республики!

Э.

Со слезами выслушали сенаторы эту рѣчь и раздались благословенія. Остановись Тиберій на этомъ, и сердца переполнились бы соболѣзнованіемъ о его скорби и сочувствіемъ къ его славѣ; но онъ опять сталъ говорить о столько разъ осмѣянномъ и пустомъ проектѣ своемъ, отказаться отъ власти въ пользу консуловъ или кого-нибудь другого, — и поколебалъ довѣренность къ искренной части своей рѣчи. Сенатъ приказалъ воздать памяти Друза тѣ же почести, какія были воздаваемы Германику, впрочемъ съ большими прибавками: у лести есть также прогрессъ. Погребальная процессія особенно богата была изображеніями предковъ; длиннымъ рядомъ тянулись портреты Энея, родоначальника Юліевъ, всѣхъ Албанскихъ царей, Ромула, основателя Рима, знаменитыхъ Сабинянъ, Атта Клауза и другихъ Клавдіевъ.

10.

Разсказывая о смерти Друза, я привелъ факты, о которыхъ упоминаютъ лучшіе и заслуживающіе довѣріе историки; но нельзя не упомянуть также о слухахъ того времени, которые еще до сихъ поръ ходятъ въ народѣ. Говорятъ, что Сеянъ, обольстивши Ливію, чтобы вовлечь ее въ преступленіе, тѣмъ же путемъ привязалъ къ себѣ евнуха Лигда, любимаго Друзомъ за молодость и красоту и бывшаго однимъ изъ первыхъ его служителей. Согласившись съ соумышленниками на счетъ мѣста и времени отравленія, Сеянъ до того довелъ свою дерзость, чтобы отклонить подозрѣніе, что тайно донесъ Тиберію, будто Друзъ хочетъ его отравить, и совѣтовалъ остерегаться первой чаши вина, которую Друзъ поднесетъ ему за своимъ столомъ; старикъ вдался въ обманъ, и на пиру у Друза, получивъ чашу вина, передалъ ее самому Друзу. Тотъ, ничего не зная, съ юношескимъ жаромъ осушилъ ее залпомъ до дна, увеличивъ такимъ образомъ подозрѣніе: будто бы отъ страха и стыда призывалъ онъ на свою голову смерть, которую готовилъ отцу.

11.

Эти слухи сами по себѣ невѣроятны, не говоря о томъ, что не подтверждаются ни однимъ писателемъ. Неужели, не только опытный Тиберій, но даже какой-нибудь человѣкъ посредственнаго ума, подалъ бы собственною рукою смертную чашу своему сыну, не выслушавъ его, не оставивъ никакого исхода упрекамъ совѣсти? Неужели онъ не подвергнулъ бы прежде допросу того, кто подалъ ему ядъ, не разъискалъ бы зачинщика, не употребилъ бы противъ един-

ственнаго, и до тѣхъ поръ ни въ чемъ не подозрѣваемаго сына ту же систему медленности и выжиданія, которой слѣдовалъ даже съ чужими людьми? Но Сеяна считали способнымъ на всѣ возможныя злодѣянія; излишняя привязанность къ нему Цезаря породила въ народѣ ненависть къ тому и другому,—и стали вѣрить даже чудовищному и невѣроятному; къ тому же народъ склоненъ видѣть преступленія въ смерти властителей. Впрочемъ весь ходъ дѣла обнаружился, когда по доносу Апикаты, жены Сеяна, Эвдемъ и Лигдъ были подвергнуты пыткѣ; да и ни одинъ изъ самыхъ непріязненныхъ Тиберію историковъ, собирая и преувеличивая всѣ его дурныя дѣла, не обвиняетъ его въ этомъ преступленіи; я разсказалъ и опровергнулъ это преданіе, чтобы на положительномъ примѣрѣ показать ложность молвы и просить тѣхъ, кому попадется въ руки мой трудъ, не отдавать преимущества всюду распространеннымъ разсказамъ предъ простою истиной, неискаженной ничѣмъ чудеснымъ.

12.

Впрочемъ, пока Тиберій говорилъ съ ростръ надгробное слово сыну, сенатъ и народъ только наружно показывали знаки печали, а въ душѣ радовались новому возвышенію дома Германика. Это возрожденіе народной любви, а также и неосторожность матери Агриппины въ выраженіи своихъ надеждъ ускорили ея погибель. Видя, что убійцы Друза остаются безнаказанны, что даже въ народѣ нѣтъ противъ нихъ голоса, Сеянъ, какъ отчаянный злодѣй, послѣ первой удачи началъ замышлять, какъ бы извести дѣтей Германика, несомнѣнныхъ наслѣдниковъ престола. Противъ всѣхъ трехъ не возможно было употребить ядъ, ихъ окружали вѣрные люди и неусыпная добродѣтель Агриппины. И началъ онъ

жаловаться на ея высокомѣріе, разжигать старую ненависть Августы и уже преступную совѣсть Ливіи и внушать имъ, чтобы онѣ обвинили Агриппину предъ Тиберіемъ, будто она, гордая своимъ плодородіемъ, поддерживаемая общею любовью народа, стремится къ верховной власти. Онъ выбралъ себѣ въ помощники опытныхъ навѣтчиковъ, особенно Юлія Постума, котораго преступная связь съ Мутилой Приской поставила въ число приближенныхъ людей къ бабкѣ; это было отличное орудіе для его навѣтовъ, потому что Приска имѣла большое вліяніе на Августу и вооружала старуху, по своему характеру уже самолюбивую, противъ снохи. Приближенные Агриппины, также подкупленные Сеяномъ, раздражали ложными навѣтами ея гордый духъ.

13.

А Тиберій не переставалъ заниматься дѣлами, которыя были для него развлеченіемъ въ скорби, и судилъ о вопросахъ гражданскаго права, о прошеніяхъ союзниковъ. По его начинанію состоялось опредѣленіе сената о сложеніи податей впредь на три года съ городовъ Цибира въ Азіи и Эгія въ Ахаіи, пострадавшихъ отъ землетрясенія. Вибій Серенъ, проконсулъ дальней Испаніи, былъ обвиненъ по закону о злоупотребленіи власти (de vi publica) и за свой звѣрскій нравъ сосланъ на островъ Аморгъ Карсидій Сацердосъ и Кай Гракхъ, обвиненные въ доставкѣ хлѣба Такфарину, были оправданы. Кай еще младенцемъ сопровождалъ отца своего Семпронія въ изгнаніе на островъ Церцину, возросъ тамъ между необразованными сосланными преступниками и жилъ мелкою торговлей съ Сициліей и Африкой: но и тутъ не избѣжалъ онъ опасностей, сопряженныхъ съ громкимъ именемъ, и если бы Элій Ламія и Луцій Апроній, бывшіе пра-

вители Африки, не вступились за него, его погубили бы неудачи его знаменитаго рода и несчастія отца.

14.

Въ этомъ году выслушаны греческія посольства: Самосъ и Косъ просили объ утвержденіи права убѣжища, первый для храма Юноны, второй для храма Эскулапа. Самосцы основывались на постановленіи амфиктіоновъ, высшаго совѣта въ то время, когда Греки настроили въ Азіи городовъ и овладѣли берегами моря. Основанія жителей Коса были столь же древни, но въ ихъ пользу говорило еще то обстоятельство, что они укрывали римскихъ гражданъ въ храмѣ Эскулапа, когда Митридатъ приказалъ убивать ихъ по всѣмъ Азіатскимъ островамъ и городамъ.

Много разъ жаловались преторы на дурное поведеніе комедіантовъ (гистріоновъ), но большею частью безполезно; наконецъ выступилъ противъ нихъ самъ Цезарь.

— Они уже слишкомъ безчинствуютъ въ публичныхъ мѣстахъ и поселяютъ развратъ въ частныхъ домахъ; эти забавы Осковъ не очень нравятся народу и дошли до такой степени непристойности и своеволія, что пора въ это дѣло вступиться сенату.

И гистріоны изгнаны изъ Италіи.

15.

Въ томъ же году Цезарь огорченъ былъ смертью одного изъ близнецовъ, дѣтей Друза, и не менѣе кончиною друга: то былъ Луцилій Лонгъ, дѣлившій съ нимъ и радость и горе; только онъ одинъ изъ всѣхъ сенаторовъ сопровождалъ Тиберія во время изгнанія его на островъ Родосъ; за то,

хотя былъ и неизвѣстнаго происхожденія, сенаторы предписали хоронить его, какъ цензора, на казенный счетъ и поставить ему статую на площади Августа. Тогда еще всѣ дѣла совершались въ сенатѣ, даже прокураторъ Азіи, Луцилій Капитонъ, обвиненный провинціею, долженъ былъ предстать на судъ предъ сенаторами, при чемъ Тиберій настоятельно утверждалъ, что поручилъ ему блюсти только за своими собственными людьми и деньгами, и что онъ преступилъ предѣлы данной ему власти, если овладѣлъ преторскою должностью и распоряжался военною силой. пусть выслушаютъ союзниковъ. — И по изслѣдованіи дѣла виновный былъ наказанъ. За это наказаніе, также за наказаніе Кая Силана въ прошломъ году, Азіатскіе города опредѣлили соорудить храмъ Тиберію, его матери и сенату Имъ это позволили, и Неронъ отъ имени провинціи благодарилъ сенаторовъ и дѣда; слушатели были тронуты, память Германика была свѣжа и народъ видѣлъ и слушалъ его въ Неронѣ; самъ Неронъ былъ молодъ, скроменъ, видъ его былъ величественъ, — все это представлялось еще въ бо́льшемъ видѣ вслѣдствіе опасности, которой подвергала его ненависть Сеяна.

16.

Около этого же времени Тиберій предложилъ новый законъ по случаю замѣщенія покойнаго Сервія Малугиненза въ должности жреца Юпитера. До сихъ поръ по древнему обычаю представляемы были три патриція, рожденные отъ родителей, сочетавшихся бракомъ по *конфарреаціи*, и одинъ изъ нихъ утверждался. Теперь обычай конфарреаціи былъ почти всѣми оставленъ и не было достаточнаго числа кандидатовъ. Тиберій привелъ и причины этой перемѣны:

главнымъ образомъ легкомысліе мужчинъ и женщинъ, потомъ самыя трудности обряда, которыхъ старались избѣгать, наконецъ то обстоятельство, что кто дѣлался фламиномъ или женою фламина, выходилъ изъ власти отцовской.

— Такъ пусть же сенатъ исправитъ это декретомъ или закономъ, подобно тому, какъ Августъ измѣнялъ постановленія глубокой древности сообразно съ духомъ времени.

Обсудивъ религіозныя требованія, постановили ничего не измѣнять относительно фламиновъ, но издали законъ, по которому жрица Юпитера, находящаяся въ совершенной власти мужа относительно священнодѣйствія, во всемъ остальномъ сравнена была правами съ прочими женщинами. Сынъ Малугиненза заступилъ мѣсто отца. Чтобы увеличить уваженіе къ жрецамъ и ихъ самихъ пріохотить къ тщательному исполненію обрядовъ, предписано дать Корнеліи, заступившей мѣсто Скантіи, два милліона сестерцій, а Августѣ въ театрѣ сидѣть между весталками.

777,—24.

17.

Въ консульство Корнелія Цетега и Визеллія Баррона понтифексы, а за ними и остальные жрецы, молясь о долгоденствіи Тиберія, поручили тѣмъ же богамъ Нерона и Друза, не столько изъ привязанности къ нимъ, сколько изъ лести. Но когда нравы испорчены, излишняя лесть также опасна, какъ ея отсутствіе. Тиберій, никогда не жаловавшій семейства Германика, пришелъ въ раздраженіе, что этихъ молодыхъ людей сравняли съ нимъ, старикомъ. Онъ призвалъ понтифексовъ и спросилъ ихъ, сдѣлали они это по прось-

бамъ, или по угрозамъ Агриппины? Они отвергли это предположеніе и получили только легкій выговоръ, потому что были большею частью родственники Тиберія или знатнѣйшіе люди въ государствѣ. Однакожъ въ сенатѣ совѣтовалъ онъ впредь не разжигать властолюбія юношей преждевременными почестями. Сеянъ подстрекалъ Тиберія, представлялъ ему государство раздѣленнымъ на партіи, какъ въ гражданскую войну.

— Одна изъ нихъ, говорилъ онъ, явно называетъ себя партіею Агриппины, и будетъ усиливаться, если ее не пріостановить; а предотвратить междоусобія можно только однимъ средствомъ: снять одну или двѣ изъ самыхъ буйныхъ головъ.

18.

И выпала участь Каю Силію и Тицію Сабину. Дружба Германика погубила того и другого. Силій сверхъ того имѣлъ несчастіе семь лѣтъ сряду начальствовать надъ огромною арміей и побѣдить въ Германіи Сакровира.

— Чѣмъ съ большей высоты упадетъ онъ, тѣмъ страшнѣе подѣйствуетъ этотъ примѣръ на другихъ.

Многіе думали, что Тиберій оскорбился еще его невоздержными рѣчами и хвастовствомъ, «что онъ умѣлъ удер«жать своихъ солдатъ въ повиновеніи, когда остальные воз«мущались и что Тиберію не сдобровать бы, если бы и этимъ «легіонамъ вздумалось возмутиться.» Цезарь видѣлъ во всѣхъ этихъ заслугахъ подрывъ своему могуществу и не считалъ себя въ силахъ бороться съ Силіемъ. Благодѣянія только тогда принимаются благосклонно, когда за нихъ можно отплатить; если же они слишкомъ велики, то порождаютъ не признательность, а ненависть.

19.

У Силія была жена, Созія Галла, которую Тиберій ненавидѣлъ за любовь къ ней Агриппины. Рѣшились начать съ нихъ, отсрочивъ погибель Сабина, и подговорили консула Варрона, который подъ предлогомъ отцовской вражды рѣшился, къ стыду своему, служить орудіемъ ненависти Сеяна. Обвиненный просилъ переждать, пока обвинитель сложитъ съ себя консульское званіе, но Тиберій воспротивился этому, говоря,

— Что чиновники имѣютъ право звать на судъ частныхъ людей; что нельзя лишить этого права консула, котораго обязанность блюсти о безопасности государства.

Тиберій умѣлъ подводить старыя формулы подъ новые преступные замыслы. И торжественно созываетъ онъ сенатъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ съ Силіемъ поступали по закону, какъ будто Варронъ консулъ въ прежнемъ смыслѣ, а дѣло касалось безопасности государства. Силій или молчалъ, или, начиная защищаться, не скрывалъ чей гнѣвъ его преслѣдуетъ; его обвиняли въ продолжительной утайкѣ непріязненныхъ замысловъ Сакровира, въ томъ, что онъ запятналъ свою побѣду корыстолюбіемъ, въ поведеніи жены его Созіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Силій былъ на руку нечистъ; но все это разсматривалось какъ оскорбленіе величества—и онъ предупредилъ неизбѣжную казнь самоубійствомъ.

20.

Не смотря на то, имѣніе было расхищено, не для того, чтобы отдать деньги городамъ,—они ихъ и не требовали,—но чтобы послѣ подробнаго разбора отписать въ фискъ все

подаренное Силію Августомъ. Тиберій въ первый разъ овладѣвалъ чужимъ добромъ. Созія была изгнана, согласно съ мнѣніемъ Азинія Галла, предложившаго половину ея имѣнія отдать дѣтямъ, а другую конфисковать. Но Маркъ Лепидъ воспротивился, говоря, что по закону необходимо дать обвинителямъ четвертую часть, остальное же пусть все пойдетъ дѣтямъ. Я считаю этого Лепида за человѣка умнаго и достойнаго уваженія въ тѣ времена; много жестокихъ изъ лести приговоровъ сената успѣлъ онъ перемѣнить къ лучшему, при томъ умѣлъ себя сдерживать, потому что постоянно пользовался у Тиберія одинакимъ довѣріемъ и милостью. И не знаешь что подумать: зависитъ ли привязанность властителей къ одному и нелюбовь къ другому, какъ и все прочее, отъ счастія и судьбы, или есть возможность избрать между рѣзкою оппозиціей и унизительной угодливостью средній путь, безъ властолюбія и опасности.

Мессалинъ Котта, человѣкъ столь же знаменитаго происхожденія, но совершенно другого характера, предложилъ сенату постановить, чтобы чиновники, хотя бы они были невинны и ни чему не причастны, наказывались за преступленія женъ своихъ въ провинціяхъ, какъ за свои собственныя.

21.

За этимъ стали разсматривать дѣло Кальтурнія Пизона, человѣка знатнаго и надменнаго; я уже говорилъ о томъ, какъ онъ жаловался въ сенатѣ, что интриги обвинителей заставятъ его покинуть Римъ, какъ, презирая могущество Августы, онъ потребовалъ на судъ Ургуланію и вывелъ ее изъ дворца. Тогда Тиберій принялъ это снисходительно, но онъ умѣлъ таить гнѣвъ въ своей душѣ и никогда не забывалъ его, хотя первое раздраженіе совершенно проходило.

Квинть Гераній донесъ, что Пизонъ говорилъ тайно рѣчи противъ величества Цезаря; прибавилъ, что у него на дому всегда готовъ ядъ, и что въ сенатъ всегда входитъ онъ вооруженный мечемъ. Послѣднія обвиненія были до того гнусны, что на нихъ не обратили вниманія, но приняли обвиненіе въ прочихъ пунктахъ, которыхъ набралось много. Скоропостижная смерть Пизона прекратила дѣло.

Занялись изгнанникомъ, Кассіемъ Северомъ. Человѣкъ низкаго происхожденія, порочной жизни, но хорошій ораторъ, онъ вполнѣ заслужилъ, по приговору сената, изгнаніе на островъ Критъ, наживъ себѣ цѣлую массу враговъ. Но тамъ, продолжая жить по прежнему, онъ воскресилъ старыя ненависти, пріобрѣлъ новыя, и, лишенный имущества, былъ навсегда сосланъ на Серифійскій утесъ, гдѣ и умеръ.

22.

Въ тоже время преторъ Плавтій Сильванъ неизвѣстно почему сбросилъ съ крыши жену свою Апронію и, приведенный предъ Цезаря тестемъ своимъ Луціемъ Апроніемъ, онъ смѣшался и отвѣчалъ, что спалъ глубокимъ сномъ и не знаетъ, какъ жена его лишила себя жизни. Тиберій немедленно отправляется въ домъ, идетъ въ спальню, и находитъ явные слѣды борьбы и насилія. Онъ доноситъ объ этомъ сенату, судьи назначены, — но бабка Сильвана Ургуланія посылаетъ внуку кинжалъ, какъ думаютъ, по совѣту Тиберія, изъ снисхожденія къ дружбѣ Августы съ Ургуланіей. У обвиненнаго не достало духу поразить себя кинжаломъ, онъ приказалъ открыть свои вены. Вскорѣ обвинили первую жену его Нумантину, что отъ ея заклинаній и зелій мужъ ея лишился ума; но она была оправдана.

23.

Въ этомъ году Римляне покончили наконецъ долговременную войну съ Нумидійцемъ Такфариномъ. Прежніе полководцы, какъ только думали, что достаточно ихъ подвиговъ для тріумфа, такъ и оставляли непріятеля. Уже три статуи были увѣнчаны въ Римѣ, а Такфаринъ все-таки опустошалъ Африку съ помощью Мавровъ, которые, видя, что Птоломей, сынъ Юбы, молодъ и безпеченъ, промѣняли на войну постыдное повиновеніе царскимъ отпущенникамъ. Царь Гарамантовъ скрывалъ добычу Такфарина и былъ сообщникомъ его грабежей; онъ не пошелъ на насъ цѣлою арміей, а разсыпалъ нѣсколько мелкихъ отрядовъ, которыхъ число, по дальности разстояній, молва преувеличивала. Да и въ провинціи всѣ нищіе, всѣ негодяи бросились въ возстаніе, потому что Тиберій, полагая, что послѣ побѣдъ Блеза не осталось въ Африкѣ непріятелей, отозвалъ оттуда девятый легіонъ. Публій Долабелла, бывшій тогда проконсуломъ, не осмѣлился задержать его: неповиновеніе Цезарю было страшнѣе опасностей войны.

24.

И такъ Такфаринъ, распустивъ слухъ, что Римлянъ со всѣхъ сторонъ тѣснятъ непріятели, что по этой-то причинѣ и отозваны войска изъ Африки, и увѣряя, что если всѣ, кому свобода дороже рабства, соединятся, то не трудно будетъ имъ уничтожить остатокъ римскихъ войскъ, — увеличилъ свои силы и, укрѣпивъ лагерь, сталъ осаждать городъ Тубускумъ. Долабелла, собравъ что было у него солдатъ, съ перваго шагу заставилъ Нумидійцевъ снять осаду

(такъ страшились они римскаго имени, такъ неопытны были въ пѣшемъ строю) и укрѣпилъ удобныя мѣста. Кое-кто изъ предводителей Музулановъ стали было возмущаться, — онъ велѣлъ имъ снять головы. Потомъ, такъ какъ уже нѣсколько походовъ на Такфарина доказали, что противъ непріятеля, котораго силы разбросаны, нельзя идти сомкнутымъ строемъ одной арміи, потребовавъ у царя Птолемея помощи, онъ раздѣлилъ войско на четыре отряда и отдалъ ихъ подъ начальство легатовъ и трибуновъ; избраннымъ Маврамъ поручилъ мелкіе отряды наѣздниковъ (praedatorias manus), а самъ распоряжался общимъ ходомъ дѣйствій.

25.

Нѣсколько времени спустя доносятъ ему, что Нумидійцы собрались около полуразрушенной крѣпости Аузеи, ими самими когда то сожженной, и разставили свои шатры, надѣясь на безопасность мѣста, скрытаго отовсюду въ дремучихъ лѣсахъ. Немедленно ускореннымъ маршемъ отправляетъ онъ легкое войско и кавалерію, не говоря, куда ихъ ведетъ. На разсвѣтѣ зазвучали трубы, раздался боевой крикъ и Римляне напали на полусонныхъ враговъ. Нумидійскія лошади были опутаны и паслись тамъ и сямъ. Римляне построили пѣхоту, расположили конницу, все приготовили къ битвѣ: у непріятеля, захваченнаго въ расплохъ, не было ни оружія, ни порядка, ни распорядительности; ихъ, какъ скотовъ, тащили, брали, убивали. Войско было ожесточено трудностями этой войны и вѣчно обманутымъ ожиданіемъ желанной битвы, и теперь не щадило крови, удовлетворяя своей мести. Солдатамъ приказано выслѣдить Такфарина, котораго всѣ они знали въ лицо, потому что война могла кончиться только смертью этого возмутителя. Но Такфаринъ, видя, что его

охранная стража разогнана, сынъ взятъ въ плѣнъ и Римляне стремятся со всѣхъ сторонъ, — бросился на копья и дорого продалъ свою жизнь, но избѣжалъ плѣна.

26.

Такъ кончилась война Долабелла просилъ тріумфа,—но Тиберій отказалъ, изъ угожденія Сеяну, чтобы не затмилась слава дяди его Блеза. Блезъ отъ этого не сдѣлался знаменитѣе, а отказъ заслуженной почести возвысилъ славу Долабеллы; у него было меньше войска, а между тѣмъ онъ велъ знатныхъ плѣнниковъ, убилъ предводителя и кончилъ войну. Съ нимъ пріѣхали послы отъ Гарамантовъ: рѣдкое зрѣлище въ Римѣ. По убіеніи Такфарина Гараманты потеряли бодрость и, сознавая свою вину, отправили посланниковъ задобрить Римлянъ. Когда узнали о помощи, поданной Птолемеемъ въ эту войну, возобновили древній обычай и послали къ нему сенаторовъ передать жезлъ изъ слоновой кости, узорчатую тогу, и назвать его союзникомъ и другомъ.

27.

Въ тоже лѣто случай подавилъ начавшееся было въ Италіи возстаніе рабовъ. Зачинщикъ этой смуты, Титъ Куртизій, былъ когда-то солдатомъ преторіанской когорты. Началось тайными сходбищами у Брундизіума и въ близь лежащихъ городахъ, потомъ сталъ онъ разсылать явныя воззванія къ жившимъ въ дремучихъ лѣсахъ рабамъ, суровымъ и дикимъ, когда, будто по милости боговъ, пріѣхали въ это море три корабля, назначенные для конвоированія судовъ. Тамъ находился квесторъ Курцій Лупъ, такъ какъ по древнему обычаю эта лѣсистая провинція отдавалась квесторамъ. Взявъ съ собою флотскій экипажъ, онъ тотчасъ уничтожилъ

только что начавшійся заговоръ. Цезарь поспѣшилъ прислать трибуна Стаія съ сильнымъ отрядомъ, и Стай, взявъ Куртизія и главныхъ зачинщиковъ, привезъ ихъ въ Римъ, гдѣ уже начали трепетать, помышляя о возрастающемъ множествѣ рабовъ и со дня на день уменьшающемся числѣ свободныхъ людей.

28.

Въ тоже консульство случился возмутительный примѣръ этого страшнаго, жалкаго вѣка: сынъ явился обвинителемъ своего отца. И тотъ и другой назывался Вибіемъ Сереномъ. Ввели въ сенатъ отца, вызваннаго изъ ссылки, покрытаго грязью и лохмотьями, отягощеннаго цѣпями, и сына обвинителя, роскошно одѣтаго, веселаго молодаго человѣка. Сынъ, выступая въ одно время какъ обвинитель и какъ свидѣтель, уличалъ отца въ злоумышленіи противъ Тиберія, въ разсылкѣ по Галліи эмиссаровъ, съ цѣлью возжечь войну, и впуталъ въ это дѣло бывшаго претора Цецилія Корнута, говоря, что онъ доставлялъ деньги. Цецилій, измученный треволненіями и считая обвиненіе за вѣрную смерть, наложилъ на себя руку. Это не поколебало духа отца. Потрясая цѣпями, обратился онъ къ сыну, взывалъ къ богамъ мстителямъ, «да возвратятъ они его въ ссылку, гдѣ онъ будетъ далеко отъ этой страшной безнравственности, и да накажутъ преступнаго сына!» Онъ утверждалъ, что Корнутъ невиненъ и напрасно испугался, что въ этомъ легко убѣдиться, допросивъ другихъ сообщниковъ, потому что такое дѣло, какъ убіеніе государя и возмущеніе, не затѣвается самъ-другъ.

29.

Тогда обвинитель называетъ Кнея Лентула и Сейя Туберона. Цезарь сильно сконфузился: это были первые вель-

можи государства, самые приближенные его друзья. Дряхлый старецъ Лентулъ и разслабленный Тубеpонъ обвинялись въ возжиганіи чужеземной войны и въ заговорѣ противъ республики! Но ихъ тотчасъ же объявили невинными. Стали пытать рабовъ отца и всѣ ихъ показанія были противъ обвинителя. Мучимый совѣстью, испуганный ропотомъ толпы, угрожавшей ему темницею, Тарпейскою скалою и даже казнью, предписанною отцеубійцамъ, онъ бѣжалъ изъ Рима. Въ Равеннѣ получилъ онъ приказаніе возвратиться и продолжать обвиненіе. Тиберій не скрывалъ своей старой ненависти къ изгнаннику Серену. Послѣ обвиненія Либона Серенъ писалъ къ Тиберію, жалуясь, что только его труды остались безъ вознагражденія, и употребилъ при этомъ какія-то слишкомъ сильныя выраженія, оскорбившія гордаго и обидчиваго Тиберія. И восемь лѣтъ спустя Тиберій припомнилъ ему это письмо, говоря, что все это время онъ употребилъ на разные проступки: хотя показанія упорныхъ рабовъ, не смотря на пытку, говорятъ противное.

30.

Стали собирать голоса и Серенъ приговоренъ къ смертной казни по обычаю предковъ; но Тиберій самъ вступился за него, какъ бы желая удержать порывъ гнѣва сенаторовъ. Онъ даже возразилъ Галлу Азинію, предложившему заключить Серена на островъ Гіаръ или Діонузу, что на этихъ островахъ нѣтъ воды, и что если кому дарована жизнь, то надо дать и возможность жить.

Такъ какъ Корнутъ лишилъ самъ себя жизни, то кто-то предложилъ не давать доносчикамъ награды, если обвиненный въ оскорбленіи величества до рѣшенія суда посягнетъ на дни свои. Всѣ уже было согласились, какъ Цезарь, про-

тивъ своего обыкновенія, явно и рѣзко вступился за доносчиковъ, говоря,

— Что это значитъ уничтожать законы; что государство погибнетъ: лучше попрать всѣ права, нежели преслѣдовать ихъ блюстителей.

И доносчики—родъ, созданный на погибель государству, родъ котораго не могли истребить даже казни,—стали размножаться, соблазняемые наградами.

31.

Между этимъ множествомъ тяжкихъ дѣлъ перепало коечто и хорошее: обвинили Кая Коминія, римскаго всадника, что онъ написалъ на Тиберія пасквильное стихотвореніе,— и Цезарь спустилъ ему эту вину изъ уваженія къ брату его сенатору. Удивительно, какъ Тиберій, зная, какъ хорошо быть великодушнымъ, какого рода извѣстность слѣдуетъ за милосердіемъ, предпочиталъ мрачное тиранство; онъ не былъ глупъ, да притомъ же всегда можно видѣть, отъ чистаго сердца, или притворно радуется народъ дѣяніямъ государя. Самъ онъ говорилъ вообще тяжело и какъ бы пріискивая слова, а когда заступался за несчастнаго, рѣчь его лилась плавно и быстро. — Когда хотѣли выслать изъ Италіи Публія Суилія, бывшаго квестора Германика, за взятки по дѣлу, котораго онъ былъ судьею, Тиберій съ твердостью приговорилъ сослать его на островъ и поклялся, что того требуетъ благо республики. Въ то время приняли это рѣшеніе не хорошо, но послѣ хвалили Тиберія, когда Суилій возвратился въ другую эпоху, сталъ могущественъ и продаженъ и пользовался дружбою Клавдія всегда съ успѣхомъ, но никогда на добро.—Къ тому же наказанію приговоренъ былъ сенаторъ Катъ Фирмій, за то, что ложно об-

винилъ сестру въ оскорбленіи величества. Этотъ Катъ, какъ я упоминалъ выше, завлекъ въ свои сѣти Либона и предалъ суду: Тиберій помнилъ эту услугу, но подъ другимъ предлогомъ просилъ не изгонять его изъ Италіи, однакожъ позволилъ исключить изъ списка сенаторовъ.

32.

Многое изъ того, что я разсказалъ и о чемъ буду говорить, покажется можетъ быть мелкимъ и не стоющимъ вниманія; такъ, но никто не долженъ сравнивать нашу лѣтопись съ исторіею подвиговъ древняго римскаго народа. Обширное и свободное поле представляли историку эти знаменитыя войны, осады городовъ, изгнанные, взятые въ плѣнъ цари, а внутри государства соперничество консуловъ съ трибунами, полевые и хлѣбные законы, борьба плебеевъ съ патриціями. Намъ выпалъ на долю тѣсный и безславный кругъ: вѣчный, или только слегка нарушаемый миръ, печальныя событія въ Римѣ, правитель, не заботящійся о распространеніи границъ имперіи. Но не безполезно обозрѣніе этихъ фактовъ, съ перваго взгляда ничтожныхъ: изъ нихъ могутъ возникнуть впослѣдствіи важныя событія.

33.

Правленіе всегда находится или въ рукахъ народа, или у аристократіи, или наконецъ у одного лица. Соединить всѣ эти правленія въ одно, выбравъ изъ каждаго лучшіе элементы, въ теоріи хорошо, но на дѣлѣ это не встрѣчается, или если бываетъ, то не можетъ продолжаться. Когда правилъ народъ, нужно было изучать свойства и характеръ толпы, средства удерживать ее въ предѣлахъ умѣренности;

въ правленіе патриціевъ умнѣйшими и дальновиднѣйшими людьми считались тѣ, которые изучали направленіе умовъ сенаторовъ и вельможъ; такъ и теперь, при новомъ порядкѣ вещей, когда дѣла государственныя рѣшаются волею одного лица, нужно собирать и записывать переданные мною факты. Немногіе сами собою могутъ отличить честное и умное отъ постыднаго и вреднаго; бо̀льшую часть людей надо учить опытностью другихъ. Впрочемъ всѣ эти событія хоть и поучительны, но очень мало занимательны. Описаніе народныхъ нравовъ, удачныхъ и неудачныхъ битвъ, знаменитыхъ кончинъ полководцевъ—приковываетъ вниманіе и одушевляетъ читателя: мы же должны бороться съ однообразіемъ и скукою, перечисляя жестокія повелѣнія, безпрестанныя казни, мнимую дружбу предателей, гибель невинныхъ и вообще дѣла, которыхъ конецъ одинъ и тотъ же. Сверхъ того никто не станетъ упрекать древнихъ писателей, никто не оскорбится тѣмъ, что одни отдаютъ предпочтеніе римской арміи, другіе карѳагенской; но живы еще потомки многихъ лицъ, приговоренныхъ при Тиберіи къ казни или постыдному наказанію; если чей родъ и прекратился, найдутся люди, которые по сходству примутъ на свой счетъ описаніе чужихъ преступленій; даже слава и доблесть въ этой недавно протекшей эпохѣ не пріятны, потому что невольно вызываютъ на сравненіе.

Но возвратимся къ разсказу.

778,—25.

34.

Въ консульство Корнелія Косса и Азинія Агриппы Кремуцій Кордъ обвиненъ былъ въ новомъ и до того не-

слыханномъ преступленіи, что въ своей лѣтописи онъ похвалилъ Марка Брута и Кая Кассія назвалъ послѣднимъ изъ Римлянъ. Обвинителями были кліенты Сеяна Сатрій Секундъ и Пинарій Натта. Это обстоятельство и суровый видъ, съ которымъ Цезарь слушалъ оправданіе Кремуція, были его приговоромъ. Увѣренный въ томъ, что его казнятъ, онъ началъ свою рѣчь:

— Меня обвиняютъ въ словахъ, сенаторы; до того дѣла мои безвинны. Но слова эти не относятся ни къ государю, ни къ матери его, и къ нимъ нельзя приложить законъ объ оскорбленіи величества. Меня обвиняютъ въ томъ, что я хвалилъ Брута и Кассія; но много историковъ описывали ихъ подвиги, и никто не упоминалъ о нихъ безъ похвалы. Титъ Ливій, краснорѣчивѣйшій и достовѣрнѣйшій историкъ, превознесъ такими похвалами Кнея Помпея, что Августъ назвалъ его Помпейанцемъ, что не помѣшало имъ остаться друзьями. Сципіона Афранія, этого самаго Кассія, этого самаго Брута часто называетъ онъ знаменитыми людьми, но никогда не клеймитъ ихъ именами разбойниковъ и преступниковъ, какъ это дѣлается теперь. Сочиненія Азинія Полліона также прославляютъ ихъ память; Мессала Корвинъ называлъ Кассія своимъ императоромъ: и тотъ и другой были осыпаны почестями и богатствами. Маркъ Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій до небесъ превознесъ Катона: диктаторъ Цезарь ограничился тѣмъ, что написалъ опроверженіе и отдалъ на судъ публикѣ. Въ письмахъ Антонія, въ рѣчахъ Брута, было много, правда несправедливыхъ, но чрезвычайно ѣдкихъ выходокъ противъ Августа; въ стихахъ Бибакула и Катулла можно прочесть много выходокъ противъ Цезарей; но самъ Юлій, самъ Августъ презирали эти выходки и не обращали на нихъ вниманія, не берусь рѣшить, по умѣренности ли характера, или изъ разсчета:

потому что презрѣніе убиваетъ сатиру, а гнѣвъ заставляетъ думать, что она справедлива.

35.

— Я не говорю о Грекахъ, у которыхъ не только свобода, но и своеволіе были безнаказанны, гдѣ оскорбленный за слово мстилъ словомъ же. Но кто возстанетъ противъ очевиднаго права говорить о тѣхъ, кого смерть изъяла отъ ненависти и пристрастія? Или вы думаете, что я хочу вооружить Кассія и Брута, привести ихъ на Филиппійскія поля и возмутить народъ? Неужели вы думаете, что память ихъ не будетъ увѣковѣчена писателями, подобно тому, какъ лица ихъ почти семдесятъ лѣтъ сохраняются на портретахъ, не уничтоженныхъ даже побѣдителемъ? Потомство отдастъ каждому должное. Пусть меня осудятъ: найдутся люди, которые вспомнятъ не только Кассія и Брута, но и меня.

Онъ вышелъ изъ сената и уморилъ себя голодомъ. Сенаторы приказали эдилямъ сжечь его сочиненія, но нѣсколько экземпляровъ были скрыты, уцѣлѣли и впослѣдствіи изданы. Посмѣемся же надъ недальновидностью тѣхъ, которые думаютъ, что ихъ настоящее могущество въ состояніи заглушить память потомства. Преслѣдованія только возвышаютъ славу талантовъ; иноземные цари и вообще всѣ, производившіе подобныя жестокости, дѣйствовали на позоръ себѣ и во славу своихъ жертвъ.

36.

Обвиненія такъ были часты въ этомъ году, что даже въ торжественный день Латинскихъ ферій, едва только префектъ Рима Друзъ взошелъ на трибуналъ, чтобы начать отправ—

леніе своей должности, какъ Кальпурній Сальвіанъ подступилъ къ нему съ доносомъ на Секста Марія: самъ Цезарь явно выразилъ свое негодованіе, и Сальвіанъ былъ сосланъ. Кизикійцы были публично обвинены въ пренебреженіи обрядовъ поклоненія Августу, сверхъ того въ насильственномъ обхожденіи съ римскими гражданами,— и лишились свободы, которую пріобрѣли въ войну съ Митридатомъ, когда, окруженные непріятелемъ, они храбро защищались и своимъ упорствомъ, при помощи Лукулла, отразили царя.—Проконсулъ Азіи Фонтей Капитонъ былъ оправданъ; обвиненія, взведенныя на него Вибіемъ Сереномъ, оказались ложными, что впрочемъ не послужило ко вреду Серена: онъ былъ въ безопасности, потому что всѣ его ненавидѣли. Чѣмъ наглѣе былъ доносчикъ, тѣмъ лице его было неприкосновеннѣе; только мелкихъ и неизвѣстныхъ наказывали.

37.

Въ это время дальняя Испанія прислала посольство въ Римъ, просить позволенія, по примѣру Азіи, воздвигнуть храмъ Тиберію и его матери. Цезарь, вообще презиравшій почести, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отвѣчать тѣмъ, которые обвиняли его въ тщеславіи, и сказалъ слѣдующую рѣчь:

— Я знаю, сенаторы, что многіе были недовольны моею уступчивостью, когда я недавно не воспротивился подобной просьбѣ азіатскихъ городовъ. Теперь открою я вамъ причины моего прежняго согласія и мои будущія намѣренія. Божественный Августъ не воспрепятствовалъ поставить въ Пергамѣ храмъ себѣ и городу Риму, а такъ какъ я всѣ дѣла и слова его ставлю себѣ въ законъ, то тѣмъ охотнѣе послѣдовалъ его примѣру, что храмъ сооружался не только во имя

мое, но и во имя сената. Впрочемъ одинъ разъ не въ счетъ, можно извинить; было бы непростительною гордостью и тщеславіемъ наставить освященныхъ статуй по всѣмъ провинціямъ. Самое благоговѣніе къ Августу можетъ пострадать отъ излишняго подобострастія.

38.

— Я смертенъ, сенаторы; и буду доволенъ, если исполню обязанности человѣка, долгъ государя. Беру въ свидѣтели васъ и потомство, что во мнѣ нѣтъ другаго желанія. Потомство оцѣнитъ меня по заслугамъ, и даже свыше нихъ, если скажетъ, что я былъ достоинъ предковъ, заботился о вашихъ дѣлахъ, былъ твердъ въ опасностяхъ, не страшился ненависти, гдѣ дѣло шло о благѣ общественномъ. Да будетъ мой алтарь въ сердцахъ вашихъ: это лучше и прочнѣе всѣхъ храмовъ и статуй. Каменный монументъ, если судъ потомства предастъ ненависти того, кому онъ поставленъ, будетъ попранъ, какъ простой надгробный памятникъ; молю боговъ, чтобы до конца жизни дали мнѣ спокойный умъ, способный обсуждать божественные и человѣческіе законы. Прошу римскихъ гражданъ и союзниковъ подарить по смерти мое имя и дѣла добрымъ словомъ и доброю памятью.

Послѣ этого онъ даже въ радушныхъ бесѣдахъ увѣрялъ, что презираетъ это богопочитаніе своей особы. Нѣкоторые видѣли въ этомъ скромность, иные притворство, другіе слабодушіе, потому что великіе люди не ограничиваютъ своихъ желаній. У Грековъ Вакхъ и Геркулесъ, у Римлянъ Ромулъ, достигли того, что заняли мѣсто между богами. Августъ поступалъ умнѣе, надѣясь на тотъ же результатъ: у царей все есть, только пожелай; имъ надо неусыпно заботиться объ одномъ: о доброй славѣ. Кто презираетъ славу, тотъ презираетъ и добродѣтель.

39.

Сеянъ, отуманенный необычайнымъ счастіемъ, воспламененный страстью къ Ливіи, которая безпрестанно подстрекала его исполнить обѣщаніе и жениться на ней, написалъ къ Тиберію письмо. Тогда былъ обычай письменно излагать просьбы къ Цезарю, хотя бы ихъ и лично передавали. Содержаніе письма было слѣдующее:

— Я такъ осыпанъ милостями Августа и многочисленными знаками довѣренности Тиберія, что всѣ мои желанія и надежды повѣряю я Цезарямъ прежде, нежели богамъ. Меня никогда не ослѣплялъ блескъ почестей; я всегда предпочиталъ военные заботы и труды, я предпочиталъ быть однимъ изъ солдатъ охранной стражи императора. Но что для меня всего лестнѣе, меня считаютъ достойнымъ родственной связи съ Цезаремъ. На этомъ основана вся моя надежда. Я слышалъ, что Августъ, желая выдать за-мужъ свою дочь, думалъ однажды даже о римскихъ всадникахъ,— такъ пусть, пріискивая супруга для Ливіи, Тиберій не забудетъ друга, который ищетъ въ этой связи только славы. Я не сложу съ себя возложенныхъ на меня обязанностей; я буду доволенъ тѣмъ, что пріобрѣту подпору дѣтямъ моимъ противъ козней и оскорбленій Агриппины. Что же касается до меня лично, я желаю только не пережить такого государя.

40.

Тиберій началъ отвѣтъ похвалами преданности Сеяна, упомянулъ слегка объ оказанныхъ ему милостяхъ, какъ будто бы желая выиграть время и обдумать свое рѣшеніе, и наконецъ прибавилъ:

— Частные люди принимаютъ во вниманіе только личные интересы, но цари подчинены другимъ условіямъ; они не должны упускать изъ виду общественное мнѣніе. Я не стану прибѣгать къ обыкновеннымъ оговоркамъ, что Ливія сама должна рѣшить, хочетъ ли она остаться вдовою послѣ Друза, или вступить въ новый бракъ; что у нея есть мать и бабка, до которыхъ это относится ближе, нежели до меня и т. п. Я поступлю проще и скажу во первыхъ, что вражда Агриппины сдѣлается еще ожесточеннѣе, если бракъ Ливіи введетъ новую партію въ домъ Цезарей; и такъ разрываютъ его соперничество женщинъ и раздоры внуковъ: что же, если это новое супружество еще болѣе разожжетъ вражду? Ты ошибаешься, Сеянъ, полагая остаться въ прежнемъ званіи. Неужели ты думаешь, что Ливія, жена Кая Цезаря, потомъ Друза, захочетъ состарѣться простою женою римскаго всадника? Положимъ, я и соглашусь; но какъ убѣдишь ты тѣхъ, кто видѣлъ во главѣ имперіи ея брата, отца и всѣхъ нашихъ предковъ? Можетъ быть, ты и захочешь остаться при своемъ званіи: но всѣ эти чиновники и вельможи, которые подстрекаютъ тебя противъ твоей воли, спрашиваютъ твоего совѣта во всемъ, уже давно находятъ, что твоя власть преступила за предѣлы власти римскаго всадника, — они явно говорятъ, что друзья отца моего не были въ такой силѣ, и изъ зависти къ тебѣ обвиняютъ и меня. Ты говоришь, что Августъ хотѣлъ было выдать свою дочь за римскаго всадника. Да что жъ тутъ въ самомъ дѣлѣ удивительнаго, что въ борьбѣ съ непріятностями и заботами, желая избѣгнуть бо̀льшихъ несчастій и пріискивая лучшаго мужа для своей дочери, онъ упомянулъ въ разговорѣ о Каѣ Прокулеѣ и еще кое о какихъ лицахъ, извѣстныхъ скромною жизнью и совершеннымъ отчужденіемъ отъ государственныхъ дѣлъ? Но во всякомъ случаѣ для насъ важ-

нѣе не то, что предполагалъ сдѣлать Августъ, а то, что онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ: онъ отдалъ дочь сначала за Марка Агриппу, потомъ за меня. Изъ дружбы къ тебѣ, я не скрываю отъ тебя всѣхъ этихъ затрудненій; впрочемъ, не стану противиться твоей и Ливіиной участи. Теперь я не буду говорить тебѣ о томъ, что̀ я для тебя готовлю, какими узами хочу скрѣпить нашу связь. Скажу только, что нѣтъ такой почести, которой бы не заслужилъ ты своими доблестями и преданностью мнѣ. Дай срокъ, и я объявлю объ этомъ сенату и народу.

41.

Послѣ этого Сеянъ, уже не помышляя о женитьбѣ, боясь гораздо важнѣйшихъ послѣдствій, проситъ Тиберія не обращать вниманія на подозрительное безмолвіе, на ропотъ толпы, на возрастающую ненависть. Боясь повредить своей власти, если выгонитъ изъ своего дома толпу низкопоклонниковъ, остерегаясь принимать ее по прежнему, чтобы не дать новой пищи подозрѣніямъ, онъ рѣшился убѣдить Тиберія, поселиться вдали отъ Рима, въ какой-нибудь пріятной мѣстности. Это было для него во многихъ отношеніяхъ выгодно: доступъ къ Цезарю былъ бы въ его рукахъ; чрезъ его руки проходила бы бо̀льшая часть писемъ, потому что ихъ разносили солдаты.

— Цезарь становится старъ, думалъ онъ, скоро изнѣжится въ уединеніи и легче будетъ исторгнуть изъ рукъ его бремя правленія. Не будетъ больше толпы низкопоклонниковъ, и ненависть ко мнѣ уменьшится; отбросивъ внѣшніе признаки могущества, я въ самомъ дѣлѣ стану еще сильнѣе. И Сеянъ началъ мало по малу жаловаться на городскія заботы, на стеченія народа, на докучливую толпу

посѣтителей, сталъ превозносить похвалами покой, сладость уединенія, гдѣ нѣтъ ни скуки, ни непріятностей, гдѣ можно вполнѣ посвятить себя важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ.

42.

Тиберій начиналъ уже поддаваться, какъ случившееся въ эти дни дѣло Вотіена Монтана, человѣка знаменитаго ума, заставило его окончательно рѣшиться бѣжать отъ засѣданій и рѣчей сената, гдѣ часто случалось ему выслушивать горькія истины. Вотіенъ былъ обвиненъ въ укоризненныхъ словахъ противъ Тиберія. Свидѣтель Эмилій, изъ военныхъ, дѣлалъ показанія безъ малѣйшей утайки, съ большимъ рвеніемъ и подробностями, не смотря на безпрестанный ропотъ и прерыванія, и Тиберій собственными ушами слышалъ тѣ порицанія, которыми его обыкновенно осыпали втайнѣ. Онъ до того былъ этимъ уязвленъ, что предложилъ оправдаться тотчасъ же, или подвергнуться суду; съ трудомъ могли удержать его просьбы приближенныхъ и всеобщіе знаки подобострастія. Вотіенъ былъ казненъ. Раздраженный ропотомъ, Тиберій сталъ еще болѣе жестокъ съ виновными. Аквилія, обвиненная въ преступной связи съ Варіемъ Лигуромъ, была приговорена Лентуломъ, назначеннымъ въ консулы, къ наказанію по Юліанскому закону — онъ ее сослалъ; Апидій Мерула не присягалъ Августу — онъ его вычеркнулъ изъ списка сенаторовъ.

43.

Выслушаны посольства Спартанцевъ и Мессенянъ о правѣ владѣнія храмомъ Діаны Лимнатиды. Лакедемоняне подтверждали свидѣтельствами лѣтописей и изрѣченіями поэтовъ, что

онъ построенъ на ихъ землѣ и ихъ предками, что Филиппъ Македонскій отвоевалъ его у нихъ; но Кай Цезарь и Маркъ Антоній приказали его имъ возвратить. Мессеняне выставляли древній раздѣлъ Пелопоннеза между потомками Геркулеса и доказывали, что поле Дентелійское, на которомъ стоитъ этотъ храмъ, досталось ихъ царю. Этотъ фактъ до сихъ поръ уцѣлѣлъ въ надписяхъ на древнихъ каменныхъ и мѣдныхъ монументахъ; если хотятъ свидѣтельства лѣтописей и поэтовъ, они представятъ ихъ еще больше и достовѣрнѣе, нежели ихъ противники. Филиппъ поступилъ не по праву сильнаго, но по справедливости; точно также обсудили это дѣло Антигонъ и Муммій; такъ рѣшили Милезійцы, избранные въ судьи, такъ опредѣлилъ и преторъ Ахаіи Атидій Геминъ. Дѣло рѣшено было въ пользу Мессенянъ.— Сегестанцы просили о возстановленіи храма Венеры у горы Эрикса, который разрушился отъ ветхости и, говоря объ основаніи этого храма, привели много вещей лестныхъ для Тиберія. Онъ взялъ возстановленіе храма на себя, какъ родственникъ Венеры. — За этимъ разсматривали прошеніе Массилійцевъ и при рѣшеніи взяли въ примѣръ Публія Рутилія, который, будучи изгнанъ по законамъ изъ Рима, получилъ право гражданства въ городѣ Смирнѣ: теперь же дѣло шло о Вулкаціи Мосхѣ, также изгнанникѣ, которому Массилійцы дали у себя право гражданства и который завѣщалъ свое имущество Массиліи, какъ своему отечеству.

44.

Въ этомъ году умерли два извѣстныя лица, Кней Лентулъ и Луцій Домицій. Лентулъ, кромѣ своего консульства и тріумфа надъ Гетулами, прославился еще тѣмъ, что благородно переносилъ бѣдность, потомъ безукоризненно разбога-

тѣлъ и остался скроменъ при своемъ богатствѣ. Домицій былъ извѣстенъ по отцу, который въ гражданскую войну владѣлъ моремъ, потомъ присталъ къ партіи Антонія и наконецъ Цезаря; дѣдъ его убитъ въ Фарсальской битвѣ, гдѣ сражался за оптиматовъ; самъ онъ былъ избранъ въ супруги меньшей Антоніи, дочери Октавіи; потомъ перешолъ онъ съ войскомъ черезъ Эльбу, проникъ въ Германію дальше, нежели кто-нибудь до него проникалъ, и получилъ за это тріумфальные знаки.—Умеръ и Луцій Антоній, знаменитый родомъ, но несчастный. Отецъ его, Іулъ Антоній, былъ казненъ за связь съ Юліей, и двоюродный дѣдъ Августъ изгналъ его еще мальчикомъ въ Массилію, подъ предлогомъ ученія. Однакожъ по приговору сената онъ былъ погребенъ съ почестями, и прахъ его сложенъ въ гробницѣ Октавіевъ.

45.

При этихъ консулахъ какой-то человѣкъ изъ земледѣльческаго племени Терместовъ совершилъ страшное злодѣяніе въ дальней Испаніи. Подступивъ неожиданно въ претору провинціи Луцію Пизону, который ѣхалъ мирно и ничего не опасаясь, онъ поразилъ его и ранилъ до смерти. Ускакавъ на своей быстрой лошади, онъ достигъ лѣсистыхъ мѣстъ, и тамъ, отпустивъ ее, скрылся въ лѣсахъ и обрывахъ. Но не долго могъ онъ избѣгнуть поисковъ. Поймали его лошадь, повели по сосѣднимъ селеніямъ, и узнали, чья она. Его схватили, подвергли пыткѣ и спрашивали о сообщникахъ: громкимъ голосомъ воскликнулъ онъ на своемъ языкѣ, что напрасно его спрашиваютъ:

— Пусть придутъ его сообщники и смотрятъ: нѣтъ такой боли, которая бы заставила его выдать истину.

На другой день, когда его снова вели на пытку, онъ

внезапнымъ движеніемъ вырвался изъ рукъ стражи и ударился головою о камень, такъ что тутъ же испустилъ духъ. Полагали, что всѣ Терместинцы замышляли смерть Пизона за то, что онъ взыскивалъ подати слишкомъ строго, по мнѣнію варваровъ.

779,—26.

46.

Въ консульство Лентула Гетулика и Кая Кальвизія, Поппей Сабинъ удостоился знаковъ тріумфа за укрощеніе Ѳракійскихъ горцевъ, народа дикаго и потому свирѣпаго. Причина возстанія заключалась въ томъ, что Римляне требовали у нихъ избранныхъ и сильнѣйшихъ людей для набора войска: это было свыше ихъ понятій. Повинуясь своимъ собственнымъ царямъ, только когда хотѣли, привыкши избирать себѣ полководцевъ, когда подавали помощь, и сражаться только на собственныхъ границахъ, — они съ презрѣніемъ отвергли римское требованіе. Пронесся слухъ, что ихъ рѣшено разослать въ разныя страны и смѣшать съ другими народами. Впрочемъ, до начала войны они отправили пословъ сказать, что не выйдутъ изъ дружбы и повиновенія, что все останется по прежнему, если ихъ не обременятъ новыми притѣсненіями. Если же отъ нихъ станутъ требовать службы, какъ отъ побѣжденныхъ, то у нихъ есть и оружіе, и молодые люди, и духъ, готовый смертію купить свободу. И они указывали на горныя укрѣпленія, говорили, что тамъ у нихъ родители и жены, и грозили ожесточенною, утомительною и кровопролитною войною.

47.

Сабинъ далъ имъ сначала снисходительный отвѣтъ, желая предварительно сосредоточить свои войска, и какъ только Помпоній Лабеонъ привелъ легіонъ изъ Мезіи, а царь Реметалкъ пришелъ съ войсками народовъ, непричастныхъ возстанію, онъ соединилъ всю армію и пошелъ на непріятелей, уже занявшихъ тѣснины въ лѣсу. Замѣтивъ непріятельскій отрядъ смѣльчаковъ на открытой высотѣ холмовъ, римскій полководецъ напалъ на нихъ и безъ всякаго труда разогналъ, не причинивъ имъ впрочемъ большаго вреда, потому что убѣжище было у нихъ подъ рукою. Укрѣпивъ лагерь, Сабинъ занялъ сильнымъ отрядомъ гору, которой верхушка шла длинною и узкою возвышенною плоскостью до ближайшаго укрѣпленія, гдѣ было значительное число вооруженныхъ и невооруженныхъ непріятелей. Тотчасъ же послалъ онъ избранныхъ стрѣлковъ на храбрѣйшихъ непріятелей, которые съ пѣснями и плясками потрясали оружіемъ передъ валомъ. Пуская стрѣлы издали, римскіе стрѣлки безнаказанно ранили многихъ изъ нихъ. Но какъ только подошли поближе, внезапная вылазка поколебала ихъ, и на помощь имъ явилась когорта Сугамбровъ, которую Сабинъ поставилъ невдалекѣ, какъ очень храбрую и не менѣе страшную грознымъ звукомъ военныхъ пѣсень и бряцаніемъ оружія.

48.

За тѣмъ Сабинъ перенесъ свой лагерь ближе къ непріятелю, оставивъ въ прежнихъ укрѣпленіяхъ ѳракійскій вспомогательный отрядъ Реметалка, о которомъ я говорилъ. Этимъ Ѳракійцамъ позволено было опустошать, жечь, гра-

бить окрестности, съ тѣмъ, чтобы они засвѣтло кончали свои набѣги, а ночью охраняли лагерь и ставили часовыхъ. Сначала такъ и было; но вскорѣ завелась роскошь; обогащенные добычею, они не такъ тщательно стали охранять посты, задавали пиры, предавались пьянству и разврату. Непріятель, провѣдавъ о ихъ безпечности, приготовилъ два отряда: одинъ долженъ былъ напасть на Ѳракійцевъ, другой на римскій лагерь, не для того, чтобы овладѣть имъ,—на это они не надѣялись,—но дабы каждый, занятый собственною опасностью, не услыхалъ шума битвы у союзника. Для увеличенія страха, они совершили нападеніе ночью. Но отрядъ, напавшій на легіоны, былъ безъ труда отраженъ; Ѳракійцы испугались внезапной аттаки: часть ихъ стала за укрѣпленіями, многіе блуждали внѣ лагеря, — и всѣ они были перебиты съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, что на нихъ смотрѣли, какъ на предателей, взявшихся за оружіе для порабощенія отечества и самихъ себя.

49.

На другой день Сабинъ вывелъ свое войско на ровное мѣсто, надѣясь, что, можетъ быть, варвары, одушевленные ночнымъ успѣхомъ, рѣшатся на битву; но такъ какъ они не покидали ни укрѣпленія, ни ближнихъ высотъ, то онъ началъ осаду, при помощи заранѣе поставленныхъ редутовъ, которые связалъ теперь траншеями и валомъ, 4000 шаговъ въ окружности; потомъ, чтобы лишить непріятеля воды и фуража, сталъ мало по малу стягивать линію и съуживать кругъ. Въ тоже время строился валъ, уже вблизи отъ непріятеля, чтобы бросать оттуда камни, копья и огонь. Всего болѣе мучила осажденныхъ жажда; у этого множества людей, воиновъ и не воиновъ, былъ одинъ только источникъ; ихъ

лошади и скотъ, запертые вмѣстѣ, по обычаю варваровъ, гибли отъ недостатка пастбища. Тамъ и сямъ лежали трупы людей, погибшихъ, кто отъ раны, кто отъ жажды. Они портились, и запахъ и прикосновеніе ихъ все заражали. Къ довершенію несчастія произошелъ споръ: одни хотѣли сдаться, другіе предпочитали смерть и даже предлагали всѣмъ умертвить другъ друга; нѣкоторые, имѣя столь же возвышенныя мысли, говорили, что надо дорого продать жизнь свою, сдѣлавъ отчаянную вылазку.

50.

Одинъ изъ ихъ полководцевъ, Динисъ, опытный старикъ, по долгому наблюденію знавшій силу и милосердіе Римлянъ, предлагалъ положить оружіе, говоря, что это единственное средство въ ихъ бѣдѣ, и первый съ женою и дѣтьми отдался въ руки побѣдителю. За нимъ послѣдовали всѣ слабые лѣтами и поломъ, всѣ, кому жизнь была дороже славы. Молодые люди раздѣлились на партіи Тарсы и Турезиса. Оба они хотѣли умереть за свободу: но Тарса предпочиталъ скорый конецъ, который бы разомъ рѣшилъ и надежды и опасенія, и подалъ примѣръ, пронзивъ себѣ грудь: за нимъ и другіе. Турезисъ съ своимъ отрядомъ сталъ дожидаться ночи. Нашъ полководецъ зналъ объ этомъ; посты были усилены, настала ночь, сдѣлалась страшная гроза, непріятель то яростно вскрикивалъ, то погружался въ глубокое безмолвіе. Осаждающіе были въ недоумѣніи. Сабинъ ходилъ вокругъ, совѣтовалъ не обращать вниманія на крики и не довѣряться безмолвію, не покидать постовъ ни на шагъ и не пускать стрѣлъ на удачу.

51.

Тѣмъ временемъ варвары, раздѣлившись на отряды, бросаютъ камни, закаленные ломы, срубленные пни, наполняютъ

рвы хворостомъ, фашинникомъ, мертвыми тѣлами; нѣкоторые приставляютъ къ укрѣпленіямъ заранѣе приготовленные мосты и лѣстницы, овладѣваютъ ими, разрушаютъ ихъ, вступаютъ въ рукопашный бой съ защищающими. Наши солдаты разстроиваютъ ихъ стрѣлами, отражаютъ щитами, бросаютъ стѣнобитныя копья, огромные камни. Римляне надѣются удержать побѣду за собою, боятся стыда пораженія; Ѳракійцамъ одно спасеніе въ побѣдѣ: присутствіе и вопли матерей и женъ поддерживаютъ въ нихъ храбрость. Ночь дѣлаетъ однихъ отважнѣе, другихъ трусливѣе; оружіе мечутъ на удачу, раны наносятся случайно; нельзя отличить своихъ отъ непріятелей; голоса, отражаясь отъ горъ, раздаются какъ бы въ тылу у Римлянъ и все смѣшиваютъ. Думая, что нѣкоторыя укрѣпленія взяты, Римляне ихъ покидаютъ. А на дѣлѣ непріятелей было очень немного: самые отчаянные были убиты или ранены, остальныхъ на разсвѣтѣ взогнали на самую вершину укрѣпленія и заставили наконецъ сдаться. Сосѣдніе обитатели поспѣшили сдѣлать тоже; остальные также были бы покорены съ боя или посредствомъ осады, если бы не пришла имъ на помощь ранняя зима горы Гемуса.

52.

А въ Римѣ продолжались раздоры въ семействѣ Тиберія. Чтобы подготовить погибель Агриппины, Домицій Афръ взялся обвинить ея двоюродную сестру по матери, Клавдію Пульхру. Этотъ Афръ, бывшій недавно преторомъ, не пользовался большимъ уваженіемъ и готовъ былъ на все, чтобы пріобрѣсти извѣстность. Онъ обвинилъ Клавдію въ развратной жизни, въ преступной связи съ Фурніемъ, въ колдовствѣ и замыслѣ отравить Цезаря. Агриппина, всегда пылкая, раздражившись опасностью, которой подвергалась ея

родственница, идетъ къ Тиберію и застаетъ его случайно приносящимъ жертву Августу. Внѣ себя восклицаетъ она, что не тому приносить жертвы Августу, кто губитъ его потомковъ. Его божественный духъ живетъ не въ мертвой статуѣ, а въ дѣтяхъ его, происшедшихъ отъ его священной крови: что она понимаетъ въ чемъ дѣло и уже надѣла трауръ; но за чѣмъ же губить Пульхру, которой все преступленіе заключается въ безразсудной привязанности къ Агриппинѣ, привязанности уже погубившей Созію?

Эти заносчивыя слова до того раздражили скрытнаго Тиберія, что онъ не могъ совладѣть собою и сказалъ ей греческій стихъ:

— Ты, кажется, оскорбляешься тѣмъ, что не царствуешь.

Пульхра и Фурній были приговорены къ казни. Съ тѣхъ поръ Афръ показалъ свой талантъ, сталъ въ числѣ первыхъ ораторовъ, и самъ Тиберій подтвердилъ, что онъ по праву можетъ назваться краснорѣчивымъ. Впослѣдствіи, выступалъ ли онъ какъ обвинитель или какъ защитникъ обвиненныхъ, онъ пользовался заслуженною извѣстностью за свое краснорѣчіе и нравственность. Только въ глубокой старости его талантъ значительно ослабѣлъ, но дряхлый умъ все-таки не могъ заставить его умолкнуть.

53.

Негодованіе Агриппины упорно продолжалось,—она заболѣла. Когда Тиберій посѣтилъ ее, она долго проливала безмолвныя слезы, наконецъ разразилась упреками и просьбами,

— Чтобы онъ сжалился надъ ея одиночествомъ, далъ ей мужа; она еще довольно молода для этого, а супружество единственное утѣшеніе честной женщины. Есть въ государ-

ствѣ люди, которые почтутъ за честь принять къ себѣ жену и дѣтей Германика.

Но Цезарь, понимая, что это вопросъ государственной важности, не желая обнаружить, что̀ взяло въ немъ верхъ, страхъ или ненависть, вышелъ, не давъ ей никакого отвѣта, не смотря на ея настоятельныя требованія. Это обстоятельство, о которомъ не упоминаетъ ни одинъ историкъ, нашелъ я въ запискахъ Агриппины дочери, матери Нерона, оставившей послѣ себя свое жизнеописаніе и разсказъ о бѣдствіяхъ своего семейства.

54.

Сеянъ еще глубже уязвилъ огорченную и неосторожную женщину, подославъ къ ней мнимыхъ друзей предостеречь ее, что для нея готовятъ ядъ, чтобы она избѣгала обѣдовъ Тиберія. Не умѣя притворяться, вскорѣ послѣ того, за обѣдомъ у Тиберія, она не прикоснулась къ пищѣ, не обращая вниманія на замѣчанія и знаки присутствовавшихъ. Тиберій наконецъ замѣтилъ это, случайно ли, или потому что его предупредили, и, чтобы совершенно убѣдиться, подалъ Агриппинѣ своею рукою яблоко, говоря, что оно очень вкусно. Подозрѣнія Агриппины увеличились, и, не прикоснувшись къ яблоку губами, она передала его служителю. Тиберій ничего ей не сказалъ, но, обратившись къ матери, замѣтилъ:

— Мудрено ли, что я строгъ съ женщиной, которая считаетъ меня отравителемъ?

Отсюда разнесся слухъ, что хотятъ погубить Агриппину, что Тиберій не смѣетъ сдѣлать это явно и потому ищетъ уединенія.

55.

Но Цезарь, для опроверженія этихъ толковъ, часто приходилъ въ сенатъ, нѣсколько дней слушалъ азіатскую депутацію, спрашивавшую, гдѣ поставить Тиберію храмъ? Одинадцать городовъ спорили между собою объ этой чести. Рвеніе ихъ было одинаково, но богатства различны; немного разности было въ древности рода, въ услугахъ, оказанныхъ римскому народу въ войну Персея, въ войну Аристоника и т. д. Но Гипенесъ, Траллесъ, Лаодикею и Магнезію тотчасъ оставили въ сторонѣ, какъ второстепенные города; даже Иліонъ имѣлъ туже участь, потому что за Троянцевъ говорила только древняя слава, такъ какъ они могли назвать Трою матерью Рима. Хотѣли было рѣшить вопросъ въ пользу Галикарнасцевъ, въ продолженіе тысячи двухсотъ лѣтъ не испытавшихъ землетрясенія, что позволяло имъ основать храмъ на самой скалѣ. Жители Пергама основывались на томъ, что у нихъ уже есть храмъ Августа, но по этому-то самому и рѣшено, что съ нихъ довольно такой почести. Въ Эфезѣ былъ храмъ Діаны, въ Милетѣ храмъ Аполлона,—что также нашли достаточнымъ для этихъ городовъ. Оставалось выбрать между Сардесомъ и Смирною. Сардесцы приводили декретъ Этрусковъ въ доказательство своей единокровности. А именно, сыновья царя Атиса, Тирренъ и Лидъ, по причинѣ многолюдства, раздѣлили между собою народъ. Лидъ остался на отцовской землѣ, а Тирренъ отправился искать новаго мѣста жительства: по имени этихъ предводителей названы и страны, одна въ Азіи, другая въ Италіи. Значеніе Лидійцевъ возрасло, когда они послали переселенцовъ въ ту часть Греціи, которая вскорѣ названа была по имени Пелона. Съ этимъ вмѣстѣ они представляли

письма нашихъ полководцевъ, договоры заключенные съ нами въ Македонскую войну, плодотворную силу рѣкъ, благорастворенность климата и богатство окружающей страны.

56.

Смирна также говорила о своей древности, какъ основанная Танталомъ сыномъ Юпитера, или Тезеемъ, также полубогомъ, или какою-то амазонкой, но главнымъ образомъ опиралась на услуги, оказанныя римскому народу, когда она послала ему свой флотъ на помощь въ войну, веденную въ самой Италіи, а не на чужой землѣ. Смирна первая поставила храмъ городу Риму въ консульство Марка Порція, когда Римляне совершили, правда, много подвиговъ, но еще не были на верху могущества, потому что существовалъ еще Карѳагенъ и были азіатскіе цари. Они сверхъ того приводили въ свидѣтельство Луція Суллу, котораго войско находилось какъ-то въ ужасномъ положеніи отъ зимней стужи и недостатка одежды. Когда донесли объ этомъ въ собраніи жителямъ Смирны, всѣ присутствующіе сняли съ себя одежду и отправили ее римскимъ легіонамъ. Сенаторы рѣшили вопросъ въ пользу Смирны. Вибій Марсъ подалъ мнѣніе, чтобы къ Марку Лепиду, завѣдывавшему этой провинціей, посланъ былъ сверхштатный чиновникъ для наблюденія надъ постройкою храма, и такъ какъ Лепидъ по скромности не хотѣлъ самъ никого избрать, то назначили по жребію Валерія Назона, бывшаго претора.

57.

Между тѣмъ Тиберій привелъ въ исполненіе давно задуманное намѣреніе, которое безпрестанно было откладываемо,

уѣхалъ въ Кампанію, подъ предлогомъ освятить храмъ Юпитера въ Капуѣ и храмъ Августа въ Нолѣ, но въ самомъ дѣлѣ рѣшился никогда не возвращаться въ Римъ. Я приписалъ причину этого отъѣзда ковнямъ и вліянію Сеяна, согласно съ большею частью писателей; но такъ какъ послѣ умерщвленія временщика Тиберій еще шесть лѣтъ жилъ по прежнему въ уединеніи, то мнѣ казалось бы правдоподобнѣе приписать ее самому Тиберію, въ своемъ заточеніи думавшему скрыть жестокость и развратъ, о которыхъ свидѣтельствовали факты. Иные думаютъ еще, что видъ дряхлаго тѣла, сухощавый, согбенный станъ, плѣшивая голова, лицо покрытое ранами и пластырями: все это приводило его въ стыдъ. Сверхъ того въ Родосскомъ заключеніи онъ привыкъ чуждаться людей и скрывать свою безнравственность. Думаютъ еще, что онъ удалился, чувствуя безсиліе свое въ борьбѣ съ матерью, которую не хотѣлъ принять въ соправительницы и не могъ отстранить, потому что ей обязанъ былъ своею властью: Августъ хотѣлъ было назначить наслѣдникомъ внука сестры своей, Германика, любимаго народомъ, но, склонившись на просьбы жены, принялъ Тиберія, а ему приказалъ усыновить Германика. Августа то и дѣло напоминала ему объ этомъ съ упреками.

58.

Тиберія сопровождала малочисленная свита: одинъ сенаторъ, Кокцей Нерва (79), бывшій консулъ, ученый законовѣдецъ; изъ всадниковъ, кромѣ Сеяна, знаменитый Курцій Аттикъ, да нѣсколько литераторовъ, почти все Грековъ, которыхъ болтовня его забавляла. Астрологи предсказывали по движенію свѣтилъ въ день отъѣзда, что Тиберій не воз-

(79) Дѣдъ императора.

вратится въ Римъ. Многіе черезъ это погибли, потому что, предполагая близость его конца, стали объ этомъ болтать. Никому не могъ придти въ голову такой невѣроятный случай, чтобы онъ одиннадцать лѣтъ произвольно провелъ внѣ Рима. Послѣдствія показали, какъ ошибочна эта наука, какою тьмой покрыта истина: астрологи не ошиблись, что Тиберій никогда болѣе не возвратится въ Римъ, но все остальное сказали на удачу, потому что, живя возлѣ самаго города, въ деревнѣ, или на берегу моря, онъ достигъ глубокой старости.

59.

Опасность, которой подвергнулся Цезарь въ эти дни, придала силы пустымъ россказнямъ и послужила къ увеличенію довѣренности и дружбы его къ Сеяну. Они обѣдали въ натуральномъ гротѣ виллы Спелунки, между Амуклейскимъ моремъ и Фунданскими горами. Вдругъ камни входа въ этотъ гротъ обрушились и завалили нѣсколько человѣкъ служителей. Всѣ испугались, гости пустились бѣжать, а Сеянъ, упершись своими колѣнами, головой и руками надъ Цезаремъ, сдерживалъ на себѣ обрушившуюся массу, пока не нашли его въ этомъ положеніи пришедшіе на помощь солдаты. Власть его возрасла, и всѣ его пагубные совѣты принимались во вниманіе, какъ безкорыстные. Играя роль судьи между Тиберіемъ и дѣтьми Германика, онъ подсылалъ обвинителей и въ особенности сталъ преслѣдовать Нерона, ближайшаго наслѣдника Тиберія, который, не смотря на свою скромность и молодость, часто забывалъ осторожность, необходимую при его настоящемъ положеніи. Отпущенники и кліенты, желая поскорѣе пріобрѣсти власть, подстрекали его безпрестанно, чтобы онъ былъ смѣлѣе и тверже духомъ.

— Этого хочетъ римскій народъ и войско, говорили они; Сеянъ не посмѣетъ противиться, не станетъ болѣе издѣваться надъ слабымъ старикомъ и робкимъ юношей.

60.

Неронъ слушалъ все это, ему не вспала на умъ никакая преступная мысль; но не воздерживаясь въ рѣчахъ, онъ говорилъ много дерзкаго и необдуманнаго; приставленные шпіоны все это преувеличивали и переносили, и Неронъ не могъ даже защищаться. Было у него и кромѣ того много кручинъ: одинъ избѣгалъ его встрѣчи, другой только поклонится — и бѣжитъ прочь; большая часть оставляли его, не кончивъ начатаго разговора, а приверженцы Сеяна оставались, чтобы смѣяться надъ нимъ. Тиберій встрѣчалъ его всегда съ грознымъ видомъ или фальшивой улыбкой; говори онъ, или молчи — все ему вмѣнятъ въ преступленіе; даже ночи его не были безопасны: жена ловила каждый вздохъ его, сны и бредъ, и обо всемъ доносила матери своей Ливіи, а та—Сеяну. Сеянъ привлекъ на свою сторону даже Друза, брата Нерона, соблазняя его имперіей, если онъ докончитъ уже начатую погибель старшаго брата. Буйный характеръ Друза воспламененъ былъ властолюбіемъ и ненавистью къ брату, за то что мать ихъ Агриппина была нѣжнѣе къ Нерону. Впрочемъ Сеянъ, по видимому покровительствуя Друзу, оставлялъ лазейку для будущей погибели его; онъ зналъ, что Друзъ слишкомъ заносчивъ и тотчасъ попадетъ въ западню.

61.

Въ концѣ года умерли знаменитые люди, Азиній Агриппа, не столько древняго, сколько славнаго рода, не посрамившій

предковъ своею жизнью, и Квинтъ Гатерій изъ сенаторской семьи, извѣстный ораторъ при жизни, хотя сочиненія его не пользуются такой славой. Вся его сила заключалась въ живой декламаціи, а не въ тщательной отдѣлкѣ слога. Обдуманный трудъ оратора служитъ примѣромъ позднѣйшимъ ораторамъ, а пѣвучая, плавная рѣчь Гатерія умерла вмѣстѣ съ нимъ.

780,—27.

62.

Въ консульство Марка Лицинія и Луція Кальпурнія случилось страшное несчастіе, котораго послѣдствія не уступаютъ послѣдствіямъ самой кровопролитной войны. Это было дѣло одного мгновенія. Какой то отпущенникъ Атилій, взявшись выстроить амфитеатръ въ Фиденѣ для гладіаторскихъ представленій, не укрѣпилъ его на прочномъ фундаментѣ и не соединилъ прочными связями деревянныя стропила; онъ не желалъ блеснуть роскошью и движимъ былъ не честолюбіемъ, а грязною корыстью. Толпа мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ, жадная до этихъ зрѣлищъ, нахлынула въ тѣмъ большемъ количествѣ, что разстояніе было близко и сверхъ того Тиберій держалъ народъ далеко отъ подобныхъ удовольствій. Это стеченіе народа увеличило несчастіе: громада потряслась, рухнула, частью внутрь, частью наружу, — и завалила огромную толпу людей, смотрѣвшихъ на представленіе или прогуливавшихся вокругъ амфитеатра. Тѣ, которые погибли на мѣстѣ, избѣжали по крайней мѣрѣ мученій: но ужасна участь тѣхъ, которые продолжали жить съ полураздавленнымъ тѣломъ, которые днемъ видѣли своихъ женъ и

дѣтей, а ночью слышали ихъ вопли и стенанія. Услышавъ объ этомъ бѣдствіи, народъ сбѣгался оплакивать кто брата, кто родственника, кто родителей; дрожали и тѣ, которыхъ друзья или родственники отлучились по другимъ дѣламъ, такъ какъ не знали навѣрное, кто погибъ, а неизвѣстность усугубляла страхъ.

63.

Когда начали разбирать развалины, толпа стала обнимать, цѣловать убитыхъ; часто поднимался споръ, если лицо покойнаго было слишкомъ обезображено, а возрастъ и костюмъ походили на другаго. Пятдесятъ тысячь человѣкъ было убито и ранено. Сенатъ запретилъ впредь давать гладіаторскія представленія тѣмъ, у кого не было 400,000 сестерцій доходу и приказалъ строить амфитеатры не иначе, какъ по освидѣтельствованіи прочности почвы. Атилій былъ сосланъ. Немедленно послѣ несчастія, всѣ знатные дома были открыты, доставили помощь, дали докторовъ,—и въ эти горькіе дни какъ будто воскресъ древній Римъ, когда послѣ страшнаго сраженія граждане наперерывъ спѣшили подать раненымъ помощь, уходомъ и деньгами.

64.

Едва успѣли очнуться отъ этого бѣдствія, какъ страшный пожаръ превратилъ въ пепелъ Целійскую гору. Толпа, всегда готовая приписать чьей нибудь винѣ случайныя несчастія, объясняла этотъ бѣдственный годъ отъѣздомъ Тиберія, неприятнымъ для боговъ. Но Цезарь прекратилъ всѣ толки, раздавъ деньги, соразмѣрно съ потерею каждаго. Знатные люди благодарили его чрезъ сенатъ, народъ благословлялъ

за то, что онъ не изъ честолюбія и не по просьбамъ приближенныхъ щедро надѣлилъ даже неизвѣстныхъ людей. Предлагали Целійскую гору назвать горою Августа, потому что одна статуя Тиберія въ домѣ сенатора Юнія осталась цѣла, не смотря на то, что пламя все пожрало вокругъ. Тоже случилось когда-то со статуей Клавдіи Квинты: она два раза осталась цѣла среди пламени и предки поставили ее въ храмъ матери боговъ.

— Видно родъ Клавдіевъ священный и принятъ въ чиcло боговъ, говорили въ народѣ. Надо освятить обрядомъ мѣсто, въ которомъ боги оказали Цезарю такое явное благоволеніе.

65.

Здѣсь кстати упомянуть, что эта гора называлась прежде Кверкветуланскою (дубоносною), потому что была покрыта густымъ дубовымъ лѣсомъ; потомъ названа Целійскою, потому что Этрусскій полководецъ Целесъ Вибенна, приходившій на помощь Риму по зову Тарквинія Древняго или другаго царя, останавливался на ней. Писатели не согласны только въ имени царя. Множество Этрусковъ поселилось на склонѣ горы и даже по ея подошвѣ до форума, отчего весь кварталъ получилъ названіе Тосканскаго.

66.

Но если заботливость вельможъ и щедрость Цезаря помогали народу въ этихъ бѣдственныхъ событіяхъ, за то со дня на день становилась сильнѣе и пагубнѣе ярость обвинителей. Домицій Афръ обвинилъ Вара Квинтилія, богатаго родственника Тиберія, сына уже прежде обвиненной имъ Клавдіи Пульхры. Никто не удивлялся, что Афръ, который

долго былъ бѣденъ и растратилъ недавно полученную премію, пустился на новыя подлости; но всѣ изумились, видя въ Публіи Долабеллѣ сообщника обвинителя: знаменитый родомъ, другъ Вара, онъ сгубилъ свое благородство и имя. Однакожъ сенатъ не поддался и рѣшилъ—подождать императора. Это было единственное временное средство противъ несчастій.

67.

А Цезарь, освятивъ храмы въ Кампаніи, указомъ запретилъ нарушать свой покой, приказалъ военною силою разгонять толпы горожанъ, и наконецъ, изъ ненависти къ городамъ, муниципіямъ и колоніямъ, и твердой землѣ, удалился на островъ Капрею, отдѣленный отъ оконечности Сурентинскаго мыса проливомъ въ 3,000 шаговъ ширины. Мнѣ кажется, что Тиберій выбралъ это уединенное мѣсто, потому что въ немъ не было гавани и едва могли приставать къ берегу самыя маленькія суда, такъ что часовые всегда знали напередъ, кто ѣдетъ къ Тиберію. Зима на этомъ островѣ была тепла, потому что гора задерживала холодный вѣтеръ; лѣто чрезвычайно пріятно, потому что западный вѣтеръ и отовсюду открытое море поддерживали прохладу; отсюда растилался роскошный видъ на заливъ, пока изверженіе Везувія не измѣнило очертанія мѣстности. Говорятъ, что этотъ островъ принадлежалъ Грекамъ, и что тутъ жили Телебойцы. Тиберій занялъ весь этотъ островъ двѣнадцатью виллами, и какъ прежде дѣятельно заботился объ общественныхъ дѣлахъ, такъ теперь погрязъ въ роскоши и недоброжелательномъ бездѣйствіи. При немъ оставалась его легковѣрная подозрительность, которую Сеянъ привыкъ уже разжигать въ Римѣ, а тутъ явно сталъ онъ наушничать на

Агриппину и Нерона. Къ нимъ приставили солдатъ, которые должны были записывать, какъ въ журналъ, кто ихъ посѣтитъ, что они сдѣлаютъ явно или тайно; подослали шпіоновъ, которые совѣтовали имъ ѣхать къ германскимъ легіонамъ, или, обнявши на форумѣ статую Августа, воззвать о помощи къ сенату и народу, и хотя они съ негодованіемъ отвергали подобныя предложенія, ихъ все-таки обвиняли, какъ будто бы они въ самомъ дѣлѣ замышляли что-нибудь подобное.

781,—28.

68.

Годъ консульства Юнія Силана и Силія Нервы начался злодѣяніемъ: за привязанность къ Германику посадили въ тюрьму знаменитаго римскаго всадника Тидія Сабина. Онъ не оставилъ вдовы и дѣтей Германика, часто навѣщалъ ихъ домъ, сопровождалъ на улицахъ, остался послѣднимъ изъ множества его кліентовъ. Хорошіе люди его хвалили, дурные ненавидѣли. Бывшіе преторы Латиній Латіарисъ, Порцій Катонъ, Петицій Руфъ и Маркъ Опсій домогались консульства; и такъ какъ консульство можно было получить только чрезъ Сеяна, а Сеяна задобрить только преступленіемъ, то они и рѣшились обвинить Сабина. Составили планъ. Латіарисъ, знавшій немного Сабина, долженъ былъ поставить ловушку, остальные быть свидѣтелями, и тогда уже приступить къ обвиненію. И такъ Латіарисъ началъ сперва вступать въ разговоръ съ Сабиномъ, потомъ сталъ хвалить его постоянство: онъ не такъ какъ другіе, былъ другомъ, когда семейство Германика было въ самой славѣ, и не покинулъ его въ несчастіи; всѣ эти рѣчи пересыпаны были похвалами Германику и состраданіемъ къ Агриппинѣ. И Сабинъ, разчув-

ствовавшись, залился слезами, разразился жалобами. Тог
Латіарисъ сталъ смѣло бранить Сеяна, его жестокость, вы
сокомѣріе и дерзкія надежды; да и Тиберію тоже досталос:
Такіе разговоры, какъ нѣчто запрещенное, по видимом
сдѣлали ихъ друзьями; уже Сабинъ искалъ Латіариса, бе
престанно посѣщалъ его домъ и повѣрялъ ему всѣ сво
горести.

69.

Сообщники стали совѣтоваться, какъ бы им подслуша
Сабина: потому что мѣсто бесѣды его съ Латіарисомъ долж
казаться вполнѣ безопаснымъ; стать за дверьми страшно, как
нибудь увидитъ: или зашумишь, или просто изъ предосторож
ности посмотритъ, нѣтъ ли кого; и три сенатора рѣшают
на подлѣйшую продѣлку: забиваются на чердакъ и слушают
приложивъ уши къ щелямъ потолка. Между тѣмъ Латі
рисъ, встрѣтивъ на улицѣ Сабина, зоветъ его къ себ
разсказать свѣжую новость и, приведя въ комнату, надъ ко
торой были шпіоны, начинаетъ перечислять всѣ прошлые
настоящіе ужасы, которыхъ было-таки довольно, и приба
ляетъ новыхъ. Сабинъ еще болѣе распространяется о
этомъ; сосредоточенное горе, вырвавшись однажды наруж
не можетъ быть сдержано. Обвиненіе готово и доносчи
посылаютъ къ Тиберію письмо, въ которомъ излагаютъ ве
ходъ интриги и всю свою подлость. Никогда еще Римъ
былъ въ такомъ страхѣ; боялись видѣться и говорить
близкими, страшились и знакомыхъ и незнакомыхъ, съ нед
вѣрчивостью смотрѣли даже на мертвыя кровли и стѣны.

70.

А Тиберій, написавъ въ сенатъ письмо по случаю то
жества новаго года въ январскія календы, началъ обычны

поздравленіями и перешолъ къ Сабину; жаловался, что онъ подкупилъ нѣсколькихъ отпущенниковъ и угрожалъ ему самому, и положительно требовалъ отмщенія. Медлить было нечего. Сабина повлекли на казнь, и онъ, насколько позволяли ему покрытая голова и стянутое горло, восклицалъ:

— Вотъ какъ начинается годъ! Вотъ жертва Сеяна!

И куда онъ ни обращалъ взоръ и рѣчь, всѣ бѣжали прочь; улицы и площади опустѣли; кое-кто возвращался и снова показывался, опасаясь даже своего страха.

— Какой же день будетъ свободенъ отъ казней, если во время священнодѣйствій и поздравленій, когда всѣ даже воздерживаются отъ богохульныхъ рѣчей, оковы и висѣлица продолжаютъ свирѣпствовать? Неужели Тиберій безъ намѣренія навлекаетъ на себя общую ненависть? Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ по заранѣе обдуманному плану, чтобы всякій видѣлъ, что вновь назначенные сановники могутъ начать свою должность, открывъ въ одно время храмъ и тюрьму.

Вслѣдъ за этимъ, въ новомъ письмѣ, Тиберій благодарилъ, что сенаторы казнили человѣка, опаснаго для государства, и прибавлялъ, что трепещетъ за свою жизнь, что подозрѣваетъ новыя злоумышленія. Онъ не назвалъ никого, но никто не сомнѣвался, что рѣчь шла объ Агриппинѣ и Неронѣ.

72.

Если бы не хронологическій порядокъ разсказа, я бы охотно заглянулъ впередъ и разсказалъ бы здѣсь о погибели Латинія, Опсія и ихъ сообщниковъ, даже не по вступленіи на престолъ Кая Цезаря, но еще при Тиберіи. Онъ не хотѣлъ, чтобы другіе губили исполнителей его злодѣяній, но самъ по большей части получалъ къ нимъ отвращеніе и,

замѣнивъ новыми, казнилъ старыхъ. Но объ этихъ и о другихъ казняхъ разскажемъ въ свое время.

Азиній Галлъ, котораго дѣти были племянники Агриппины, предложилъ просить Тиберія, чтобы онъ повѣрилъ сенату свои опасенія и позволилъ ихъ разсѣять. Изъ всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествъ (по собственному мнѣнію) Тиберій больше всего лелѣялъ скрытность: тѣмъ досаднѣе было для него видѣть, что его тайная мысль угадана. Сеянъ убѣдилъ его не сердиться, не изъ любви къ Галлу, но дабы положить конецъ медлительности Цезаря. Онъ зналъ, что Тиберій долго думаетъ, но, рѣшившись однажды, не отдѣляетъ грознаго слова отъ самой кары.

Въ это время скончалась Юлія, внука Августа, обвиненная въ нарушеніи супружеской вѣрности и сосланная имъ на островъ Тримеръ, близь береговъ Апуліи. Двадцать лѣтъ провела она въ этой тяжкой ссылкѣ, живя подаяніями Августы, которая, погубивъ втайнѣ своихъ пасынковъ, явно показывали за тѣмъ передъ всѣми свое состраданіе къ несчастнымъ.

. 72.

Въ этомъ году Фризы, за-рейнскій народъ, нарушили миръ, не столько изъ неповиновенія, сколько вслѣдствіе нашей корысти. Друзъ наложилъ на нихъ умѣренную дань, потому что они были дѣйствительно бѣдны; они должны были доставлять для арміи воловьи кожи, но никто не позаботился о томъ, чтобы опредѣлить ихъ толщину и мѣру. Оленній, примипиларій, которому досталось управлять Фризами, выбралъ буйволовыя кожи и далъ имъ въ образецъ. Это требованіе было бы стѣснительно и для другихъ народовъ, но для Германцевъ тѣмъ болѣе: ихъ лѣса наполнены огромной величины

дикими звѣрями, но домашній скотъ ихъ малъ. И такъ стали у нихъ сначала отбирать быковъ, потомъ поля, потомъ продавать въ рабство женъ и дѣтей. Народъ пришелъ въ негодованіе, жаловался; жалобы не помогли, онъ прибѣгнулъ къ войнѣ; сборщики податей, изъ солдатъ, были схвачены и повѣшены. Оленній спасся бѣгствомъ и заключился въ крѣпости Флевѣ, гдѣ былъ порядочный отрядъ Римлянъ и союзниковъ для охраненія береговъ Океана.

73.

Когда узналъ объ этомъ Луцій Апроній, пропреторъ Нижней Германіи, онъ призвалъ изъ верхне-рейнскихъ областей вексилларіевъ и избранные отряды вспомогательной пѣхоты и конницы, и, спустивши ихъ по Рейну вмѣстѣ съ собственнымъ войскомъ, напалъ на Фризовъ, которые уже покинули осаду крѣпости и разбѣжались охранять свою землю. Апроній приказываетъ навести плотины и мосты на рукава моря, для переправы тяжелой арміи; а между тѣмъ, отыскавши бродъ, приказываетъ Каннинефатскому конному отряду вмѣстѣ со всею бывшею у насъ германскою пѣхотой обойти непріятелю въ тылъ. Но Фризы уже выстроились и отразили и союзниковъ, и посланную на помощь конницу легіоновъ. Тогда Апроній послалъ три легкія когорты, потомъ еще двѣ и наконецъ союзную конницу. Этихъ силъ было бы достаточно, если бы они дѣйствовали вмѣстѣ; но, входя въ дѣло отрядъ за отрядомъ, они не только не придавали храбрости бѣжавшимъ, но даже сами заражались страхомъ и обращали тылъ. Апроній поручилъ остальныя войска союзниковъ Цетегу Лабеону, легату пятаго легіона: но и эти начали подаваться. Цетегъ испугался и послалъ просить въ помощь легіоны: пятый пришелъ прежде всѣхъ, и

общими силами, послѣ упорной стычки, прогнали непріятеля и привели назадъ когорты и конницу — покрытыя ранами. Римскій полководецъ и не думалъ отмщать за это дѣло; онъ даже не занялся погребеніемъ убитыхъ, хотя тутъ много пало трибуновъ, префектовъ и храбрыхъ центуріоновъ. Вскорѣ перебѣжчики донесли, что у рощи Бадугенны девятсотъ Римлянъ погибло въ двухдневной битвѣ, что въ другомъ мѣстѣ отрядъ въ четыреста человѣкъ занялъ виллу бывшаго союзника нашего Крупторикса, и что всѣ они, боясь измѣны, перерѣзали другъ друга.

74.

Съ этихъ поръ имя Фризовъ прославилось между Германцами, а Тиберій скрывалъ это пораженіе, чтобы никому не поручать вести войну. И сенатъ уже не заботился о безопасности предѣловъ имперіи, всѣ умы поглощены были страхомъ внутреннихъ бѣдствій и искали спасенія въ лести. Такъ, разсуждая о совершенно различныхъ предметахъ, сенаторы постановили воздвигнуть алтари Милосердію и Дружбѣ и украсить ихъ статуями Цезаря и Сеяна, и безпрестанно умоляли о позволеніи имѣть счастіе лицезрѣть ихъ. Впрочемъ Тиберій и Сеянъ не пріѣхали въ Римъ и даже не приблизились къ нему; имъ казалось достаточно оставить островъ и показаться на берегу Кампаніи. Туда-то собрались сенаторы, всадники и большая часть народа. Всѣ боялись Сеяна, къ которому доступъ сдѣлался труденъ и возможенъ только посредствомъ происковъ или готовности быть исполнителемъ его злодѣйскихъ замысловъ. Ясно было, что спѣсь его увеличилась при видѣ этого раболѣпнаго униженія Римлянъ. Въ Римѣ стеченіе народа безпрерывно, городъ великъ, и неизвѣстно, по какому дѣлу и куда кто идетъ;—

здѣсь же проводили они день и ночь на берегу, въ полѣ, перенося оскорбленія Сеяновыхъ рабовъ, пока и съ ними запрещено было говорить, — и возвратились съ чѣмъ пришли. Онъ не только не удостоилъ ихъ рѣчью, но даже не показался имъ. Многіе трепетали, нѣкоторые радовались себѣ на пагубу, потому что дружба Сеяна грозила бѣдою.

75.

Между тѣмъ Тиберій выдалъ Агриппину, дочь Германика, за Кнея Домиція и приказалъ отпраздновать свадьбу въ Римѣ. Домицій былъ древняго рода и сверхъ того родственникъ Цезарей: Октавія была ему бабка, а по ней и Августъ приходился дядей.

КНИГА ПЯТАЯ.

Отъ осн. Рима 782—784 года. По Р. Х. 29—31 года.

782,—29.

1.

Въ консульство двухъ Геминовъ, Рубеллія и Фуфія, скончалась въ глубокой старости Юлія Августа, женщина самаго знатнаго происхожденія, потому что сама была изъ рода Клавдіевъ, а по усыновленію принадлежала къ Ливіямъ и Юліямъ. Въ первый разъ она была за мужемъ за Тиберіемъ Нерономъ, который бѣжалъ въ войну Перузійскую, а по заключеніи мира между Секстомъ Помпеемъ и тріумвирами возвратился въ Римъ. У нихъ были дѣти. Потомъ Августъ, прельщенный ея красотою, похищаетъ ее у мужа,— неизвѣстно, свѣдома ея или нѣтъ,—и съ такимъ нетерпѣніемъ вводитъ ее въ свой домъ, что даже не даетъ времени родить, такъ какъ она была беременна. Послѣ этого у нея не было дѣтей, но бракъ Агриппины съ Германикомъ пріобщилъ ее къ роду Августа и у нихъ были общіе правнуки. Она была цѣломудренна, какъ древнія, любезна, какъ онѣ не могли быть; властолюбивая мать, снисходительная жена, она соединила въ себѣ хитрость мужа съ притворствомъ сына.

Похороны были просты, завѣщаніе долго оставалось безъ исполненія. Правнукъ ея, Кай Цезарь, будущій императоръ, говорилъ надгробное слово.

2.

Тиберій написалъ въ сенатъ, что множество дѣлъ мѣшаетъ ему отдать матери послѣдній долгъ, и ни на минуту не измѣнилъ своей жизни, полной удовольствій. Сенатъ щедро присудилъ Ливіи разныя почести, но Тиберій уменьшилъ ихъ, какъ будто по скромности, и не позволилъ причислить къ богамъ, говоря, что такова была ея собственная воля. Въ его письмѣ была даже выходка противъ поклонниковъ женщинъ, на счетъ консула Фуфія, который былъ въ милости у Августы за остроуміе и часто позволялъ себѣ ѣдкіе сарказмы противъ Тиберія,—а на это память тверда у властителей.

3.

Съ этой поры жестокости и притѣсненія въ правленіи Тиберія усугубились. При жизни Августы было еще убѣжище отъ преслѣдованія: Тиберій издавна привыкъ бояться матери, а Сеянъ не смѣлъ идти противъ нея. Теперь оковы пали и преслѣдованія прорвались необузданнымъ потокомъ. Тотчасъ послѣ смерти Августы послано въ сенатъ обвинительное письмо противъ Агриппины и Нерона, и народъ былъ увѣренъ, что его показывали Августѣ, но что она его удержала. Всѣ строгія выраженія этого письма были разочтены; Тиберій обвинялъ внука не въ возмущеніи, не въ заговорѣ, а въ развратной жизни, въ непозволительныхъ связяхъ съ молодыми людьми; Агриппину не смѣлъ онъ обви-

нить и въ этомъ, и говорилъ только, что она слишкомъ надменна и заносчива. Сенатъ безмолвствовалъ въ ужасѣ. Наконецъ кое кто изъ тѣхъ людей, для которыхъ честный путь невозможенъ, которые злоупотребляютъ для личной пользы общественныя бѣдствія, предложили приступить къ обсужденію. Котта Мессалинъ поспѣшилъ даже изъявить свое жестокое мнѣніе. Но остальные сенаторы, и въ особенности консулы, не знали на что рѣшиться: Тиберій ограничился только горькими обвиненіями и ни слова не сказалъ о прочемъ.

4.

Былъ въ сенатѣ Юній Рустикъ, назначенный Цезаремъ для записыванія дѣлъ и потому, какъ полагали, посвященный въ намѣренія Тиберія. По какому-то несчастному влеченію (до тѣхъ поръ онъ не былъ извѣстенъ твердостью духа) или по ложному разсчету, забывъ настоящее и рискуя своею будущностью, онъ присталъ къ партіи нерѣшительныхъ и сталъ совѣтовать консуламъ не начинать дѣла.

— Одно мгновеніе, говорилъ онъ, можетъ измѣнить все. Дайте время старику одуматься, и семейство Германика придетъ въ силу.

Между тѣмъ народъ, со статуями Агриппины и Нерона въ рукахъ, окружаетъ сенатъ, привѣтствуетъ Тиберія и кричитъ, что письмо подложно, что безъ его вѣдома хотятъ губить его родъ. Такъ прошелъ этотъ печальный день, и ни на что не рѣшились. Разнесся слухъ, что кое-какіе сенаторы изъ бывшихъ консуловъ произнесли приговоръ надъ Сеяномъ: чѣмъ таинственнѣе говорили объ этомъ, тѣмъ больше раздражены были умы. Сеянъ взбѣсился, да и было къ чему придраться.

— Сенатъ насмѣялся надъ горемъ государя, народъ возмущенъ; вездѣ слушаютъ и читаютъ возмутительныя рѣчи, небывалые указы сената. Имъ осталось только взяться за оружіе и провозгласить императоромъ и полководцами тѣхъ, чье изображеніе служитъ имъ знаменемъ.

5.

И Тиберій снова обвинилъ внука и сноху, указомъ далъ выговоръ народу и жаловался сенату, что по измѣнѣ одного сенатора публично оскорблено его императорское достоинство; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы все рѣшеніе было предоставлено ему самому. Тутъ уже не разсуждали. Приговора никакого не сдѣлали, потому что Тиберій это запретилъ, а изъявили готовность отмстить за него, если онъ прикажетъ.

783, 784,—30, 31.

6.

(80) .... по этому случаю было сказано сорокъ четыре рѣчи; одни изъ страха, другіе по привычкѣ........

---

(80) Потеряны происшествія болѣе двухъ лѣтъ. Вотъ главнѣйшія: Друзъ, сынъ Германика, женится на Эмиліи Лепидѣ.—Всѣ друзья Августы казнены.—Агриппину, по приказанію Тиберія увозятъ на островъ Пандатерію и выкалываютъ ей глазъ.—Неронъ сынъ Германика, сосланъ на островъ Понтію —Друзъ высланъ изъ Капреи въ Римъ и содержится подъ стражею во дворцѣ. — Азиній Галлъ арестованъ за обѣдомъ у Тиберія.—Консульство Тиберія и Сеяна.— Сенатъ хочетъ имъ предоставить его на пять лѣтъ: Тиберій отка-

— .... я думалъ, что на меня падетъ стыдъ, а на Сеяна ненависть........

— .... Но счастіе повернулось, и тотъ, кто избралъ его себѣ въ товарищи и зятья, забываетъ все; прочіе, послѣ безстыдной лести, преслѣдуютъ его съ ожесточеніемъ....

— .... я не стану разбирать, что лучше, быть обвиненнымъ за друга, или обвинить друга........

— .... Ничей приговоръ, ничье милосердіе меня не коснется: я останусь независимъ и предупрежу мою казнь. Умоляю васъ, пролейте въ память мою слезы радости, поставьте меня въ число тѣхъ, которые знаменитою смертью избавили себя отъ общественныхъ бѣдствій.

7.

Тогда, отпустивъ или приглашая остаться присутствующихъ, какъ кто желалъ, онъ провелъ часть дня въ разговорахъ съ друзьями. Посѣтителей было еще много; всѣ, смотря на его неустрашимый видъ, думали, что послѣдній часъ его еще далеко, какъ вдругъ, выхвативъ скрытый подъ одеждою мечь, онъ нанесъ себѣ смертельный ударъ. Даже Цезарь не сталъ обвинять покойнаго въ преступленіяхъ и порокахъ, какъ онъ поступилъ относительно Блеза.

зываетъ, чтобъ не допустить до такой почести Сеяна.—Сеяну запрещено возвратиться въ Капрею. — Тиберій надѣваетъ мужскую тогу на Кая и казнитъ Нерона.—Сеянъ составляетъ заговоръ и арестованъ Макрономъ въ полномъ засѣданіи сената. Онъ задавленъ, его сынъ и дядя Блезъ казнены. Апиката, его бывшая жена, выдаетъ сообщниковъ и лишаетъ себя жизни.

Разсказъ возобновляется рѣчью одного изъ друзей Сеяна.

8.

Послѣ этого занялись дѣломъ о Публіѣ Вителліѣ и Помпоніѣ Секундѣ. Перваго обвиняли въ томъ, что, будучи казначеемъ, онъ далъ заговорщикамъ казну и военныя суммы; втораго бывшій преторъ Консидій обвинялъ въ дружбѣ съ Эліемъ Галломъ, который, послѣ казни Сеяна, скрылся въ садахъ Помпонія, какъ въ вѣрнѣйшемъ убѣжищѣ. Оба они погибли бы, если бы за нихъ не поручились братья: дѣло было отсрочено. Эта постоянная борьба между страхомъ и надеждою измучила Вителлія; доставъ себѣ ножикъ, какъ будто для какой-то работы, онъ слегка поранилъ себѣ вены и кончилъ жизнь съ отчаянія. Помпоній же, свѣтскій и умный, съ твердостью перенесъ несчастіе и пережилъ Тиберія.

9.

За симъ рѣшили преслѣдовать остальныхъ дѣтей Сеяна, хотя народный гнѣвъ уже утихъ и казни первыхъ успокоили многихъ. И потащили въ тюрьму мальчика, уже понимавшаго опасность, которая ему угрожала, и дѣвочку, до того невинную, что она безпрестанно спрашивала:

— Что я сдѣлала? Куда меня ведутъ? я больше не буду, высѣките меня.

Современные писатели говорятъ, что такъ какъ до тѣхъ поръ было не слыхано, чтобы казнили дѣвицу, то палачъ передъ казнью растлилъ ее. Потомъ ихъ удушили и тѣла бросили въ Гемоніи.

10.

Въ это время по Азіи и Ахаіи разнесся слухъ, который не долго продолжался, но сильно взволновалъ всѣхъ, что

Друзъ, сынъ Германика, показался на Цикладскихъ островахъ и вслѣдъ за тѣмъ на материкѣ. Дѣйствительно, былъ молодой человѣкъ такихъ же лѣтъ; и отпущенники Цезаря, какъ будто узнавъ Друза, сопровождали его, выжидая случай арестовать. Необразованные Греки, всегда склонные вѣрить въ чудесное и небывалое, соблазнились громкимъ именемъ и повѣрили; они вообразили, что, убѣжавъ изъ заточенія, онъ идетъ къ отцовскимъ войскамъ возмутить Египетъ и Сирію, — и убѣдились, что это дѣйствительно правда. Уже молодежь сбѣгалась къ нему, уже получалъ онъ публичныя почести и, упоенный настоящимъ, питалъ себя пустою надеждой, — какъ объ этомъ провѣдалъ Поппей Сабинъ. Хотя онъ былъ тогда занятъ въ Македоніи, но не терялъ изъ виду Ахаію. Справедливъ ли, или ложенъ былъ этотъ слухъ, надо было его предупредить; итакъ, съ поспѣшностью переправившись чрезъ Торонейскій и Термейскій заливы, онъ поѣхалъ на Евбею, островъ Эгейскаго моря, вступилъ въ Пирейскую гавань на берегу Аттики, чрезъ Коринѳскій перешеекъ вошолъ въ другое море и прибылъ въ римскую колонію Никополисъ. Тутъ наконецъ узналъ онъ, что самозванецъ, хитро допрошенный, назвался сыномъ Марка Силана, что почти всѣ его сообщники разбѣжались, а самъ онъ сѣлъ на корабль и отправился въ сторону Италіи. Онъ написалъ объ этомъ Тиберію. Мы ничего болѣе не могли разыскать, ни о началѣ, ни о концѣ этого дѣла.

11.

Къ концу года разразилась уже за-долго начавшаяся вражда между консулами. Тріонъ, краснорѣчивый и наживавшій себѣ безпрестанно новыхъ враговъ, косвенно обвинилъ Ре-

гула, въ слабомъ преслѣдованіи приверженцовъ Сеяна. Регулъ, скромный, когда его не задѣвали, не только отразилъ своего товарища, но обвинилъ его какъ заговорщика и требовалъ на судъ. Не смотря на просьбы сенаторовъ, оставить эту вражду, которая погубитъ ихъ обоихъ, они продолжали угрожать другъ другу, пока оставались при должности.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Отъ осн. Рима 785—790 года. По Р. Х. 32—37 года.

785,—32.

1.

Кней Домицій и Камиллъ Скрибоніанъ вступили къ консульство. Тиберій переправился чрезъ проливъ, отдѣляющій Капрею отъ Суррента, и поѣхалъ по Кампаніи къ Риму. Неизвѣстно, хотѣлъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ возвратиться туда или только показывалъ видъ, что хочетъ, рѣшившись въ самомъ дѣлѣ никогда тамъ не бывать;—какъ бы то ни было, онъ часто подъѣзжалъ къ Риму, доходилъ даже до садовъ у Тибра и чрезъ нѣсколько времени отправился обратно, на свой одинокій утесъ среди моря, чтобы скрыть тамъ позоръ своихъ злодѣяній и разврата. Безпутство его было необузданно; по примѣру (восточныхъ) царей, его могло удовлетворить только оскверненіе малолѣтныхъ дѣтей свободныхъ гражданъ, и въ выборѣ руководствовался онъ не только формою и красотою тѣла, но въ однихъ раздражала его сластолюбіе скромность, дѣтская стыдливость, въ другихъ даже знатное происхожденіе; тутъ были выдуманы дотолѣ неизвѣстныя слова *sellarii* и *spintrii*: названія чудовищнаго разврата и

мѣстъ, для него построенныхъ. На особенныхъ рабовъ возложена была обязанность отыскивать, похищать для него жертвы, награждать тѣхъ, кто не противится, угрожать тѣмъ, которые осмѣлятся возстать; если отецъ или родственникъ вздумаютъ удерживать — дѣйствовать силою; однимъ словомъ они поступали также самовластно, какъ побѣдитель съ побѣжденнымъ.

2.

А въ Римѣ съ самаго начала года обнародывались сенатскіе обвинительные декреты противъ статуй и памяти Ливіи, какъ будто бы только теперь узнали о ея преступленіяхъ, какъ будто она не была давно уже за нихъ наказана. Имѣніе Сеяна изъ государственной казны передали въ фискъ, — какъ будто это было не одно и тоже! — И эти мнѣнія, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, подавали Сципіоны, Силаны и Кассіи! Тогоній Галлъ, человѣкъ низкаго происхожденія, хотѣлъ, чтобы его имя также красовалось между этими знаменитостями, и былъ осмѣянъ, предложивъ Тиберію назначить сенаторовъ, изъ которыхъ, выбравъ по жребію двадцать человѣкъ, вооружить ихъ для охраненія его особы, когда онъ будетъ въ сенатѣ. Дѣло въ томъ, что Тогоній повѣрилъ письму, въ которомъ Тиберій просилъ прислать къ себѣ одного изъ консуловъ, чтобы онъ могъ въ его сопровожденіи безопасно переѣхать изъ Капреи въ Римъ. Тиберій, любившій соединять комическую сторону съ серьезной благодарилъ сенаторовъ, прибавляя иронически:

— Кого избрать? кого оставить? избрать ли разъ навсегда однихъ и тѣхъ же, или только на время? почетныхъ сенаторовъ, или молодыхъ людей? частныя лица, или чиновниковъ? И притомъ, что за вооруженные люди у порога

сената? Мнѣ и жизнь не будетъ такъ дорога, если ее станутъ охранять оружіемъ.

Этимъ ограничились его замѣчанія Тогонію. Онъ просилъ только оставить эту мысль.

3.

Не такъ легко отдѣлался Юній Галліонъ, предложившій дать заслуженнымъ преторіанцамъ мѣсто на четырнадцати скамьяхъ римскихъ всадниковъ (въ театрахъ). Жестокій выговоръ далъ ему Тиберій и обращался къ нему съ вопросомъ, какъ будто самъ былъ тутъ:

— Что ему за дѣло до солдатъ? Они получаютъ приказанія отъ императора, и награды должны имъ идти отъ него же. Галліонъ придумалъ то, что даже Августу не вспало на умъ. Да не сообщникъ ли онъ Сеяна? Не хочетъ ли онъ поселить раздоръ и духъ возмущенія въ арміи и подъ предлогомъ почета развратить грубую натуру солдата?

Вотъ что получилъ Галліонъ за свою обдуманную лесть. Тотчасъ былъ онъ исключенъ изъ сената и вслѣдъ за тѣмъ изгнанъ изъ Италіи. Но когда донесли, что это изгнаніе для него ничего не значитъ, потому что онъ поселился на пріятномъ и знаменитомъ островѣ Лесбосѣ, — его привезли въ Римъ и содержали подъ стражею въ домахъ чиновниковъ. Въ томъ же письмѣ, къ великой радости сенаторовъ, Тиберій напалъ на бывшаго претора Секстія Пакопіана, наглаго злодѣя, который старался вывѣдывать всѣ семейныя тайны и былъ выбранъ Сеяномъ для умерщвленія Кая Цезаря. Какъ только это открылось, всѣ стремились излить свою ненависть и приговорили бы его къ смертной казни, если бы онъ не спасся—доносомъ.

4.

Онъ обвинилъ Латинія Латіариса. Съ удовольствіемъ смотрѣли на этихъ двухъ злодѣевъ, обвинителя и обвиненнаго. Латіарисъ, какъ я уже сказалъ, былъ главнымъ виновникомъ погибели Тиція Сабина и первый былъ теперь за это наказанъ. Между тѣмъ Гатерій Агриппа напалъ на прошлогоднихъ консуловъ, спрашивая:

— Зачѣмъ они обвиняли другъ друга, а теперь молчатъ? Видно у нихъ совѣсть не чиста и страхъ сдѣлалъ ихъ друзьями. Но сенаторы не должны забыть, что̀ слышали.

Регулъ отвѣчалъ, что время еще не ушло, что онъ дождется Тиберія; Тріонъ же сказалъ, что предпочитаетъ забыть ссоры, происходившія отъ соперничества въ управленіи. Но Агриппа продолжалъ настаивать на своемъ, пока бывшій консулъ Санквиній Максимъ не посовѣтовалъ сенаторамъ не увеличивать новыми дрязгами заботъ императора: онъ самъ укажетъ какъ дѣйствовать, если это будетъ нужно. Этимъ спасъ онъ Регула и замедлилъ погибель Тріона. Гатерія еще болѣе стали ненавидѣть. Вѣчно заспанный, погрязшій въ развратѣ, обезпеченный своею низостью отъ преслѣдованій самаго мрачнаго тирана, онъ среди трактировъ и развратныхъ оргій замышлялъ погибель знаменитыхъ людей.

5.

Наконецъ дошла очередь и до Котты Мессалина, давно ненавистнаго всѣмъ, за то, что онъ всегда подавалъ самое жестокое мнѣніе. При первомъ удобномъ случаѣ его обви-

нили во многомъ: что онъ оклеветалъ Кая Цезаря въ гнуснѣйшемъ развратѣ; что онъ назвалъ тризною пиръ, данный жрецами въ день рожденія Августы; что, жалуясь на самовластіе Марка Лепида и Луція Аррунція, съ которыми имѣлъ денежную тяжбу, онъ сказалъ между прочимъ:

— Пусть за нихъ стоитъ сенатъ, за меня вступится мой *Тиберинька* (Tiberiolus).

Самые знатные люди подтвердили эти показанія и, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, онъ пожаловался Тиберію. Немного спустя, сенатъ получилъ письмо, въ которомъ Тиберій, разсказавъ сначала, какъ бы въ защиту Мессалина, о началѣ ихъ дружбы, упомянувъ о многочисленныхъ оказанныхъ имъ услугахъ, заключилъ письмо тѣмъ, что не слѣдуетъ ему ставить въ вину словъ, сказанныхъ просто подъ пьяную руку и перетолкованныхъ въ дурную сторону.

6.

Особенно странно показалось начало этого письма. Тиберій писалъ:

— Если я знаю, сенаторы, о чемъ вамъ писать, какъ писать и вообще писать ли вамъ что-нибудь теперь, такъ пусть боги пошлютъ на погибель мою еще болѣе страданій, нежели я въ самомъ дѣлѣ испытываю каждый день.

Такъ его преступленія и пороки послужили ему самому на погибель. Не даромъ знаменитый мудрецъ говаривалъ, что, если раскрыть душу тирана, то увидишь, что она вся истерзана жестокостью, сладострастіемъ и злодѣяніями, словно тѣло побоями. Не смотря ни на высокое положеніе Тиберія, ни на уединеніе его, — изъ груди его вырвался крикъ сознанія, что онъ страдаетъ и наказанъ.

7.

Тутъ же Тиберій предоставлялъ сенату наказать сенатора Цециліана, всего больше нападавшаго на Котту, и его приговорили къ тому же наказанію, какому подверглись Арузей и Санквиній, обвинители Луція Аррунція. И такъ Котта, правда благородный, но раззорившійся на предметы роскоши, покрытый безславіемъ за свои пороки, удостоился быть поставленъ на ряду съ знаменитымъ и доблестнымъ Аррунціемъ. Послѣ этого приведены въ сенатъ Минуцій Термъ и бывшій преторъ Сервей, изъ прежней свиты Германика. Минуцій былъ римскій всадникъ. Оба они не употребляли во зло дружбу Сеяна, и потому всѣ смотрѣли на нихъ съ участіемъ. Но Тиберій, называя ихъ главными зачинщиками заговора, уполномочилъ Кая Цестія отца донести сенату, о чемъ онъ Цестій ему писалъ. И Цестій выступилъ обвинителемъ. Всего ужаснѣе было въ это тяжелое время, что самые знатные сенаторы предпринимали обвиненія, одни явно, другіе тайно; обвиняли и свои и чужіе, и пріятели и незнакомые, обвиняли и въ недавно случившемся, и въ давно забытомъ. О чемъ бы ни говорили, на форумѣ или на пиру,—сейчасъ готовъ былъ доносъ. Каждый спѣшилъ предупредить другаго, иногда, чтобы обезпечить себя, а по большей части какъ будто зараженный эпидеміей. Такъ и Минуцій и Сервей, когда ихъ приговорили, прибѣгли къ доносу и указали на Юлія Африкана, уроженца Галльскаго города Сантона и Сеія Квадрата, котораго происхожденія я не могъ доискаться. Я знаю, что бо̀льшая часть писателей не упоминаетъ о многихъ обвиненіяхъ и казняхъ, потому ли, что ихъ было слишкомъ много, чтобы упоминать о каждомъ, или потому что опечаленные и раздосадованные сами, они

боялись нагнать тоску на читателей. Но мы нашли, что многое, пропущенное ими, достойно быть упомянутымъ.

8.

Въ то время, когда всѣ друзья Сеяна отрѣклись отъ него, римскій всадникъ Маркъ Теренцій, обвиненный въ этой дружбѣ, осмѣлился оправдываться и сказалъ сенаторамъ:

— Для меня, можетъ быть, было бы выгоднѣе отрицать мое преступленіе, нежели сознаться въ немъ: но какъ бы то ни было, я не скрываю, что пользовался дружбою Сеяна, что искалъ ее и былъ счастливъ, когда достигнулъ. Я видѣлъ его товарищемъ отца въ командованіи преторіанскими когортами, потомъ видѣлъ въ его рукахъ и военную и гражданскую власть. Его родственники и приближенные были осыпаны почестями, всѣ друзья Сеяна пользовались расположеніемъ Цезаря, всѣ враги его пресмыкались въ униженіи и страхѣ. Я никого не называю, но берусь съ опасностью собственной жизни защищать всѣхъ, которые, подобно мнѣ, хотя и не участвовали въ послѣднихъ его замыслахъ, но были его поклонниками. Мы поклонялись не Сеяну, гражданину Вульсиній, но приближенному къ роду Клавдіевъ и Юліевъ, твоему зятю, Цезарь, товарищу твоего консульства, уполномоченному твоею верховною властью въ государствѣ. Не наше дѣло судить, кого и за что ты ставишь выше другихъ; боги дали тебѣ верховное право суда, — мы можемъ отличиться только повиновеніемъ. Мы можемъ только видѣть, кого ты осыпаешь богатствами, почестями, кому даешь власть приносить пользу и вредъ: никто не станетъ отрицать, что Сеянъ все это имѣлъ. Что же касается до внутреннихъ чувствъ Цезаря, до его тайныхъ побужденій, то

было бы преступно и опасно ихъ доискиваться,—да ни къ чему бы и ни привело. Смотрите не на послѣдній день Сеяна, а на шестнадцать лѣтъ его могущества, когда мы кланялись даже Сатрію и Помпонію, когда считали большою честью знакомство съ его отпущенниками и служителями. Но какъ? Развѣ ко всѣмъ безъ различія можно приложить это оправданіе? Нѣтъ, надо раздѣлить обвиненныхъ на категоріи. Да будутъ наказаны тѣ, которые замышляли возмущеніе и убійство императора; но дружба и услуги, оказанныя Сеяну, да простятся намъ,—какъ и тебѣ, Цезарь.

9.

Эта твердая рѣчь, эти смѣло высказанныя мысли, раздѣляемыя всѣми, до того сильно подѣйствовали, что обвинители Теренція, виновные кромѣ того въ другихъ преступніяхъ, были приговорены, кто къ изгнанію, кто къ смертной казни.—Послѣдовало новое письмо Тиберія съ обвиненіемъ Секста Вестилія, бывшаго претора, любимца Тиберіева брата Друза и принятаго самимъ Тиберіемъ въ число приближенныхъ. Причиною преслѣдованія былъ какой-то безстыдный памфлетъ на Кая Цезаря, сочиненный будто бы Вестиліемъ. Когда Тиберій не приказалъ его принимать къ себѣ, старикъ нанесъ на себя руку, но потомъ перевязалъ вены и написалъ къ Цезарю умоляющее письмо: отвѣтъ былъ грозенъ, и онъ снова открылъ себѣ жилы. Вслѣдъ за нимъ разомъ обвинены были въ оскорбленіи величества Анній Полліонъ, Аппій Силанъ, Скавръ Мамеркъ и Сабинъ Кальвизій; сынъ Полліона Виниціанъ былъ также впутанъ въ дѣло отца: все люди знаменитые родомъ и почестями. Затрепетали сенаторы. Кто не былъ другъ или родственникъ этимъ извѣстнымъ лицамъ? Къ счастію, одинъ изъ

свидѣтелей, Цельзъ, трибунъ городской когорты, спасъ Аппія и Кальвизія отъ преслѣдованія. Тиберій отложилъ дѣло Полліоневъ и Скавра, говоря, что намѣренъ самъ его разобрать съ сенатомъ, и употребилъ о Скаврѣ выраженія, не предвѣщавшія ничего хорошаго.

10.

Даже женщины не могли избѣгнуть опасности. Ихъ нельзя было обвинить въ возмущеніи: имъ ставили въ преступленіе слезы. Старуха Витія, мать Фуфія Гемина, была казнена за то, что оплакивала своего сына. Это дѣлалось въ сенатѣ. А Тиберій съ своей стороны приказалъ убить Вескуларія Аттика и Юлія Марина, старѣйшихъ своихъ приверженцовъ, не покинувшихъ его ни въ Родосѣ, ни въ Капреѣ. Вескуларій былъ переметчикомъ, когда преслѣдовали Либона, Маринъ помогалъ Сеяну погубить Курція Аттика: и радовался народъ, что имъ отмѣривалось ихъ же мѣрою.

Въ это время понтифексъ Луцій Пизонъ скончался естественною смертью: рѣдкое счастіе при такой знаменитости! Никогда не подавалъ онъ унизительнаго мнѣнія, сколько могъ умѣрялъ жестокія приказанія. Я говорилъ уже, что отецъ его былъ цензоръ. Онъ жилъ до 80 лѣтъ, во Ѳракіи заслужилъ тріумфальныя украшенія, но особенно прославился тѣмъ, что сдѣланный префектомъ города, не смотря на то, что должность эта только что была превращена въ постоянную, не смотря на трудное повиновеніе новой власти, онъ удивительно искусно держался въ предѣлахъ своихъ хлопотливыхъ обязанностей.

11.

Еще при царяхъ, когда они (а послѣ консулы) отлучались изъ Рима, дабы городъ не оставался безъ на-

чальника, избирался на время правитель, вѣдавшій судъ и имѣвшій право дѣйствовать въ случаѣ непредвидѣнныхъ событій. Говорятъ, что такимъ образомъ Ромулъ назначилъ Дентра Ромулія, Туллъ Гостилій Нуму Марція, Тарквиній Гордый Спурія Лукреція. Консулы продолжали назначать намѣстниковъ и слѣды этого постановленія до сихъ поръ сохранились въ обычаѣ облекать префекта консульскою властью во время латинскихъ ферій. И Августъ во время гражданской войны отдалъ всаднику Цильнію Меценату всю верховную власть надъ Римомъ и Италіей. Потомъ, сдѣлавшись уже неограниченнымъ властителемъ и видя многочисленность народонаселенія и медленное дѣйствіе законовъ, онъ назначилъ одного изъ консуларовъ сдерживать рабовъ и самыхъ буйныхъ гражданъ, на которыхъ можно дѣйствовать только страхомъ немедленнаго употребленія силы. Мессала Корвинъ былъ первый назначенъ въ эту должность, но чрезъ нѣсколько дней отказался подъ предлогомъ неспособности. Потомъ Тавръ Статилій, не смотря на свою дряхлость, съ достоинствомъ исправлялъ ее, и наконецъ Пизонъ въ продолженіи 20 лѣтъ правилъ съ постояннымъ успѣхомъ, и сенатъ приказалъ похоронить его съ торжествомъ.

12.

Народный трибунъ Квинтиліанъ требовалъ сенатскаго рѣшенія по случаю новой Сивильской книги, которую одинъ изъ квиндецимвировъ, Каниній Галлъ, хотѣлъ принять въ число другихъ пророческихъ книгъ. Сенатъ тутъ же согласился, а Тиберій написалъ письмо, въ которомъ слегка укорялъ трибуна, говоря, что онъ еще слишкомъ молодъ и не изучилъ обычаевъ старины, но строго выговаривалъ Галлу, что онъ, давно занимаясь изученіемъ и отправленіемъ обря-

довъ, принялъ сочиненіе неизвѣстнаго автора, не спросивъ мнѣнія квиндецимвировъ, не заставивъ, какъ это водится, главныхъ жрецовъ прочитать и оцѣнить эту книгу, а просто показавъ ее неполному сенату. Тутъ же припомнилъ онъ, что когда появилось много подложныхъ книгъ подъ знаменитымъ именемъ, то Августъ постановилъ, чтобы до извѣстнаго дня всѣ книги были отданы городскому претору и не позволилъ держать ни одной въ частныхъ рукахъ. Такое же опредѣленіе состоялось и прежде, когда въ гражданскую войну сгорѣлъ капитолій и стали собирать предвѣщанія Сивиллы (одной и той же, или многихъ, все равно) изъ Самоса, изъ Иліона, изъ Эритреи, даже изъ Африки, Сициліи и италіанскихъ колоній, и поручили жрецамъ разобрать и отдѣлить настоящія отъ поддѣльныхъ, — на сколько дано человѣку судить о такихъ вещахъ.

И книга была отдана на разсмотрѣніе квиндецимвирамъ.

13.

При этихъ же консулахъ дороговизна хлѣба едва не произвела возстанія. Нѣсколько дней сряду чернь въ театрѣ позволяла себѣ больше обыкновеннаго выходки противъ Тиберія. Тиберій разсердился и сдѣлалъ выговоръ сенаторамъ и чиновникамъ, что они не употребили силы для усмиренія такого буйства, присовокупляя перечень провинцій, изъ которыхъ онъ выписалъ хлѣба гораздо болѣе, нежели Августъ. И сенатъ выдалъ указъ античной строгости для обузданія народа; консулы съ своей стороны сдѣлали строгія распоряженія, — а Тиберій молчалъ. Но его не хвалили за это молчаніе, какъ онъ ожидалъ, а приписали его гордости.

14.

Къ концу года погибли, какъ заговорщики, римскіе всадники Геминій, Цельзъ и Помпей. Геминій пользовался дружбою Сеяна за свою расточительность и изнѣженную жизнь; онъ не былъ въ состояніи задумать что-нибудь серьезное. Юлій Цельзъ, трибунъ, окованный длинною цѣпью, обернулъ ее около шеи, натянулъ—и сломалъ себѣ позвонокъ. Рубрій Фабатъ, отчаявшись въ возможности улучшить положеніе Рима, бѣжалъ просить пріюта у Пароянъ; но у Сицилійскаго пролива его схватили, центуріонъ доставилъ его въ Римъ, приставили къ нему стражу. Какъ бы то ни было, онъ не могъ дать никакой достаточной причины своего далекаго странствованія: однакожъ остался невредимъ. Вѣроятно, о немъ забыли, а не простили его.

786,—33.

15.

Въ консульство Сервія Гальбы и Луція Суллы, Цезарь, послѣ долгаго размышленія, кого взять въ мужья своимъ внучкамъ, уже невѣстамъ, выбралъ наконецъ Луція Кассія и Марка Виниція. Виниций былъ изъ провинціи; онъ родился въ Калахъ; отецъ и дѣдъ его были консулами; остальной родъ были всадники. Это былъ человѣкъ мягкаго характера и хорошій ораторъ. Кассій былъ плебейскаго рода, но рода древняго и знаменитаго, строго былъ воспитанъ отцомъ, но самъ отличался болѣе любезностью, нежели заслугами. Виницій женился на Юліи, Кассій на Друзиллѣ, дочеряхъ Гер-

маника. Тиберій сообщилъ объ этомъ письменно сенату, похвалилъ слегка молодыхъ людей, привелъ нѣсколько пустыхъ причинъ своего отсутствія,—и перешелъ къ болѣе важнымъ предметамъ, о новыхъ врагахъ, нажитыхъ имъ за свое правленіе; просилъ, чтобы приказали префекту Макрону съ небольшимъ числомъ трибуновъ и центуріоновъ сопровождать его въ сенатъ, когда онъ вздумаетъ посѣтить курію. Тотчасъ же состоялось сенатское опредѣленіе, безъ означенія рода и числа охранной стражи. Но Тиберій не только никогда не заглянулъ въ сенатъ, но даже не въѣхалъ въ городъ, часто колесилъ вокругъ него и отъѣзжалъ прочь.

16.

Между тѣмъ туча доносчиковъ разразилась надъ ростовщиками, нарушавшими законъ диктатора Цезаря. Этотъ законъ опредѣлялъ количество имѣнія въ Италіи и ограничивалъ сумму, которую можно было дать взаймы. Онъ былъ давно забытъ, потому что частный интересъ всегда ставится выше общественнаго. Извѣстно, что растовщики—старая язва Рима, самая обыкновенная причина раздоровъ и возмущеній. Вотъ почему даже въ древности, когда нравы не были испорчены, старались помочь этому злу. Во первыхъ, по законамъ двѣнадцати таблицъ нельзя было брать болѣе одного процента въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ прежде всякій бралъ, что хотѣлъ. Потомъ, по требованію трибуновъ, проценты уменьшили еще на половину и наконецъ совершенно запретили. Различными плебисцитами старались предупредить обманы, которые все появлялись подъ новой формой. Преторъ Гракхъ, которому достался этотъ вопросъ, пораженный множествомъ замѣшанныхъ тутъ лицъ, донесъ объ

этомъ сенату; испуганные сенаторы (потому что всѣ были тутъ не безгрѣшны) просили у Тиберія извиненія. Онъ далъ имъ полтора года, чтобы въ этотъ срокъ привести дѣла въ порядокъ, требуемый закономъ.

17.

Отъ этого деньги стали рѣдки; заимодавцы отобрали всѣ свои капиталы и сверхъ того имѣнія множества осужденныхъ взяты были въ фискъ или казну, куда и скоплялась монета. Сенатъ приказалъ употребить двѣ трети капиталовъ на покупку земель въ Италіи. Но заимодавцы требовали всего, должники не могли имъ отказать, и началась суматоха, просьбы; осадили трибуналъ претора. Эта продажа и покупка по неволѣ, вмѣсто того, чтобы помочь, повредила дѣлу, потому что капиталисты припрятали всѣ свои деньги, чтобы самимъ купить земли; такъ какъ ея продавалось множество, то цѣна упала, и чѣмъ болѣе кто погрязъ въ долгахъ, тѣмъ труднѣе находилъ покупщика. Многіе разорились, потеря имѣнія влекла за собою и потерю репутаціи. Наконецъ Тиберій подалъ помощь, учредивъ банкъ во сто милліоновъ сестерцій, который выдавалъ взаймы на три года безъ процентовъ различныя суммы подъ залогъ двойной цѣнности. Кредитъ возстановился, мало по малу частные люди стали давать взаймы свои капиталы, а что касается до покупки земель, то, какъ водится, опредѣленіе сената сначала соблюдалось очень строго, а потомъ совсѣмъ забыто.

18.

Вскорѣ возвратились прежнія опасенія. Консидій Прокулъ преспокойно праздновалъ день своего рожденія,—какъ вдругъ

его обвинили въ оскорбленіи величества, тотчасъ же поволекли въ сенатъ и тутъ же осудили и казнили; сестру его Санцію отправили въ ссылку. Ихъ обвинилъ Квинтъ Помпоній, человѣкъ безпокойный, не въ первый разъ пускавшійся на такія дѣла, и говорившій, что онъ это дѣлаетъ, чтобы снискать у Тиберія милость своему брату Помпонію Секунду.

Изгнали также Помпею Макрину; Тиберій погубилъ ея мужа Арголика и тестя Лакона, ахайскихъ вельможъ. Ея отецъ, знаменитый римскій всадникъ, и братъ, бывшій преторъ, ожидая приговора и себѣ, кончили жизнь самоубійствомъ. Имъ вмѣнялось въ преступленіе, что прадѣдъ ихъ, Өеофанъ Митиленскій, былъ другомъ Помпея Великаго, и что по смерти Өеофана подобострастные Греки воздавали ему божескія почести.

19.

Послѣ этого Секстъ Марій, богатѣйшій Испанецъ, обвиненъ былъ въ кровосмѣшеніи съ дочерью и свергнутъ съ Тарпейской скалы. А чтобы никто не сомнѣвался, что его сгубило богатство, Тиберій присвоилъ его себѣ, хотя оно должно было идти въ государственную казну. Наконецъ, разъяренный всѣми этими казнями, онъ приказалъ разомъ покончить всѣхъ содержавшихся подъ стражею по дѣлу Сеяна. И началась страшная бойня; трупы мужчинъ и женщинъ, людей всякаго возраста, и знаменитыхъ, и неизвѣстныхъ, лежали и по одиночкѣ и кучами. Родственникамъ и друзьямъ не позволяли ни подходить, ни плакать, ни смотрѣть; стража стояла вокругъ и подмѣчала горе каждаго, и не покидала ихъ покуда, уже испорченные, не побросали въ Тибръ. Но и тутъ, уносило ли ихъ теченіемъ, прибивало ли къ бе-

регу, — никто не смѣлъ къ нимъ прикоснуться, никто не смѣлъ ихъ сжечь. Страхъ за собственную жизнь подавлялъ всѣ человѣческія чувства, и чѣмъ болѣе была жестокость, тѣмъ менѣе люди показывали состраданія.

20.

Около этого же времени Кай Цезарь, который сопровождалъ дѣда своего на Капрею, женился на Клавдіи, дочери Марка Силана; скрывая свой свирѣпый характеръ подъ личиною скромности, онъ никогда не проронилъ слова ни объ осужденіи матери, ни о ссылкѣ братьевъ; въ расположеніи духа, въ обращеніи, въ словахъ, копировалъ онъ Тиберія. Вскорѣ повсюду разнеслось остроумное слово оратора Пассіена:

— Никогда не было лучшаго подданнаго и худшаго государя!

Не опущу я предсказанія Тиберія о Сервіи Гальбѣ, въ то время консулѣ. Призвавъ его къ себѣ и поговоривъ съ нимъ о различныхъ предметахъ, Тиберій сказалъ по-гречески:

— И ты, Гальба, отвѣдаешь верховной власти.

Такъ предсказалъ онъ его позднее и кратковременное правленіе, потому что употребилъ свое свободное время въ Родосѣ на изученіе халдейской науки, подъ руководствомъ Тразилла, котораго знаніе онъ испыталъ слѣдующимъ образомъ.

21.

Всякій разъ, когда Тиберій хотѣлъ посовѣтоваться съ астрологомъ, одинъ изъ его отпущенниковъ, человѣкъ безграмотный, но сильный, приводилъ къ нему того, чье знаніе Тиберій хотѣлъ испытать, околицами и ущельями; Тиберій

ждалъ своего гостя на возвышенной части дома, стоявшаго на утесѣ, и если подозрѣвалъ гадателя въ обманѣ, или въ невѣжествѣ, то отпущенникъ сталкивалъ его въ море, чтобы тайна Тиберія не разнеслась. Привели этимъ путемъ Тразилла. Когда онъ предсказалъ Тиберію верховную власть, искусно изложилъ предъ нимъ его будущность, Тиберій былъ пораженъ и спросилъ Тразилла:

— Составлялъ ли ты свой собственный гороскопъ? Что предвѣщаютъ тебѣ звѣзды нынѣшній годъ и день?

Тразиллъ посмотрѣлъ на положеніе звѣздъ, измѣрилъ разстояніе, смѣшался, поблѣднѣлъ и, по мѣрѣ наблюденія, трепеща болѣе и болѣе отъ смущенія и страха, наконецъ воскликнулъ:

— Опасный часъ насталъ для меня! мнѣ грозитъ страшная бѣда и смерть!

Тогда Тиберій обнялъ его, поздравилъ съ истиннымъ даромъ предвѣдѣнія, успокоилъ на счетъ грозившей ему бѣды и съ тѣхъ поръ вѣровалъ въ него, какъ въ оракула и считалъ его въ числѣ самыхъ приближенныхъ друзей.

22.

Когда я слышу подобныя вещи, во мнѣ рождается недоумѣніе: подвержена ли участь смертныхъ необходимымъ и неизмѣннымъ законамъ судьбы, или просто случаю? Даже между древнѣйшими мудрецами и послѣдователями ихъ найдешь большое разногласіе на этотъ счетъ. Одни полагаютъ, что боги не думаютъ ни о рожденіи, ни о смерти, ни вообще объ участи людей, потому что часто можно видѣть, какъ несчастны достойные люди, и какъ счастливы злодѣи. Другіе, напротивъ того, думаютъ, что все подчинено не-

измѣннымъ законамъ предопредѣленія, зависящаго не отъ положенія звѣздъ, а отъ общаго хода, отъ общей связи законовъ природы. Они, правда, допускаютъ въ человѣкѣ свободу дѣйствія, но ограничиваютъ ее тѣмъ, что первый поступокъ необходимо влечетъ за собою опредѣленныя послѣдствія; они понимаютъ добро и зло не такъ, какъ понимаетъ ихъ большинство; приводятъ, что человѣкъ, подвергающійся безпрестанно неудачамъ, бываетъ иногда счастливъ, а богачъ, купающійся въ золотѣ—нерѣдко несчастливъ, если только первый съ твердостью переноситъ горе, а второй не умѣетъ пользоваться фортуной. Впрочемъ большую часть людей не разубѣдишь въ томъ, что будущность каждаго предопредѣлена при самомъ рожденіи. Часто предсказанія не сбываются, но въ этомъ виновато невѣжество гадателей, а не наука, вѣрности которой можно найти ясныя доказательства теперь, и въ древности. Сынъ Тразилла предсказалъ Нерону вступленіе на престолъ, но я упомяну объ этомъ въ свое время, чтобы не слишкомъ удлиннить отступленіе отъ разсказа.

23.

При тѣхъ же консулахъ узнали о смерти Азинія Галла, безъ сомнѣнія, уморившаго себя голодомъ, но неизвѣстно, по доброй волѣ, или по необходимости. Когда спросили у Цезаря, позволитъ ли онъ его хоронить? онъ не устыдился разрѣшить и пожалѣть, что Галлъ умеръ, не дождавшись торжественнаго обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ не нашлось свободнаго времени, чтобы судить старика, бывшаго консула и родственника столькихъ бывшихъ консуловъ!

Вскорѣ умеръ Друзъ. Девять дней поддерживалъ онъ

свою жизнь жалкою пищей—охлопьями изъ своего тюфяка. Распространился слухъ, что Макрону было приказано, если Сеянъ подниметъ оружіе, вывесть этого молодаго человѣка, который былъ во дворцѣ подъ стражею, и дать его въ предводители народу; говорили даже, что Тиберій хочетъ помириться со снохою и внукомъ — и Тиберій предпочелъ жестокость раскаянію.

24.

Мало того, не оставляя въ покоѣ даже праха его, Тиберій обвинялъ его въ гнусномъ развратѣ, въ постоянномъ желаніи вредить своимъ, въ ненависти къ республикѣ; приказалъ читать журналъ его поступковъ и рѣчей, составленный по днямъ. Гнуснѣе этого еще ничего не было видано. Нѣсколько лѣтъ сряду приставленные шпіоны слѣдили за каждымъ его взглядомъ, вздохомъ, за тайными его помышленіями. Не хотѣли вѣрить, чтобы дѣдъ могъ слушать, читать и даже обнародывать такія вещи: но дневникъ Центуріона Акція и отпущенника Дидима называлъ даже тѣхъ рабовъ, которые останавливали Друза страхомъ и силою, когда онъ хотѣлъ выйти изъ комнаты. Прочитавъ этотъ отчетъ, центуріонъ прибавилъ еще отъ себя съ торжествомъ, какъ его терзали при смерти, какъ онъ, уже умирая, представился, будто на него нашелъ бредъ, и сталъ проклинать Тиберія, — какъ, потерявъ уже всякую надежду на жизнь, онъ сталъ осыпать его самыми страшными укорами, придумывалъ ужасныя обвиненія, говорилъ, что убійца снохи, племянника, внуковъ, губитель всего собственнаго рода долженъ искупить эти преступленія во имя предковъ и потомства. Сенаторы нѣсколько разъ прерывали чтеніе, какъ будто ужасаясь такихъ преступленій, но въ самомъ дѣлѣ

они были проникнуты страхомъ и изумленіемъ, что Тиберій, этотъ хитрый и скрытный злодѣй, вдругъ, такъ нагло разрывая завѣсу, скрывавшую тайны его дворца, объявлялъ всенародно, какъ внукъ его былъ подъ палкой центуріона, подъ ударами рабовъ и тщетно просилъ какой-нибудь пищи для поддержанія жизни.

25.

Еще не прошло въ народѣ впечатлѣніе, произведенное этой смертью, какъ услышали о кончинѣ Агриппины. Я думаю, что по смерти Сеяна въ ней возродилась надежда, но какъ строгій присмотръ за нею не ослабѣвалъ, то она уморила себя голодомъ. А можетъ быть, и Тиберій избралъ для нея этотъ родъ смерти, чтобы думали, что она сама себя лишила жизни. Во всякомъ случаѣ, онъ сталъ взводить на нее гнуснѣйшія обвиненія: въ развратѣ, въ связи съ Азиніемъ Галломъ; говорилъ, что по смерти Азинія жизнь потеряла для нея всякую прелесть, оттого она и рѣшилась умереть. Но властолюбіе Агриппины, не терпѣвшей совмѣстничества, придавало ей мужество и спасало отъ женскихъ слабостей. Тиберій приказалъ замѣтить, что она умерла ровно чрезъ два года послѣ казни Сеяна, въ тотъ же самый день, и хвалился, что она не пала отъ руки палача, что трупъ ея не бросятъ въ Гемоніи. Сенатъ благодарилъ его за такое милосердіе и постановилъ, чтобы впредь въ 15-й день календъ ноября — день смерти Сеяна и Агриппины,— дѣлать приношенія Юпитеру.

26.

Немного спустя вздумалъ лишить себя жизни Кокцей Нерва, неразлучный спутникъ Тиберія, ученый правовѣдъ

и теологъ, въ полной милости и въ совершенномъ здоровьѣ. Тиберій, узнавъ объ этомъ, сталъ приставать къ нему, допрашивать о причинѣ, умолять его; просилъ подумать, какъ оскорбительно для совѣсти и славы Тиберія, что лучшій другъ его безъ всякой причины лишаетъ себя жизни. Но Нерва не слушалъ и не принималъ никакой пищи. Повѣренные его тайнъ говорили, что, видя вблизи всѣ бѣдствія государства, онъ отъ негодованія или отъ страха рѣшился честно кончить жизнь, пока оставался цѣлъ, пока очередь не дошла и до него.

Смерть Агриппины — странная вещь! — погубила Планцину. Она была за-мужемъ за Кнеемъ Пизономъ, не скрывала своей радости о смерти Германика, и, когда Пизонъ былъ подъ судомъ, ее спасло заступничество Августы и не менѣе того вражда съ Агриппиной. Покровительство и ненависть исчезли — и законъ взялъ свое. Обвиненная въ преступленіяхъ, всѣмъ извѣстныхъ, она отъ собственной руки приняла, хотя позднюю, но заслуженную казнь.

27.

Ко всѣмъ этимъ несчастнымъ событіямъ присоединилось еще огорченіе, что Юлія, дочь Друза, бывшая прежде за Нерономъ, вступила въ новый бракъ съ Рубелліемъ Бландомъ, котораго дѣда, Тибуртинца и римскаго всадника, многіе помнили.

Въ концѣ года Элія Ламію почтили цензорскимъ погребеніемъ. Долго считался онъ правителемъ Сиріи и не смѣлъ выѣхать изъ Рима, но наконецъ сдѣланъ префектомъ города. Родъ его былъ извѣстенъ, старость дѣятельна, а запрещеніе ѣхать въ провинцію увеличило уваженіе, которымъ онъ пользовался.

По случаю смерти Флакка Помпонія, пропретора Сиріи, получено было отъ Цезаря письмо, въ которомъ онъ жаловался, что всѣ извѣстные люди, способные править войсками, отказываются отъ начальствованія, что онъ въ крайности долженъ просить, чтобы бывшимъ консуламъ вмѣнили въ обязанность править провинціями. Онъ забылъ, видно, что Аррунцій уже десять лѣтъ ждалъ позволенія ѣхать въ Испанію.

Въ этомъ же году умеръ Маркъ Лепидъ, объ умѣренности и благоразуміи котораго я уже говорилъ въ первой книгѣ. Нечего говорить о знаменитости его рода: родъ Эмиліевъ произвелъ много извѣстныхъ людей, достойныхъ гражданъ; если кто изъ нихъ не отличался нравственностью, тотъ прославился блистательною участью.

787,—34.

28.

Въ консульство Павла Фабія и Луція Вителлія прилетѣлъ въ Египетъ фениксъ. Уже много вѣковъ прошло, какъ этой птицы не было видно, и ученые Египтяне и Греки по этому случаю много стали писать объ удивительномъ явленіи. Я здѣсь упомяну о томъ, въ чемъ всѣ согласны, да еще кое о чемъ, хоть не положительно опредѣленномъ, но любопытномъ. Всѣ согласны, что эта птица посвящена солнцу, что она своимъ видомъ и перьями совершенно не похожа на остальныхъ птицъ. О продолжительности ея жизни говорятъ различно: большею частью опредѣляютъ ее въ 500 лѣтъ, нѣкоторые въ 1461 годъ. Утверждаютъ, что первый

фениксъ прилетѣлъ при Сезострисѣ, потомъ при Амазисѣ и при Птолемеѣ, третьемъ царѣ изъ Македонянъ; они летѣли къ городу Геліополису въ сопровожденіи стаи другихъ птицъ, удивлявшихся невиданной формѣ. Но древность темна: отъ Птолемея до Тиберія прошло менѣе 250 лѣтъ и отъ того нѣкоторые полагаютъ, что послѣдній фениксъ прилетѣлъ не изъ Аравіи, да и вовсе не былъ похожъ на тѣхъ, о которыхъ упоминаютъ преданія древности. О прежнемъ фениксѣ разсказываютъ, что когда онъ доживаетъ свое время и смерть приближается, онъ строитъ гнѣздо на своей землѣ, оплодотворяетъ его, и вскорѣ рождается новый фениксъ, который только что возростетъ, заботится о погребеніи отца. И дѣлаетъ онъ это не на авось, а сначала пробуетъ переносить массы мирры, перелетать большія пространства, и когда убѣдится, что можетъ летѣть далеко съ большою тяжестью, беретъ тѣло отца, несетъ его на алтарь солнца и сожигаетъ. Все это невѣрно и баснословно, но нельзя отвергать, что феникса видали въ Египтѣ.

29.

А въ Римѣ кровь продолжала литься. Помпоній Лабеонъ, правитель Мезіи, открылъ себѣ вены и истекъ кровью; жена его Паксея послѣдовала его примѣру. Страхъ погибнуть отъ руки палача умножилъ число самоубійствъ; сверхъ того казненныхъ лишали погребенія, имѣнія ихъ были конфискуемы, а тѣла самоубійцъ были погребаемы и завѣщанія ихъ исполнялись, какъ бы въ награду за скорую ихъ рѣшимость. Но Тиберій въ письмѣ своемъ къ сенату говорилъ, что еще древніе, желая съ кѣмъ нибудь прекратить дружбу, отказывали ему входъ въ свой домъ; что онъ точно также посту-

пилъ съ Лабеономъ, который, боясь обвиненія за свое дурное управленіе провинціей и за другія преступленія, хотѣлъ своимъ самоубійствомъ свернуть всю вину на Тиберія; что жена его напрасно испугалась; хотя она и была виновата, ея бы не тронули.

Потомъ потребовали на судъ Мамерка Скавра, знаменитаго своимъ происхожденіемъ и краснорѣчіемъ, но человѣка порочной жизни. Его погубила не дружба Сеяна, а неменѣе страшная ненависть Макрона, который преслѣдовалъ свои жертвы съ большею скрытностію. Онъ нашелъ предлогъ въ трагедіи, сочиненной Скавромъ, и представилъ стихи, которые можно было приложить къ Тиберію; но Сервилій и Корнелій публично обвинили Скавра въ связи съ Юліей и въ чародѣйствѣ. Скавръ, какъ достойный потомокъ Эмиліевъ, предупредилъ казнь по увѣщанію жены своей Секстіи, которая раздѣлила его участь.

30.

Впрочемъ и доносчики, если представлялся случай, казнились, какъ Сервилій и Корнелій, пріобрѣтшіе извѣстность чрезъ обвиненіе Скавра. Они были навсегда сосланы на острова, за то, что получили съ Варія Лигура деньги, чтобы не подавать на него доносъ. Бывшій эдиль, Абудій Рузонъ, командовавшій легіономъ, подъ начальствомъ Лентула Гетулика, хотѣлъ поставить ему въ преступленіе, что онъ отдалъ дочь свою за сына Сеяна,—но самъ былъ обвиненъ и изгнанъ изъ Рима. Гетуликъ въ то время начальствовалъ надъ легіонами верхней Германіи и своимъ милосердіемъ и умѣренною строгостью пріобрѣлъ безграничную любовь солдатъ, а чрезъ тестя своего Луція Апронія былъ онъ извѣстенъ и другому, ближайшему войску. Это заставило

всѣхъ вѣрить слуху, будто онъ осмѣлился писать къ Тиберію, что вступилъ въ родство съ Сеяномъ не по собственному желанію, а по совѣту Тиберія; что онъ могъ ошибиться также, какъ Тиберій; что одна и таже ошибка не должна быть безнаказанна для Тиберія и пагубна для другихъ; что онъ, Гетуликъ, останется вѣрнымъ, пока его не затронутъ, но что, если вздумаютъ отдать его власть другому, онъ приметъ это за смертный приговоръ; что не заключить ли имъ между собою родъ договора, чтобы Тиберій владѣлъ всѣмъ, а онъ провинціями.

Этотъ невѣроятный слухъ имѣлъ впрочемъ то основаніе, что Гетуликъ одинъ изъ всѣхъ приближенныхъ къ Сеяну остался невредимъ и даже въ большой милости у Тиберія, который видѣлъ всеобщую къ себѣ ненависть, безпомощную дряхлость и понималъ, что держится больше по привычкѣ, нежели дѣйствительною силой.

788,—35.

31.

Въ консульство Кая Цестія и Марка Сервилія пріѣхали въ Римъ благородные Пароянѳ безъ вѣдома царя Артабана, который, боясь Германика, оставался вѣренъ Римлянамъ и справедливъ къ своимъ, но послѣ сталъ съ нами гордъ, со своими народами жестокъ; удачныя войны противъ сосѣднихъ народовъ вскружили ему голову, онъ сталъ видѣть въ Тиберіи беззащитнаго дряхлаго старика, завладѣлъ Арменіей, давъ ей въ цари, по смерти Артаксіаса, старшаго сына своего Арзаса; нанесъ личное оскорбленіе Тиберію, по-

слалъ требовать сокровища, оставленныя Вонономъ въ Сиріи и Киликіи; требовалъ возстановленія древнихъ границъ между Персами и Македонянами; нагло хвалился, что завоюетъ имперію Кира и Александра. Первые зачинщики тайнаго посольства Парѳянъ въ Римъ были знатный богачь Синнакъ и другъ его Абдъ, евнухъ, что у варваровъ не только не уменьшаетъ уваженія, но даже часто бываетъ причиною повышеній. Согласившись съ другими вельможами и принявъ во вниманіе, что никому изъ Арзацидовъ нельзя отдать престолъ, потому что въ живыхъ оставались только малолѣтные, остальные были умерщвлены Артабаномъ, они просили у Рима въ цари Фраата, Фраатова сына. Имъ нужно было только имя, начальникъ и согласіе Цезаря; нужно было, чтобы кто-нибудь изъ Арзацидовъ показался на берегу Евфрата.

32.

Тиберій того и хотѣлъ. Онъ одарилъ Фраата, посвятилъ на царство отцовское, постоянно слѣдуя своей политикѣ, чтобы употреблять во внѣшнихъ дѣлахъ умъ и хитрость, но воздерживаться отъ оружія. Артабанъ, узнавъ между тѣмъ, что противъ него затѣвали, то медлилъ отъ страха, то разгорался жаждою мести. Но у варваровъ медленность постыдна, быстрое исполненіе считается истинно царскимъ дѣломъ. Все-таки осторожность взяла верхъ; онъ успѣлъ обмануть Абда личиною дружбы, пригласить на пиръ и отравить медленнымъ ядомъ, и замедлялъ ходъ дѣла, обманувъ и Синнака притворствомъ и осыпая его подарками. А Фраатъ, покинувъ въ Сиріи жизнь на римскій ладъ, къ которой онъ издавна привыкъ, и принявъ обычаи Парѳянъ, не могъ перенесть образа жизни своихъ отцовъ и скончался.

Но Тиберій не оставилъ начатаго. Онъ выбираетъ въ соперники Артабану Тиридата, тоже изъ рода Арзацидовъ, миритъ Иберійца Митридата съ братомъ его Фарасманомъ, правителемъ родной земли, и указываетъ ему на Арменію, назначая Луція Вителлія вести всѣ эти дѣла на Востокѣ. Я знаю, какой мрачной репутаціей пользуется этотъ человѣкъ въ Римѣ, какія страшныя преступленія ему приписываютъ: но провинціей управлялъ онъ съ античною доблестью. Когда онъ возвратился въ Римъ, страхъ предъ Каемъ Цезаремъ и фамиліарность Клавдія превратили его въ жалкаго раба; конецъ испортилъ начало, забыта была его прекрасная юность, и помня только постыдную старость, потомки считаютъ его образцомъ гнуснаго льстеца.

33.

Митридатъ прежде всѣхъ началъ дѣйствовать, силою и коварствомъ заставилъ Фарасмана помогать себѣ; нашлись шпіоны, которые подкупили огромными суммами невольниковъ Арзаса и уговорили ихъ убить его; въ тоже время огромное войско Иберійцевъ вторгнулось въ Арменію и овладѣло городомъ Артаксатою. Артабанъ, узнавъ объ этомъ, поручаетъ сыну своему Ороду отмстить за себя, даетъ ему парѳянскую армію, посылаетъ нанять чужеземныя войска. Фарасманъ, съ своей стороны, соединяется съ Албанцами и призываетъ Сарматовъ, которыхъ князья, по своему обычаю, взявъ деньги съ обѣихъ воюющихъ сторонъ, обѣщали помощь той и другой. Но Иберійцы владѣли землею, и помогавшіе имъ Сарматы безъ труда чрезъ Каспійскіе ворота вторгнулись въ Арменію; а тѣ, которые шли помогать Парѳянамъ, легко были отражены, потому что всѣ проходы были заняты непріятелемъ, кромѣ одного, остававшагося

между морем и крайними горами Албаніи, который былъ недоспупенъ по времени года: морской вѣтеръ покрываетъ его на лѣто водою, и только зимой южный сгоняетъ ее и, какъ бы отталкивая море, обнажаетъ землю.

34.

Между тѣмъ Фарасманъ со своими вспомогательными войсками вызывалъ на битву Орода, къ которому не пришли союзники; и когда тотъ отказался, началъ его безпрестанно аттаковать, подходить къ лагерю, нападать на пастбища; часто окружалъ и какъ бы осаждалъ лагерь. Наконецъ Парѳяне вышли изъ терпѣнія отъ такихъ оскорбленій и пристали къ царю, требуя битвы. Вся сила ихъ заключалась въ конницѣ, а у Фарасмана сверхъ того была и пѣхота. Иберійцы и Албанцы, живя въ гористой странѣ, свыклись съ трудами и терпѣніемъ. Они выдаютъ себя за потомковъ Ѳессалійцевъ, говоря, что Язонъ, похитивъ Медею и приживъ съ ней дѣтей, по смерти отца ея Эета пріѣхалъ занять праздный престолъ Колхиды. Это имя, также какъ и оракулъ Фрикса, пользуются у нихъ большою славой. Никто изъ нихъ не согласится принесть въ жертву барана, потому что Фриксъ на немъ ѣздилъ: было ли это въ самомъ дѣлѣ животное, или имя корабля. Между тѣмъ войска съ обѣихъ сторонъ готовились къ битвѣ. Парѳянскій вождь указывалъ на знаменитость восточнаго царства, на славу Арзацидовъ, на низость противниковъ, Иберійскихъ наемщиковъ; Фарасманъ говорилъ своимъ, что они никогда не были во власти Парѳянъ, что чѣмъ смѣлѣе они станутъ дѣйствовать теперь, тѣмъ большую заслужатъ славу своею побѣдой, а если дадутъ тылъ, ихъ ждетъ позоръ и гибель.

И указывалъ онъ на грозный строй своихъ войскъ и на покрытое золотомъ полчище Мидянъ: тутъ мужи, тамъ добыча.

35.

Сарматы слѣдовали не одному голосу своего вождя; они подстрекали другъ друга, совѣтовали бросить стрѣлы, смѣлымъ натискомъ подступить къ врагамъ и вступить въ рукопашный бой. Сраженіе было чрезвычайно разнообразно. Парѳяне и въ бѣгствѣ, и въ преслѣдованіи умѣли разсыпать свои конные отряды и такимъ образомъ очищать мѣсто для метательныхъ копій. Сарматы, оставивъ луки, которыми они не такъ ловко владѣютъ, бросились на враговъ съ мечами и пиками. Тутъ происходятъ обыкновенныя конныя аттаки и отступленія, тамъ пѣхотные строи давятъ другъ друга массою тѣлъ и оружіемъ. Уже Албанцы и Иберійцы начали брать въ плѣнъ, сбивать съ лошадей Парѳянъ; издали конница, а вблизи пѣхота поражали ихъ ранами и исходъ сраженія становился сомнителенъ. Фарасманъ и Ородъ бросаются въ схватку, помогаютъ храбрымъ, поощряютъ трусливыхъ, и, узнавъ другъ друга по одеждѣ, кричатъ, бросаютъ другъ въ друга копья и скачутъ одинъ другому на встрѣчу. Но Фарасманъ наскакалъ съ такою пылкостью, что тотчасъ же пробилъ каску своего врага, но не могъ продолжать поединка, потому что конь его закусилъ удила, а противника прикрылъ отрядъ храбрецовъ. Ложный слухъ, что Ородъ убитъ, испугалъ Парѳянъ—и они уступили побѣду.

36.

Вскорѣ Артабанъ всею массою своихъ силъ двинулся отмстить за пораженіе. Иберійцы, знакомые съ мѣстностью,

бились лучше; но Артабанъ не вздумалъ бы отступить, если бы Вителлій не созвалъ свои легіоны и не распространилъ молву, что идетъ на Месопотамію. Устрашившись войны съ Римлянами, Артабанъ оставилъ Арменію, и дѣло его было проиграно. Вителлій между тѣмъ увѣщевалъ Парѳянъ оставить царя, жестокаго въ мирѣ, несчастнаго въ войнѣ, живущаго имъ на пагубу. Синнакъ, уже прежде враждебный Артабану, какъ я выше упоминалъ, увлекаетъ въ предательство своего отца Абдагеза и другихъ вельможъ, уже давно замышлявшихъ возстаніе и теперь ободренныхъ постоянными пораженіями Артабана. Мало по малу стекались къ нему тѣ, которыхъ удерживалъ болѣе страхъ, нежели благорасположеніе, и которые, видя, что у возстанія есть предводители, ободрились. И у Артабана осталась только его иноземная стража, изгнанники изъ отечества, не имѣвшіе понятія о добрѣ, не знавшіе, что̀ такое совѣсть, жадные только къ деньгамъ и готовые на всякое преступленіе. Съ этой свитой Артабанъ поспѣшно скрылся въ дальнія, пограничныя области Скиѳіи, надѣясь на помощь своихъ тѣсныхъ союзниковъ, Гирканъ и Карманцевъ, надѣясь, что, можетъ быть, Парѳяне, справедливые къ отсутствующимъ и легко измѣняющіе дѣйствительнымъ правителямъ, раскаются.

37.

Между тѣмъ Вителлій, узнавъ о бѣгствѣ Артабана и привязанности народа къ новому царю, совѣтовалъ Тиридату воспользоваться обстоятельствами и повелъ всю силу легіоновъ и союзниковъ къ берегу Евфрата. Когда Вителлій, по римскому обычаю, приносилъ въ жертву *суоветаурилію* (свинью, овцу и быка), а Тиридатъ, по своему, закололъ

лошадь въ честь рѣки, жители береговъ Евфрата извѣстили, что безъ всякаго дождя рѣка сама собою начала сильно наполняться и бѣлая пѣна, крутясь, образовала какъ бы діадемы, въ предзнаменованіе успѣха предпріятія. Но болѣе проницательные люди говорили, что успѣхъ, вѣроятно, не будетъ продолжителенъ, что предсказанія, читаемыя на небѣ и на землѣ, вѣрнѣе, а вода перемѣнчива и уноситъ теченіемъ свои благопріятныя предзнаменованія. Только-что войска переправились черезъ мостъ, построенный на судахъ, какъ явился въ лагерь съ многочисленной конницей Орноспадъ, когда-то сосланный, оказавшій много услугъ Тиберію въ Далматскую войну и заслужившій право римскаго гражданства. Потомъ онъ снова вошолъ въ милость къ Артабану, пользовался у него большимъ почетомъ и назначенъ былъ правителемъ области, лежащей между рѣками Евфратомъ и Тигромъ, и потому названной Месопотаміей. Немного спустя, Синнакъ приводитъ новыя войска, а глава партіи Абдагезъ приноситъ сокровища и регаліи. Вителлій, полагая, что римское оружіе достаточно было выставлено на видъ, припоминаетъ Тиридату подвиги дѣда его Фраата и воспитателя Цезаря, совѣтуетъ вельможамъ повиноваться государю, уважать Римлянъ, оставаться честными и вѣрными, и возвращается съ легіонами въ Сирію.

38.

Я разсказалъ здѣсь сряду событія двухъ лѣтъ, чтобы отдохнуть немного отъ ужасовъ, происходившихъ въ Римѣ. Три года прошло уже послѣ смерти Сеяна, а Тиберія ничто не могло смягчить, что смягчило бы всякаго другаго: ни время, ни просьбы, ни пресыщеніе; онъ казнилъ

за недоказанные и забытые уже проступки, какъ за свѣжія и жестокія преступленія. Фульциній Тріонъ, въ ужасѣ, ожидая обвинителей, лишилъ себя жизни, но оставилъ по себѣ завѣщаніе, въ которомъ обнажалъ всѣ преступленія Макрона и главныхъ отпущенниковъ Цезаря, говоря о самомъ Тиберіи, что старикъ выжилъ изъ ума, и называя его постоянное отсутствіе настоящей ссылкой. Наслѣдники хотѣли скрыть это завѣщаніе, но Тиберій приказалъ прочитать: желалъ ли показать, что можетъ перенести свободу другаго и личное униженіе, или, не зная еще всѣхъ преступленій Сеяна, хотѣлъ видѣть ихъ и хоть изъ оскорбительныхъ выраженій почерпнуть истину, затемняемую лестью. Въ тѣже дни сенаторъ Граній Марціанъ, обвиненный Каемъ Гракхомъ въ оскорбленіи величества, положилъ конецъ своей жизни, а Тацій Граціанъ, бывшій преторъ, по тому же закону былъ приговоренъ къ смертной казни.

39.

Также кончили жизнь Требелліенъ Руфъ и Секстій Паконіанъ: первый умеръ отъ своей руки, второй былъ задавленъ въ темницѣ за стихотвореніе противъ Тиберія. Все это доходило до свѣдѣнія Тиберія уже не такъ какъ прежде, долго и чрезъ море; онъ подъѣхалъ къ самому Риму и отвѣчалъ на письма консуловъ въ тотъ же или на другой день: какъ будто онъ нарочно хотѣлъ любоваться кровопролитіемъ и работою палачей въ Римѣ.

Въ концѣ года умеръ Поппей Сабинъ, не знатнаго происхожденія, но по дружбѣ Цезарей достигшій консульства и тріумфальныхъ украшеній, двадцать четыре года управлявшій огромными провинціями; у него не было необыкновен-

ныхъ талантовъ, но не былъ онъ и ниже своей должности, а стоялъ въ уровень съ нею.

789,—36.

40.

Слѣдующіе консулы были Квинтъ Плавтій и Секстъ Папиній. Въ это время уже такъ свыклись съ бѣдствіями, что ни......, ни казнь Луція Арузеія не показались никому чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Но всѣ пришли въ ужасъ, когда римскій всадникъ Вибуленъ Агриппа, слушая разглагольствованія своихъ обвинителей, въ самомъ сенатѣ вынулъ изъ-за пазухи ядъ и проглотилъ его, и когда ликторы повлекли его, уже умирающаго, въ темницу и уже мертвому перетянули шею петлею. Тигранъ, когда-то правитель Арменіи, былъ обвиненъ, и его не спасъ отъ казни даже титулъ царя. Кай Гальба, консуларъ, и два Блеза добровольно кончили жизнь. Гальбѣ письмо Тиберія запрещало участвовать въ метаніи жребія на управленіе провинціями. Блезамъ обѣщаны были мѣста жрецовъ, когда еще процвѣталъ ихъ домъ, потомъ обѣщаніе забыто и мѣста, какъ не занятыя, были отданы другимъ. Они поняли, что это былъ смертный приговоръ — и казнили себя сами. Эмилія Лепида, бывшая, какъ я говорилъ, за Друзомъ, и осыпавшая мужа безпрестанными обвиненіями, хотя была всѣмъ ненавистна, но оставалась безнаказанною, пока живъ былъ отецъ ея Лепидъ. По смерти же его, ее обвинили въ преступной связи съ рабомъ, и такъ какъ дѣло было очевидно, она не стала и защищаться и прекратила свою жизнь.

41.

Въ это время Клитійцы, народъ, подвластный Каппадокійскому царю Архелаю, недовольные на него за то, что онъ хотѣлъ наложить на нихъ цензъ и подати по нашему примѣру, скрылись въ крутизнахъ горъ Тавра, и въ этой выгодной позиціи были совершенно безопасны отъ плохихъ царскихъ солдатъ. Но правитель Сиріи, Вителлій, послалъ туда легата Марка Требеллія съ четырьмя тысячами легіонаріевъ и избранными вспомогательными войсками. Требеллій окружилъ два холма, на которыхъ укрывались возмутившіеся (меньшій холмъ назывался Кадра, большій Давара), укрѣпился и тѣхъ, которые думали бѣжать, принудилъ сдаться оружіемъ, а тѣхъ, которые оставались, заставилъ покориться жаждою.

Между тѣмъ Парѳяне согласились отдаться Тиридату, и онъ принялъ въ свою власть сначала Никефорію, Антемузіаду и другіе города, лежащіе въ Македоніи и потому носящіе греческія имена, потомъ парѳянскіе города Галъ и Артемиту. Всѣ торжествовали и радовались наперерывъ одинъ передъ другимъ, что на мѣсто Артабана, воспитаннаго между Скиѳами, ненавистнаго за жестокость, получаютъ Тиридата, который долженъ быть обходителенъ, какъ человѣкъ, образованный по-римски.

42.

Всего больше раболѣпствовали жители Селевкіи, могущественнаго города, укрѣпленнаго стѣнами; они не забыли постановленій основателя города, Селевка, и не заимствовали ничего у варваровъ. Триста человѣкъ, избираемые

изъ богатѣйшихъ или способнѣйшихъ гражданъ, составляли сенатъ; народъ участвовалъ въ правленіи. Дѣйствуя за одно, они презираютъ Парѳянъ; но зародятся несогласія, каждая партія призываетъ ихъ на помощь противъ своихъ соперниковъ, и помогая одной партіи, Парѳяне налагаютъ руку на всѣхъ. Такъ случилось недавно при Артабанѣ, который изъ личныхъ видовъ предалъ народъ аристократіи, потому что власть народа даетъ свободу, а олигархія ближе къ самовластію одного. Когда пріѣхалъ Тиридатъ, ему стали воздавать почести, какъ бывало прежнимъ царямъ; придумали, какъ водится, много новыхъ; въ тоже время порицали Артабана, говоря, что онъ Арзацидъ только по женской линіи. Тиридатъ отдалъ правленіе Селевкіи въ руки народа. Разсуждая о назначеніи дня торжественнаго вѣнчанія на царство, онъ получилъ письма отъ Фраата и Гіерона, управлявшихъ сильнѣйшими провинціями, которые просили его обождать немного; онъ согласился на просьбу этихъ могущественныхъ людей, а между тѣмъ переѣхалъ въ Ктезифонъ, главный городъ государства. Но такъ какъ они все медлили, и день уходилъ за днемъ, то Сурена, по обычаю предковъ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа наложилъ на него регаліи.

43.

Покажись онъ тотчасъ внутри государства Парѳянамъ и другимъ народамъ, и сомнѣнія были бы разрѣшены, всѣ бы ему поддались: но онъ занялся осадою крѣпости, куда Артабанъ заключилъ свои сокровища и наложницъ — и далъ время Пароянамъ вновь отъ него отложиться. Фраатъ, Гіеронъ и другіе, не присутствовавшіе при вѣнчаніи Тиридата на царство, частію изъ страха, частію изъ зависти къ Абдагезу, овла-

дѣвшему и дворомъ, и новымъ царемъ, перешли снова на сторону Артабана. Его нашли въ Гирканіи, покрытаго лохмотьями, добывающаго себѣ пищу своимъ лукомъ. Сначала онъ испугался, предполагая обманъ; но потомъ, убѣдившись, что пришли отдать ему царство, онъ ободрился и воскликнулъ:

— Что за перемѣна?

Тогда Гіеронъ сталъ говорить, что Тиридатъ ребенокъ, что верховная власть не у Арзацида въ рукахъ, что у этаго слабаго мальчишки только пустой титулъ, а вся власть въ рукахъ Абдагеза.

44.

Понялъ опытный старикъ, что, если привязанность ихъ и мнима, то ненависть непритворна. Дождавшись только вспомогательныхъ скиѳскихъ войскъ, онъ немедленно пошелъ впередъ, не давая времени врагамъ приготовиться, а друзьямъ раскаяться. Онъ не снялъ съ себя лохмотьевъ, чтобы тронуть народъ; и обманомъ, и просьбами склонялъ онъ на свою сторону нерѣшительныхъ и ободрялъ приверженцовъ. Онъ уже былъ съ многочисленнымъ отрядомъ недалеко отъ Селевкіи, когда Тиридатъ только-что узналъ о его приближеніи и терялъ время, разсуждая, идти ли ему на встрѣчу, или замедлить ходъ войны. Воинственные и пылкіе люди говорили, что надо напасть на разбросанныя войска, утомленныя долгимъ походомъ, еще не привыкшія повиноваться человѣку, котораго только-что предали и считали своимъ врагомъ. Но Абдагезъ совѣтовалъ отступить въ Месопотамію; укрѣпившись за рѣкою, вооружить Армянцовъ, Элимейцевъ и другіе народы въ тылу, и, уже увеличивъ силы союзными и римскими войсками, попытать счастія

въ битвѣ. Это мнѣніе взяло верхъ, потому что Абдагезъ былъ въ большой силѣ, а Тиридатъ не былъ знакомъ съ опасностью. Но отступленіе его походило на бѣгство. Сначала Арабы разошлись по домамъ, другіе послѣдовали ихъ примѣру, часть ушла въ лагерь къ Артабану, и Тиридатъ съ небольшимъ числомъ людей, прибывъ въ Сирію, спасъ всѣхъ отъ стыда измѣны.

45.

Въ этомъ году былъ въ Римѣ большой пожаръ. Сгорѣлъ Авентинъ и смежная съ нимъ часть цирка. Это несчастіе послужило къ славѣ Тиберія, который заплатилъ всѣ убытки за сгорѣвшіе дома. Это стоило ему сто милліоновъ сестерцій и тѣмъ пріятнѣе было для народа, что Тиберій былъ довольно скупъ на постройки. Даже изъ публичныхъ зданій онъ построилъ только два: храмъ Августу и сцену театра Помпея, да и эти зданія, изъ спѣси, или по дряхлости лѣтъ, онъ не освятилъ. Для оцѣнки потери каждаго гражданина назначены были четыре зятя Тиберія: Кней Домицій, Кассій Лонгинъ, Маркъ Виницій и Рубеллій Бландъ; къ нимъ, по выбору консуловъ, присоединенъ Публій Петроній. Всякій придумывалъ новыя почести Тиберію, и всѣ онѣ тотчасъ же утверждались. Не извѣстно, принялъ ли бы онъ ихъ или отвергъ, потому что вскорѣ пресѣклась его жизнь: онъ дожилъ только до начала консульства Кнея Ацерронія и Кая Понція (790,—37). Макронъ, достигшій въ это время огромной власти, никогда не пренебрегалъ расположеніемъ Кая Цезаря, но теперь еще больше сталъ ему угождать. Когда умерла Клавдія, бывшая, какъ я уже говорилъ, замужемъ за Каемъ, Макронъ настроилъ жену свою Эннію, чтобы она завлекла юношу и выманила у него обѣщаніе жениться на ней. Кай

былъ готовъ на все, лишь бы достигнуть верховной власти; не смотря на свою природную заносчивость, онъ научился у своего дѣда отлично притворяться.

790,—37.

46.

Тиберій узналъ объ этомъ и уже сталъ размышлять, кого бы изъ своихъ внуковъ назначить наслѣдникомъ. Сынъ Друза былъ ему ближе и больше по сердцу, но былъ еще малъ; сынъ Германика, въ цвѣтѣ молодости, пользовался любовью народа: этого было достаточно, чтобы дѣдъ его возненавидѣлъ. Думалъ онъ и о Клавдіѣ, уже пожиломъ человѣкѣ, преданномъ ученымъ занятіямъ,—но онъ былъ слабоуменъ. Избрать наслѣдника внѣ своего дома онъ боялся: память Августа и имя Цезарей отдано было бы на посмѣяніе и поруганіе. Тиберій не столько заботился о признательности современниковъ, сколько о славѣ своего потомства. Но не будучи въ состояніи на что нибудь рѣшиться, совершенно ослабѣвъ отъ этихъ тревожныхъ ощущеній, онъ бросилъ все на произволъ судьбы, видя, что силъ его не хватаетъ. Однакожъ нѣсколько сказанныхъ имъ фразъ показали, что онъ предвидѣлъ будущее. Онъ прямо укорялъ Макрона,

— Что онъ отвернулся отъ запада и обратился къ востоку.

Когда Кай Цезарь случайно сталъ насмѣхаться надъ Луціемъ Суллой, Тиберій сказалъ:

— У тебя будутъ всѣ пороки Суллы и ни одного изъ его хорошихъ качествъ.

Обливаясь слезами, обнималъ онъ своего меньшаго внука, и, замѣтивъ свирѣпый взглядъ Кая, сказалъ·

— Ты убьешь его,—но и тебя убьютъ!

Впрочемъ, не смотря на усиливавшуюся болѣзнь, онъ безвыходно погрязалъ въ развратѣ, думая такимъ образомъ скрыть свое разслабленіе. Онъ всегда смѣялся надъ докторами и надъ тѣми, которые, проживъ тридцать лѣтъ, не знаютъ, что полезно, что вредно для ихъ организма и прибѣгаютъ къ постороннему совѣту.

47.

А въ Римѣ между тѣмъ сѣялись сѣмена казней, которыя должны были продолжаться и по смерти Тиберія. Лелій Бальбъ обвинилъ въ оскорбленіи величества Акуцію, бывшую жену Публія Вителлія. Ее приговорили къ смерти и хотѣли присудить награду доносчику, но народный трибунъ Юній Отонъ воспротивился этому: это было причиною ссоры между Отономъ и Бальбою и вскорѣ изгнанія перваго.

Потомъ знаменитая своими любовными похожденіями Альбуцилла, бывшая замужемъ за Сатріемъ Секундомъ, донесшимъ о заговорѣ Сеяна, была обвинена въ непочтительности къ Тиберію. Сюда же замѣшаны были, какъ ея сообщники и любовники, Кней Домицій, Вибій Марсъ и Луцій Аррунцій. О знатности Домиція я уже говорилъ; Марсъ тоже былъ древняго рода и отличался личными качествами. Такъ какъ въ сенатъ подана была только записка, что при допросѣ свидѣтелей и пыткѣ рабовъ присутствовалъ Макронъ, такъ какъ при этой запискѣ не было письма отъ Тиберія, то стали подозрѣвать, что Макронъ воспользовался его болѣзнью и, можетъ быть, даже безъ его вѣдома, хотѣлъ только удовлетворить своей извѣстной ненависти къ Аррунцію.

48.

Домицій сталъ готовить оправданіе, Марсъ притворился, что хочетъ уморить себя голодомъ, и оба спасли этимъ свою жизнь. Друзья совѣтовали и Аррунцію одуматься, переждать:

— Не всякому пристало одно и тоже, отвѣчалъ онъ. Я довольно жилъ; мнѣ жаль только, что я влачилъ тревожную старость между оскорбленіями и опасностями. Прежде преслѣдовалъ меня Сеянъ, теперь — Макронъ. Временщики не любили меня только потому, что я не сносилъ обидъ. Правда, мнѣ не трудно спастись отъ Тиберія, которому осталось доживать нѣсколько дней, — но что спасетъ меня отъ новаго, молодаго тирана, который грозитъ нашей будущности? Если Тиберій, испытавшій столько превратностей въ жизни, погибъ въ упоеніи самовластія, то что можно ожидать отъ Кая Цезаря, который только что вышелъ изъ ребячества, ничего не испыталъ, вскормленъ былъ въ порокахъ и невѣжествѣ, и вступаетъ во власть подъ руководствомъ Макрона? Макрона, который только потому былъ избранъ для пагубы Сеяна, что самъ былъ хуже его и нанесъ гораздо болѣе вреда республикѣ. Я предвижу рабство и угнетѣніе страшнѣйшія прежнихъ, и бѣгу отъ прошедшаго и будущаго!

Произнесши эти пророческія слова, онъ открылъ себѣ вены. Послѣдствія оправдали рѣшимость Аррунція. Альбуцилла ранила себя неловко и по приказанію сената была заключена въ темницу; что касается до сообщниковъ ея развратной жизни, то бывшій преторъ Корсидій Сацердосъ приговоренъ къ ссылкѣ на островъ, Понцій Фрегелланъ къ исключенію изъ списка сенаторовъ, Лелій Бальба тоже. Сенаторы радовались, потому что Бальба всегда готовъ былъ карать невинность своимъ ярымъ краснорѣчіемъ.

49.

Въ это время Секстъ Папиній, изъ консуларскаго семейства, выбралъ для себя мгновенную и ужасную смерть: онъ бросился въ пропасть. Въ этой смерти обвиняли мать его, которая будто бы, не смотря на его долгое сопротивленіе, своими соблазнительными ласками и бражничаньемъ довела его до того, что онъ видѣлъ для себя единственное спасеніе въ смерти. Ее обвинили въ сенатѣ. Долго умоляла она сенаторовъ, обнимала ихъ колѣна, говорила, что при такой потерѣ, въ такомъ несчастіи всякая женщина потеряетъ голову,— напрасно. Ее на десять лѣтъ выслали изъ Рима, чтобы меньшой сынъ ея достаточно возмужалъ и вышелъ изъ опасности соблазна.

50.

Тиберія уже покидали силы, жизнь угасала, но скрытность его не ослабѣвала. Таже подозрительная наблюдательность; тѣ же разсчитанныя слова и мины. Впрочемъ, онъ любилъ быть окруженъ обществомъ, чтобы сколько-нибудь скрыть очевидный упадокъ жизненныхъ силъ. Часто переѣзжалъ онъ съ мѣста на мѣсто, и наконецъ остановился на Мизенскомъ мысѣ, въ виллѣ, принадлежавшей когда-то Лукуллу. Тамъ только узнали, что онъ близокъ къ концу. Это было такъ. Былъ искусный врачъ Хариклесъ, который хотя и не лечилъ обыкновенно Тиберія, но часто давалъ ему совѣты. Выходя отъ Тиберія, какъ будто по какому-то дѣлу, Хариклесъ взялъ его за руку, какъ бы для того, чтобы поцѣловать, и въ то самое время искусно ощупалъ пульсъ. Но Тиберій замѣтилъ это. Обидѣлся ли онъ и хотѣлъ ли лучше

скрыть свое оскорбленіе, неизвѣстно: только приказалъ приготовить пиръ и просидѣлъ дольше обыкновеннаго, какъ будто въ честь друга, который отъ него уѣзжалъ. Но Хариклесъ все-таки утвердительно сказалъ Макрону, что онъ ни за что не переживетъ двухъ дней. Тотчасъ же присутствующіе рѣшили распорядиться всѣмъ нужнымъ, послали къ легатамъ и войскамъ. Въ 17 календы апрѣля впалъ онъ въ обморокъ, и всѣ думали, что жизнь его кончена; уже Кай Цезарь, окруженный толпою поздравителей, шелъ принять бразды правленія, какъ вдругъ доносятъ ему, что Тиберій очнулся и проситъ ѣсть, чтобы возстановить ослабѣвшія силы. Всѣ затрепетали, разбѣжались, явились къ Тиберію съ маской скорби и невинности на лицѣ, — Кай безмолвно ожидалъ своей участи... Но безстрашный Макронъ приказываетъ задушить старика подъ тяжестью покрывалъ, и всѣмъ разойтись. Такъ скончался Тиберій на 78 году своей жизни.

51.

По отцу своему Нерону и по матери принадлежалъ онъ къ роду Клавдіевъ, хотя мать и была послѣ принята въ домъ Ливіевъ и Юліевъ. Съ самаго младенчества онъ подвергался разнообразнымъ приключеніямъ. Сначала онъ послѣдовалъ за отцомъ въ изгнаніе, потомъ, принятый въ домъ Августа, онъ боролся со множествомъ соперниковъ, потому что тогда были въ силѣ и Марцеллъ, и Агриппа, и Кай и Луцій Цезари. Даже братъ его Друзъ былъ болѣе любимъ народомъ. Но самая жалкая минута его жизни была та, когда онъ женился на Юліи и долженъ былъ или переносить развратъ жены, или бѣжать отъ нея. Возвратившись съ острова Родоса, онъ двѣнадцать лѣтъ жилъ сокрытый въ глубинѣ Августова дворца, потомъ почти двадцать три года

правилъ Римлянами. И характеръ его измѣнялся: прекрасной жизни, отличной репутаціи, пока былъ частнымъ человѣкомъ или начальствовалъ при Августѣ; скрытный и коварный подъ личиною добродѣтели при жизни Германика и Друза; какая-то смѣсь добра и зла при жизни матери; звѣрски жестокій, но скрывавшій свои тайныя страсти, пока любилъ, или боялся Сеяна, и наконецъ наглый злодѣй, погрязшій въ развратѣ, когда, отбросивъ всякій стыдъ и страхъ, повиновался лишь своимъ страстямъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

